

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

№ 3
ТОМ 14

ISSN 2413-6891

2026

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A N A U K A
I S O C I A L ' N A J A P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год;
с 2023 г. в сетевом формате

2026. Том 14, № 3

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.3

EDN: TZGMCA

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория K1, белый список, уровень 1,
индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:
<https://www.socnp.ru>

Редакционная коллегия

МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	Главный редактор – доктор социологических наук, начальник редакционно-издательского управления ФНИСЦ РАН, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор, Восточный институт Бурятского государственного университета (Россия)
АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна	доктор социологических наук, заместитель директора, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
БЕЛЯЕВА Людмила Александровна	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, и. о. директора ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	доктор философских наук, профессор, МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, Ноттингемский университет (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
НАЗАРОВ Михаил Михайлович	доктор политических наук, главный научный сотрудник, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Россия)
ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич	академик РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия)
СМИРНОВ Александр Ильич	заместитель главного редактора , доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь, НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

MOZGOVAYA Alla	(Editor in Chief) , Doctor of Sociology, Head of the Department, FCTAS RAS; Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
AKTAMOV Innocentiy	Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
ANDREENKOVA Anna	Doctor of Sociology, Associate Director, Institute for Comparative Social Research (CESSI) (Russia)
BARASH Raisa	Candidate of Politology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
BELIAEVA Ludmila	Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Philosophy of RAS (Russia)
DWYER Tom	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
ZUBOK Julia	Doctor of Sociology, Acting Director of FCTAS RAS (Russia)
GOFMAN Alexander	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)
GRIGOR'EVA Ksenija	Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
KONSTANTINOVSKY David	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
KRAVCHENKO Sergey	Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
LI Pailin	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
MORGAN John	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, University of Nottingham (UK)
MUKOMEL Vladimir	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
NAZAROV Michael	Doctor of Politology, Main Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (Russia)
PORFIRIEV Boris	Academician RAS, Doctor of Economy, Professor, Scientific Supervisor, Institute of National Economic Forecasting RAS (Russia)
SMIRNOV Alexander	(Deputy Editor) , Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
TIKHONOVA Natalia	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

<i>Мозговая А. В.</i> Социальные процессы и динамика социальных групп в современном российском обществе в фокусе социологических исследований	7
--	---

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

<i>Тихонова Н. Е., Каравай А. В.</i> Дифференциация занятости и её влияние на социальную структуру российского общества.	12
<i>Сушко П. Е.</i> Консолидационный и мобилизационный потенциалы российского общества в условиях геополитических вызовов	37
<i>Бабич Н. С., Батыков И. В.</i> Угнетение рождаемости в обществе потребления: перспектива социальной критики консюмеризма	61
<i>Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Серкина Я. И., Шаповал Ж. А.</i> О структуре социальной технологии	81

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ

<i>Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А.</i> Ценностно-смысловая саморегуляция социальной активности в молодёжной среде	97
<i>Зайцева Е. В., Бритвина И. Б., Шумилова П. А.</i> Миграционные установки студенческой молодёжи Екатеринбурга в условиях социально-экономической неопределённости	128

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Подлесная М. А.</i> Морфология прифронтного города: пространство, время (пере)движение, шум	155
<i>Косыгина К. Е., Гордиевская А. Н.</i> Факторы неравенства в использовании цифровых ресурсов культуры в региональном сообществе	178

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.</i> Поколенческое неравенство в вузе как социологическая проблема . .	202
--	-----

CONTENT

ISSUE PRESENTATION

- Mozgovaya A. V.*
Social processes and the dynamics of social groups in modern
Russian society from a sociological perspective. 7

SOCIAL PROCESSES. SOCIAL DYNAMICS

- Tikhonova N. E., Karavay A. V.*
Differentiation of employment and its impact
on the social structure of Russian society 12
- Sushko P. E.*
Consolidation and mobilization potentials of Russian
society under geopolitical challenges. 37
- Babich N. S., Batykov I. V.*
Birth repression in a consumer society: a perspective
on social criticism of consumerism 61
- Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Serkina Ya. I., Shapoval Zh. A.*
About the structure of social technology 81

YOUTH SOCIOLOGY

- Seliverstova N. A., Zubok Yu. A.*
Value-semantic self-regulation of youth social activity. 97
- Zaitseva E. V., Britvina I. B., Shumilova P. A.*
Yekaterinburg student youth' migration attitudes
in the context of socio-economic uncertainty 128

SOCIOLOGY OF CULTURE

- Podlesnaia M. A.*
Morphology of a frontline city: space, time, (re)movement, noise 155
- Kosygina K. E., Gordievskaya A. N.*
Factors of inequality in the use of digital cultural resources
in a regional community. 178

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- Zborovsky G. E., Ambarova P. A.*
Generational inequality in higher education institutions
as a sociological problem 202

УДК 316.4.05
DOI: [10.19181/snsp.2026.14.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.1)
EDN: TVAMWJ

Краткая научная
информация

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Алла Викторовна Мозговая

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

ORCID [0000-0001-6810-5931](https://orcid.org/0000-0001-6810-5931)

Для цитирования: Мозговая А. В. Социальные процессы и динамика социальных групп в современном российском обществе в фокусе социологических исследований // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 3. С. 7–11. DOI [10.19181/snsp.2026.14.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.1). EDN TVAMWJ.

For citation: Mozgovaya A. V. Social processes and the dynamics of social groups in modern Russian society from a sociological perspective. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):7–11. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.1).

Редакционная политика журнала «Социологическая наука и социальная практика» направлена на освещение результатов исследований российских социологов в различных направлениях. Приоритетом являются социальные процессы динамично развивающегося российского общества, специфические феномены общественного сознания, социальной структуры.

В третьем номере журнала рассматриваются дифференциация занятости, феномен российской сплочённости, проблема снижения рождаемости в обществе потребления, социальная технология как общественная практика.

От социальной активности молодёжи в значительной степени зависит будущее страны, поэтому мотивация, жизненные планы, социокультурные предпочтения и намерения постоянно находятся в центре исследовательского интереса социологов.

Социологические исследования культурных феноменов и процессов представлены результатами осмысления специфики морфологии прифронтного города, изучения факторов, определяющих характер отношения к цифровым ресурсам культурной сферы жизнедеятельности российского общества.

Социологические разработки в сфере образования представлены результатами исследования феномена неравенства в вузовских поколенческих общностях.

В номере публикуются авторы из Белгорода, Вологды, Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга.

В рубрике «СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА» представлены четыре статьи авторов из московских и Санкт-Петербургских научных учреждений и университета города Белгорода.

Наталья Евгеньевна Тихонова и Анастасия Вадимовна Каравай обосновывают на данных мониторинга тенденцию перекладывания связанных с занятостью рисков на работников при высокой доле охвата дифференциацией работающих россиян как признака нестандартности занятости. Авторы формулируют ряд выводов, одним из которых является утверждение о том, что «занятость с концентрацией признаков её нестандартности из-за нарушения трудовых прав работников создаёт риски формирования массовых прекарных групп в структуре общества и углубления неблагополучия части членов всех страт в результате взаимоналожения различных видов неравенств, но не ведёт к реконфигурации модели социальной структуры».

Павел Евгеньевич Сушко на данных мониторинговых опросов анализирует феномен сплочённости современного российского общества. В качестве теоретической основы для операционализации понятий автор предлагает рассматривать подход, считающий сплочённость динамической системой «социального равновесия между макрополитической консолидацией и автономией частного жизненного мира». *П. Е. Сушко* обозначает тенденцию формирования в массовом сознании россиян двухуровневой модели поддержки реализуемого страной курса развития. Макроуровень отличается консолидацией вокруг ценностей суверенитета и цивилизационной самобытности. На микроуровне – расхождением между идейным единством и практической готовностью переориентироваться на достижение коллективных целей. Автор статьи не только предлагает обоснование выявленного разрыва, но и убедительно показывает, «что порог готовности к деятельному гражданскому участию пролегает по границе личной безопасности, материальной стабильности семьи и цифровой автономии индивида».

Николай Сергеевич Бабич и Иван Владимирович Батыков через призму социальной критики консюмеризма анализируют проблему снижения рождаемости в современном обществе потребления. Авторы поставили задачу теоретически обосновать и эмпирически проверить гипотезу об «угнетении рождаемости» как системном эффекте консюмеризации. В статье подробно описаны методология и процедура операционализации основных понятий, характеристики эмпирических индикаторов признаков. Проверка гипотезы осуществляется на выборке из 69 стран с использованием корреляционного анализа. Подтвердив выдвинутую гипотезу, авторы формулируют вывод о том, что «общество потребления может выступать не только фактором экономического развития, но и источником долгосрочной демографической нестабильности, вплоть до коллапса». Новизна подхода авторской разработки видится во введении понятия «угнетение рождаемости» как аналитического описания системной репродуктивной дисфункции общества потребления.

Коллектив авторов из Белгородского государственного национального исследовательского университета и Северо-Западного института

управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (*Валентин Павлович Бабинцев, Галина Николаевна Гайдукова, Яна Игоревна Серкина, Жанна Александровна Шаповал*) посвятил свою статью теоретическому переосмыслению феномена социальной технологии в условиях усложнения технико-технологической структуры современного общества, цифровизации и формирования гибридной реальности. Авторы подчёркивают, что предложенный подход не претендует на бесспорность, но призван стимулировать научную дискуссию и дальнейшую разработку теории социальных технологий применительно к вызовам цифрового и гибридного общества. Предложенный и получивший в статье обоснование подход основан на убеждении в том, что социальную технологию целесообразно рассматривать как сложно структурированную общественную практику, эффективность которой в гибридной среде обеспечивается алгоритмизацией и синхронизацией её ключевых элементов.

В рубрике «**СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ**» представлены две статьи авторов из Москвы и Екатеринбурга. *Нина Анатольевна Селивёрстова и Юлия Альбертовна Зубок* анализируют проявления социальной активности молодёжи и социокультурных оснований, определяющих саморегуляцию активности представителей молодёжной среды. Эмпирической базой исследования являются данные опроса представителей обозначенной выше когорты населения страны по многоступенчатой, репрезентативной, квотной выборке ($n = 3\,500$), проведённого Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 40 субъектах (май – июнь 2025 г.).

Авторы установили, что «вовлечённость молодых людей в ту или иную институциональную форму активности, а также совмещение ими разных типов занятости повышают их включённость и в другие виды активности – независимо от их направленности, формируя множественные социальные связи». Рефлексия результатов проведённого исследования позволила сделать вывод о том, что, «ценностно-смысловые элементы современной и традиционной культур сосуществуют в культурном пространстве молодёжи, делая социокультурную саморегуляцию её активности внутренне противоречивой, но и более вариативной».

Екатерина Васильевна Зайцева, Ирина Борисовна Бритвина и Полина Андреевна Шумилова анализируют миграционные установки и намерения студентов Екатеринбурга в условиях социально-экономической неопределённости. Целью авторов было выявление связи между миграционными намерениями студентов и их субъективной оценкой перспектив самореализации в России. Эмпирическую базу составили результаты опроса студентов шести крупнейших вузов города. Результаты опроса показали, что ключевым удерживающим от миграции фактором является социальный капитал, основными выталкивающими силами выступают «поиск высокой оплаты труда за рубежом, негативная оценка экономической ситуации и геополитическая нестабильность». Авторами обоснован ряд детерминант зафиксированного замораживания жизненных проектов из-за недоступности жилья: не только материальные трудности, но и рост

«запроса молодёжи на жизненную автономию и независимость от родительской семьи».

В рубрике **«СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ»** публикуются две статьи авторов из Москвы и Вологды.

Исследование *Марии Александровны Подлесной*, материал для которого собран автором методом полевого включённого наблюдения, посвящено анализу морфологии прифронтального города не как «суммы разрушений и ограничений, а как динамической системы, в которой пространственные, временные и акустические факторы находятся в отношениях взаимной конституции». Автор всесторонне обосновывает и подкрепляет данными наблюдения разработанную методологическую концепцию «режима присутствия» как базирующуюся, так и дополняющую подходы известных исследователей социальной морфологии. Показано, что в рамках режима присутствия «жители вырабатывают механизм комплексной адаптации через четыре взаимосвязанных способа (пространственный, временной, акустический, социально-сетевой). Эти способы рассматриваются как пассивные тактики выживания». На основе анализа собранных данных *Марией Александровной* сформулированы практические рекомендации для организаций, работающих с населением прифронтальных городов, нацеленные на постепенный переход к активным формам адаптации (обучение акустической разведке, создание совместных карт безопасных маршрутов, разработка локальных систем оповещения).

Ксения Евгеньевна Косыгина и Александра Николаевна Гордиевская на материалах эмпирического исследования определяют факторы неравенства в использовании цифровых ресурсов культуры в региональном сообществе Вологодской области. Результаты показали, что цифровые ресурсы культуры «в регионе не выполняют функцию автоматического выравнивания доступа населения к культурным благам». Данные опроса позволили определить «социальные статусы (образовательный, территориальный, доходный) и факторы (возраст, пол)», которые связаны с потребностью и реальным использованием цифровых ресурсов культуры. Тип поселения оказался среди самых значимых факторов: жители районов имеют значительно меньше шансов на использование цифровых ресурсов культуры по сравнению с жителями крупных городов. «Доминирующим ограничивающим фактором выступает мотивационный барьер: отсутствие интереса у населения к цифровым ресурсам, сопротивление онлайн-форматам в сфере культуры».

В рубрике **«СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ»** публикуется статья *Гарольда Ефимовича Зборовского и Полины Анатольевны Амбаровской* «Поколенческое неравенство в вузе как социологическая проблема». Предпосылками такого неравенства, по убеждению авторов, может выступать «усиление поколенческих различий и поколенческой неоднородности внутри студенчества, научно-педагогического и административно-управленческого сообществ вуза, а триггерами – изменение институциональных требований к поколенческо-возрастным параметрам». Результаты исследования подтверждают латентный характер

поколенческого неравенства в образовательных общностях. Авторы на материалах многолетних исследований выявляют типы неравенств и общности, которые им подвержены. Поколенческое неравенство не характерно для российского студенчества, поколения которого разведены по разным сегментам высшего образования, тогда как в научно-педагогическом и административно-управленческом сообществах стали проявляться признаки неравенства. Показателем выступает неравный доступ разных поколений к организационным и институциональным ресурсам, необходимым для профессиональной деятельности. В качестве «маркера неравенства» авторы указывают не соответствующие реальному вкладу в общие результаты деятельности вуза управленческие оценки значимости поколений.

В предлагаемом читателю номере опубликованы результаты новейших теоретических и прикладных разработок российских социологов, которые отвечают интересам целевой аудитории журнала и могут способствовать развитию различных направлений современной отечественной науки об обществе.

Сведения об авторе

А. В. Мозговая

доктор социологических наук,
главный научный сотрудник
SPIN-код: 3454-6660

УДК 316.34

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.3.2

EDN: MQGYDV

Научная статья

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Наталья Евгеньевна Тихонова¹
Анастасия Вадимовна Каравай²

^{1,2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

¹ netichon@rambler.ru,

ORCID 0000-0002-5826-4418

² karavayav@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-3122-4819

Для цитирования: Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Дифференциация занятости и её влияние на социальную структуру российского общества // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 3. С. 12–36. DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.2. EDN MQGYDV.

Аннотация. На данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2024 года показано, что в России усиливается перекладывание связанных с занятостью рисков на работников, а её дифференциация охватывает уже более 40% работающих россиян даже без учёта отклонений от стандартного времени работы, типичных для большинства представителей массовых слоёв. Для дифференциации занятости в России характерна, однако, слабая связь большинства признаков её нестандартности с местом человека в социальной структуре и между собой. Тесно связаны друг с другом и местом работника в иерархизированной системе неравенств только неофициальное оформление на работе, отсутствие полностью «белой» зарплаты и оплачиваемого отпуска в последние 12 месяцев перед опросом. Кластерный анализ позволил выделить с учётом этих признаков три группы с разным характером занятости, отличающихся возрастной, гендерной и профессиональной асимметрией их состава, разной распространённостью в них переработок, неполной занятости и горизонтальной мобильности, концентрацией их членов в государственном или частном секторе экономики, особенностями социально-психологического климата на работе и т. д. Место их членов в социальной структуре российского общества также специфично. Хотя большинство во всех стратах, выделенных по их месту в иерархизированной системе неравенств, составляют работники с официальным оформлением на работе, получающие полностью «белую» зарплату и использовавшие за последний год хотя бы часть оплачиваемого отпуска, количественно их доля различается более чем в 1,5 раза, а доля работников, характеризующихся несоблюдением трудовых прав, – более чем в 4 раза. Сделаны выводы о том, что: 1) нестандартность занятости

© Тихонова Н. Е., 2026

© Каравай А. В., 2026

связана сейчас в России не столько с технологическими инновациями и институциональными изменениями, сколько с несоблюдением законодательно закреплённых прав работников; 2) если нестандартность занятости не связана с нарушением трудовых прав, то она не влечёт за собой значимых изменений ни в самой системе социальной стратификации, ни в месте в ней работников; 3) занятость с концентрацией признаков её нестандартности из-за нарушения трудовых прав работников создаёт риски формирования массовых прекарных групп в структуре общества и углубления неблагополучия части членов всех страт в результате взаимоналожения различных видов неравенств, но не ведёт к реконфигурации модели социальной структуры.

Ключевые слова: социальная структура, социальная стратификация, факторы стратификации, дифференциация занятости, нестандартная занятость, дестандартизация занятости, прекаризация

Введение. Исследовательская проблема

Традиционно считается, что в основе трансформации социальной структуры современных обществ лежат кардинальные технологические сдвиги, повлёкшие за собой серьёзные изменения в формах организации производства. Одним из важных аспектов этих изменений является и усиливающаяся дифференциация форм занятости. Однако процесс этот очень неоднозначен – те или иные формы нестандартной занятости могут иметь разные последствия, а одна и та же её форма может иметь разный смысл в различных странах. На некоторых особенностях протекания процесса дифференциации занятости в России и связи различных признаков нестандартности занятости с местом человека в социальной иерархии мы и сфокусируемся в данной статье.

Проблема трансформации социальной структуры современных обществ и её факторов в литературе. Изучение трансформации социальной структуры идёт сейчас в трёх основных направлениях. Одно из них – переосмысление применимости к современным условиям понятия «классовая структура» и понимания сущности класса [1; 2; 3; 4]. В центре внимания исследователей, работающих в рамках данного направления, находится вопрос о том, какая теоретическая рамка в наибольшей степени подходит для анализа социальной структуры современных обществ. Так, Э. О. Райт, подчёркивая недостаточность любого из традиционных подходов к её анализу, предложил версию их синтеза, позволяющую учесть специфику условий жизни индивидов, их возможности контролировать экономические ресурсы и место в отношениях эксплуатации [3]. Особенности занятости связаны со всеми этими характеристиками.

Иной аспект данного направления исследований связан с соотношением вертикальной иерархии социальных статусов и их горизонтальным делением. К вертикальному измерению социальной структуры в таком случае добавляется как самостоятельный признак классовой позиции, например, связанная с предметом и характером деятельности «логика труда» (work logics) [2]. В результате складывается новая матрица классов, а их число резко увеличивается.

Практически все исследования, реализуемые в рамках этого направления изучения структуры современных обществ, говорят обычно о необходимости расширения набора признаков, которые необходимо учитывать при выделении классовых позиций, в том числе – и характеристик занятости. Важнейшим их выводом выступает и вывод о связи конфигурации социальной структуры и институциональных режимов, влияющих на то, какие именно из характеристик занятости наиболее тесно связаны с местом человека в социальной структуре. При этом одни авторы говорят о связи с этими режимами моделей социальной структуры в целом [5], другие – о том, что институциональные различия между государствами формируют неодинаковые режимы прекарности [6] и т. д.

Второе направление изучения трансформации социальной структуры представлено работами, предлагающими описание моделей стратификации (устройства) конкретных обществ. Если для представителей первого направления вопрос о том, из каких групп состоит структура определённых обществ, вторичен, первичен же вопрос о критериях их выделения в современную эпоху, то в рамках второго направления именно он выходит на авансцену, даже если при этом используются какие-то нетривиальные критерии выделения классов. Так, например, М. Сэвидж выделил на британских данных семь классов, пять из которых не вписываются в традиционную теоретическую рамку [7]. Другими авторами было показано, что многие процессы, связанные с формированием социальной структуры, имеют свою специфику также применительно к России, Китаю, различным странам Европы [8; 9; 5] и т. д.

Таким образом, если в рамках первого направления изучения трансформации социальной структуры современных обществ подчёркивается недостаточность традиционных критериев выделения классов и необходимость учёта для правильной интерпретации смысла тех или иных последствий дестандартизации занятости институциональной «матрицы», то в рамках второго направления демонстрируется специфика трансформации социальной структуры в обществах с различными институциональными режимами. Соответственно, при анализе процессов трансформации социальной структуры российского общества под влиянием дифференциации занятости должна быть прежде всего проверена распространённость в нём различных признаков нестандартности занятости и их связь с местом индивидов в иерархизированной системе неравенств.

Наконец, третье направление анализа, стоящее особняком, но частично пересекающееся с первым и вторым, объединяет учёных, которые верифицируют адекватность традиционных инструментов измерения социальной структуры в современном мире [10; 11]. В центре их внимания находится вопрос о том, насколько конкретные аналитические схемы способны уловить реальную конфигурацию социальной структуры современных обществ с учётом их специфики.

Если говорить о связанных с занятостью факторах, переопределяющих границы социальных классов, механизмы социальной мобильности и характер рисков для тех или иных групп населения, то в качестве таковых в литературе называются обычно изменения, связанные с переходом от традиционной модели

«стандартной занятости» к разнообразию атипичных её форм, не предполагающих полной, бессрочной и официальной занятости у одного работодателя с фиксированным графиком, пространственно определённым рабочим местом и соблюдением законодательно закреплённых прав работника. Наиболее значимы с точки зрения их последствий для социальной структуры такие аспекты дифференциации занятости, как:

- всё большая поляризация «хороших» и «плохих» рабочих мест, в ходе которой экономические и неэкономические формы поляризации усиливают друг друга [12];
- «расщепление» занятости, в ходе которой корпорации заменяют традиционные трудовые отношения подрядом, аутсорсингом и франчайзингом, что ведёт к фрагментации труда и ухудшению его условий [13];
- прекаризация занятости [14] с возникновением разнообразия форм прекарности, которые анализировали многие авторы, в том числе российские [15];
- развитие платформенной занятости со всем многообразием её последствий – от ускорения прекаризации занятости до экстернализации ответственности [16].

Все эти процессы, под влиянием которых работники всё чаще превращаются в независимых подрядчиков, принимающих на себя риски, ранее несшиеся фирмой, отражают синергетическое взаимодействие факторов макроуровня (технологической революции, ослабления профсоюзов и т. д.) и мезоуровня (аутсорсинга, платформизации и т. д.). При этом дифференциация форм занятости пересекается с другими осями социального неравенства (гендером, возрастом, образованием и т. д.), формируя кумулятивный эффект. Результатом становится усиление неравенства среди работников в процессе дестандартизации занятости [17] и реконфигурация социального пространства вокруг двух всё более расходящихся полюсов – сравнительно хорошо защищённых от разного рода рисков высококвалифицированных работников (самопрограммируемый труд) и разнородных по составу и квалификации групп с высокими рисками (дженерик-труд) [1].

В качестве индикаторов нестандартной занятости сейчас обычно рассматриваются характеристики контракта¹, место реализации труда (на предприятии, дома и т. д.) и временное его измерение (постоянная/временная занятость, с нормативным временем труда или значительными отклонениями от него и т. д.) [18; 19]. Все эти индикаторы использовались и в ходе нашего анализа.

Эмпирическая база и методика исследования

Эмпирической базой исследования выступил прежде всего массив данных 33-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья

¹ Характер контракта ещё со времён публикации книги Р. Эриксона и Д. Голдторпа «The constant flux: a study of class mobility in industrial societies» [20] рассматривается западными исследователями социальной структуры как один из важных критериев стратификации, а некоторыми учёными – даже как основной такой критерий.

населения НИУ ВШЭ (далее РМЭЗ), проведённой в конце 2024 года. База данных РМЭЗ хорошо известна российским социологам, а подробные описания этого исследования¹ и его выборки² находятся в открытом доступе. Поэтому отметим здесь лишь то, что наряду с репрезентативным для массовых слоёв населения России массивом данных в нём присутствует и панельная компонента. Мы использовали репрезентативную версию 33-й волны РМЭЗ. Общая численность опрошенных в рамках этой волны составила 9 676 человек, а респондентов, имевших в течение последних 30 дней перед опросом какие-либо формы занятости (в том числе временную, разовую и т. п.), – 5 697 человек, и именно эта группа выступала основным объектом нашего анализа.

Бесспорным плюсом этого массива данных выступает большое число показателей, относящихся к занятости и характеризующих: 1) наличие трудового контракта (самозанятость, включая предпринимателей, или наёмная занятость) и его основные характеристики (официальный/неофициальный, постоянный/временный/разовый, письменный/устный, наличие социального пакета); 2) пространственное измерение занятости (на предприятии или дома работал респондент, а также совмещались или нет у него эти режимы труда) и 3) временное измерение занятости (полная/неполная занятость, сколько часов респондент отработал в последние 30 дней, продолжительность его обычного рабочего дня, наличие оплачиваемого отпуска за 12 месяцев перед опросом и т. д.), а также ряд других связанных с занятостью характеристик (профессиональный статус, отрасль и сектор занятости, удовлетворённость ею и т. д.).

Что касается методики исследования, то она определялась спецификой его предмета и задач. Для получения ответа на основной вопрос исследования – связаны ли в России какие-либо формы нестандартной занятости с местом индивида в социальной структуре, и если да, то о каких признаках в первую очередь идёт речь – необходимо было, во-первых, оценить распространённость различных признаков нестандартной занятости, а также определить, есть ли среди них такие, которые тесно связаны с местом человека в социальной иерархии и друг с другом. Второй задачей выступало выделение в массиве данных РМЭЗ групп с соответствующим характером занятости их представителей, определение их численности и оценка того, насколько они различаются с точки зрения социальной защищённости и рисков для входящих в них работников. Это было тем более важно, что вопрос о том, насколько понятие «нестандартная занятость» подходит для выделения неблагополучной занятости в условиях России, остаётся дискуссионным [15; 21]. Для решения третьей задачи необходимо было выяснить, различаются ли члены этих групп местом в социальной структуре российского общества с точки зрения соотношения у них разного рода возможностей (жизненных шансов) и деприваций (или их рисков), а также

¹ Описание проекта // НИУ ВШЭ : сайт. URL: <https://www.hse.ru/rlms/description> (дата обращения: 25.05.2026).

² Модель выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ // НИУ ВШЭ : сайт. URL: <https://www.hse.ru/rlms/sample> (дата обращения: 25.05.2026).

формируют ли они особые гомогенные с точки зрения их места в системе неравенств группы или же члены групп с одинаковым характером занятости присутствуют в составе разных страт и слоёв российского общества и не формируют новых элементов социальной структуры. Наконец, четвёртая задача исследования предполагала оценку сравнительной значимости различных характеристик нестандартной занятости с точки зрения их влияния на место человека в стратификационной иерархии в современном российском обществе.

Решение каждой из этих задач требовало своего методического инструментария. Так, для решения первой использовался анализ статистических и социологических данных, а также корреляционный анализ с применением как основанного на статистике хи-квадрат алгоритма CHAID (Chi-Squared Automatic Interaction Detection), так и коэффициентов корреляции Спирмена. Для второй – двухэтапный кластерный анализ. Для третьей – корреляционный анализ и расчёт Индекса жизненных шансов и рисков (ИЖШР), разработанного в русле неовеберианских подходов. Этот индекс, фиксирующий принадлежность к занимающим разное место в стратификационной иерархии группам, был обоснован, апробирован и подробно описан ранее [22], что позволяет не останавливаться здесь на нём детально. Отметим лишь, что он рассчитывается на основе агрегирования значений четырёх шкал («Экономические условия жизни», «Особенности занятости», «Возможности сохранения и наращивания своего человеческого потенциала» и «Особенности потребления и досуга»), каждая из которых включает по 6 индикаторов, 3 из которых свидетельствуют о привилегированности положения человека в сравнении с «социальной нормой», а 3 – о его сравнительно неблагоприятном положении в системе неравенств. На основе значений Индекса ЖШР выделяются депривированная нижняя страта, средняя страта, жизнь членов которой является «социальной нормой», и верхняя страта, находящаяся в относительно привилегированном на фоне двух других страт положении. Наконец, для решения четвёртой задачи, как и при решении всех остальных, использовались дескриптивный и сравнительный анализы, базой для которых выступали частотные распределения и таблицы сопряжённости.

Результаты

1. Распространённость признаков нестандартной занятости в российских условиях

Рынок труда в России характеризуется ярко выраженной институциональной спецификой, связанной с историческим опытом развития страны в XX–XXI вв. В числе обусловленных ею устойчивых особенностей занятости прежде всего – распространённость низких зарплат при низкой безработице, а также распространённость недозанятости и сверхзанятости [23; 24]. В то же время популярность занятости в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) или разовых приработков имеет в России «пульсирующий» характер – в периоды экономических

кризисов она растёт, а в стабильное время падает [25]. Однако обычно это лишь дополнительная занятость, не заменяющая основную.

Статистические данные позволяют увидеть и сравнительно новые тенденции изменения занятости, связанные с её дифференциацией. Это, прежде всего, сокращение неофициальной занятости – доля работающих на основе устной договорённости с работодателем только за период 2024–2025 гг. сократилась в 1,5 раза, а 96,5% наёмных работников имели в 2025 году письменный трудовой договор¹.

Во-вторых, это быстрый рост групп, демонстрирующих развитие и в России упоминавшейся выше тенденции перекладывания рисков, связанных с занятостью, на самого работника – работающих по договорам гражданско-правового характера (ГПХ) без учёта субъектов малого предпринимательства за период с конца 2024 г. по конец 2025 г.² стало почти в 1,5 раза больше, а численность самозанятых выросла с 5,6 до 6,2% занятого населения от 15 лет и старше только за 2025 год³. Даже при том, что эти группы частично пересекаются, быстрый их рост симптоматичен, хотя 92,5% всех работающих и в 2025 году работали по найму⁴.

В-третьих, с точки зрения пространственного измерения занятости в России по-прежнему доминирует занятость на предприятиях или в организациях с фиксированным местом работы вне дома (90,3% всех занятых в 2025 г.). Остальные россияне работают в основном в своём или арендованном помещении, а также на приусадебном участке⁵. Невелика также доля платформенной занятости – в 2025 году её имели, по данным ФСГС, всего 160 тыс. человек⁶ из почти 75 млн занятых в экономике.

В-четвёртых, мало распространены временная или разовая формы занятости, обычно рассматриваемые как один из ключевых признаков precarious труда – только у 1,6% российских работников трудовой договор имел в 2025 году, по данным ФСГС РФ, временный или краткосрочный характер, и ещё 2,1% работали по договорам ГПХ⁷, всегда имеющим ограничения по времени их окончания.

Таким образом, подавляющее большинство в той или иной степени занятых в экономике россиян являются сейчас наёмными работниками, работающими по официально оформленному трудовому договору, в основном бессрочному или длительному. Кроме того, в массе своей они работают на предприятиях или в организациях, а не удалённо или платформенно.

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы (Табл. 2.26а) // ФСГС : сайт. 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 25.05.2026).

² Раздел «Занятость и безработица», с. 4 // ФСГС : сайт. 2025. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dok_12-2025.htm (дата обращения: 25.05.2026).

³ Итоги выборочного обследования рабочей силы. Табл. 2.23а // ФСГС : сайт. 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 25.05.2026).

⁴ Там же. Табл. 2.24.

⁵ Там же. Табл. 2.28а.

⁶ Там же. Табл. 2.49.

⁷ Там же. Табл. 2.26а.

Социологические данные дают менее оптимистичную картину стандартности занятости в нашей стране, но и согласно им группы с различными признаками нестандартной занятости немногочисленны (табл. 1).

Таблица 1
Распространённость некоторых признаков нестандартности занятости в России, РМЭЗ, 2024 г., %

Признаки нестандартности занятости	Доля от имевших какую-либо работу в последние 30 дней перед опросом
<i>Отсутствие официальной наёмной занятости</i>	
Имели только разовые приработки, без временной или постоянной занятости	5,6
Работали без оформления письменного договора или приказа	5,7
Самозанятые (в т. ч. владельцы предприятий)	8,7
<i>Пространственные характеристики занятости</i>	
Работали дома по основной работе в последние 30 дней хотя бы часть рабочего времени	8,7
Работали не на предприятиях или в организациях	9,2
<i>Временные характеристики занятости</i>	
Обычная продолжительность рабочей недели менее 35 часов	7,7
Обычная продолжительность рабочей недели более 60 часов	15,9
Отработано за последние 30 календарных дней по основной или единственной работе менее 160 часов	20,0
Отработано за последние 30 календарных дней по основной или единственной работе более 176 часов	38,6
Не были за последние 12 месяцев ни одного дня в оплачиваемом отпуске ¹	21,1
<i>Неустойчивость занятости (субъективные оценки)</i>	
Совсем не уверены в том, что смогут найти работу не хуже нынешней, если их предприятие закроется и все работники будут уволены	8,1
Очень беспокоит возможность потери работы	18,2
<i>Справочно: зарплата</i>	
Зарплата менее федерального МРОТ на 2024 г. (19 242 руб.)	8,3 ²
Часть зарплаты или вся она платится неофициально	13,5

¹ Без учёта имеющих только приработки.

² Без учёта имеющих только разовые приработки – 7,9%.

Окончание табл. 1

Признаки нестандартности занятости	Доля от имевших какую-либо работу в последние 30 дней перед опросом
<i>Справочно: удовлетворённость работой</i>	
Не удовлетворены своей работой в целом	4,0
Не удовлетворены условиями своего труда	5,1
Не удовлетворены возможностями профессионального роста	12,7
Не удовлетворены оплатой своего труда	25,8

Свыше 70% имевших за последние 30 дней перед опросом РМЭЗ 2024 г. какие-либо заработки имели работу, на которой они были оформлены официально и получали полностью «белую» зарплату. Однако стандартная продолжительность рабочего времени в 160–176 часов (в зависимости от числа рабочих дней в месяце, профессии и графика работы) была присуща лишь 41,4% работавших. Вряд ли она может поэтому рассматриваться для российских условий как признак нестандартности занятости – разная продолжительность времени труда, в том числе законодательно закреплённая с учётом разных особенностей работы, давно является в нашей стране нормой. Что же касается работы из дома, то хотя она и является нетипичной для россиян, это та разновидность нестандартной занятости, которая не может рассматриваться как неблагоприятный фактор с точки зрения места работника в системе социальных неравенств, поскольку она способствует большей удовлетворённости своей работой¹ и характерна в основном для специалистов с высшим образованием, являющихся, если говорить о массовых слоях, наиболее благополучной профессиональной группой в России [26].

Дополнительный анализ показал и справедливость вывода о том, что в российских условиях многие характеристики нестандартной занятости не связаны с неблагоприятным положением в системе неравенств [26] – часто такая занятость почему-либо для работника удобна. Так, неофициальный характер занятости, судя по данным РМЭЗ 2024 г., лишь менее чем в трети случаев (31,6%) имел для работника вынужденный характер, а в остальных случаях он его вполне устраивал. При этом лишь каждый пятый даже среди имевших неофициальную занятость исключительно по желанию работодателя хотел бы найти другую работу. Ещё ярче эта тенденция проявляется для работников с неполной занятостью – среди тех, чей рабочий день в пересчёте на стандартные 21–22 рабочих дня в месяц составлял менее 7 часов, лишь 12,7% хотели бы найти другую работу. Впрочем, учитывая, что с точки зрения почасовой оплаты их труда это самая благополучная группа (53,7% в ней при 37,2% по всем имевшим занятость

¹ Полностью удовлетворены своей работой 32,3% работавших из дома хотя бы какую-то часть рабочего времени при 20,7% работавших всё время вне его, при этом показатели неудовлетворённости своей работой у них ниже.

за месяц перед опросом получали за час работы больше 1,25 медианной оплаты часа работы в соответствующем типе поселений), это не удивительно.

Верно и обратное – «стандартная полная официальная занятость субъективно не является таковой (благополучной. – *Авт.*) для представителей большинства профессиональных групп. Субъективно ею являются прежде всего различные виды занятости с не наёмным характером труда» [26, с. 39]. Однако, несмотря на это, самозанятость не может рассматриваться пока применительно к условиям России как объективно благополучная форма ведения трудовой деятельности, поскольку она влечёт за собой бóльшую продолжительность рабочего времени¹ и меньший в среднем объём социальных гарантий². Такая неконсистентность объективного и субъективного качества занятости требует выделения как работников, характеризующихся концентрацией признаков нестандартной занятости, объективно создающих для них значимые дополнительные риски и способных негативно повлиять на место человека в системе социальных неравенств в сравнении с имеющими стандартную занятость, так и работников с теми признаками её нестандартности, которые не влияют на место в социальной структуре или влияют на него позитивно.

2. Связь различных признаков нестандартной занятости и места человека в социальной структуре

При поиске ответа на вопрос о том, какие особенности занятости наиболее тесно связаны с местом человека в системе неравенств, ко всем характеристикам занятости, которых в массиве РМЭЗ 2024 г. более ста, был сначала применён алгоритм CHAID, а затем переменные, показавшие наиболее статистически значимую связь, были дополнительно проверены с помощью коэффициента корреляции Спирмена. Для понимания их роли в сравнении с традиционно рассматриваемыми как факторы стратификации характеристиками индивида (образование, доход и т. д.) они также были включены в анализ.

Как оказалось, наиболее тесно связаны с нахождением в составе той или иной страты три характеристики – неофициальное оформление на работе, отсутствие полностью «белой» зарплаты и оплачиваемого отпуска в последние 12 месяцев (табл. 2). Из прочих особенностей занятости теснее с ним связано лишь наличие подчинённых, не являющееся признаком её нестандартности, а из традиционно учитываемых при стратификации характеристик – образование, профессиональная позиция и доход. При этом удалённая занятость, в отличие от остальных признаков её нестандартности из таблицы 2, повышала, а не понижала вероятность находиться в верхней и даже средней страте, а самозанятость, работа не на предприятиях и в организациях и т. п. характеристики

¹ У 48,5% самозанятых (включая предпринимателей) средний рабочий день превышал 8 часов, хотя у наёмных работников таких было почти вдвое меньше (27,4%).

² Только половина самозанятых имела, по данным РМЭЗ 2024 г., официальное оформление своего статуса и полностью «белые» доходы. Но даже это не означало, что они делали отчисления в Социальный фонд России, которые являются для них добровольными.

занятости были очень слабо или даже статистически незначимо связаны с вероятностью занять определённое место в социальной иерархии.

Таблица 2

Коэффициент корреляции Спирмена для связи принадлежности к стратам, выделенным с помощью Индекса ЖШР, и для отдельных особенностей занятости россиян, РМЭЗ, 2024 г. ¹

Особенности занятости	Коэффициент корреляции ²
<i>Признаки стандартности/нестандартности занятости</i>	
Наличие/отсутствие официального оформления на работе по трудовой книжке, трудовому соглашению, контракту	0,186
Полностью «белая» / не полностью «белая» / неофициальная зарплата	0,184
Наличие/отсутствие любого по продолжительности оплачиваемого отпуска в течение последних 12 месяцев	0,141
Только разовые приработки без основного места работы	0,126
Работали из дома хотя бы часть рабочего времени	0,123
<i>Прочие характеристики занятости</i>	
Наличие подчинённых	0,195
Число подчинённых	0,129
<i>Субъективные характеристики занятости</i>	
Удовлетворённость возможностями профессионального роста	0,231
Удовлетворённость условиями труда	0,206
Удовлетворённость работой в целом	0,194
Удовлетворённость оплатой труда	0,182
Доверие руководству своего предприятия	0,126
<i>Справочно: традиционные факторы стратификации, в т. ч. структурного характера</i>	
Уровень законченного образования	0,346
Профессиональный статус (по ISCO-08)	0,299
Доход (сумма денег, полученных за последние 30 дней, считая зарплату, пенсии, премии, случайные заработки и т. д.) ³	0,243
Численность жителей в населённом пункте по месту проживания	0,141

¹ Приведены только те характеристики нестандартной занятости, коэффициент корреляции Спирмена для которых был не только статистически значим, но и превышал 0,120.

² Все значения были статистически значимы на уровне 0,01.

³ Относительно высокие показатели коэффициента характеризовали и другие индикаторы дохода – сумма денег, полученных за последние 30 дней по основному месту работы (0,237), среднемесячная зарплата за последние 12 месяцев (0,220) и т. д.

Таким образом, разные формы нестандартной занятости могут повышать или понижать вероятность оказаться в составе разных страт российского общества, а также вообще никак на ней не сказываться, а сам по себе факт её нестандартности ничего не говорит в России о месте человека в социальной структуре. Фактически с ним связаны только такие формы нестандартности занятости, которые отражают нарушение трудовых прав. Однако позволяют ли они уверенно выделить наиболее ущемлённую часть работников, занимающих нижние позиции в социальной иерархии?

3. Особенности групп с разной концентрацией признаков нестандартной занятости

Оценка роли различных признаков нестандартности занятости для определения места человека в иерархизированной системе социальных неравенств предполагает в том числе выделение тех из них, которые тесно связаны друг с другом и формируют особый характер занятости, влияющий в условиях России на положение в социальной структуре. Как показал корреляционный анализ, это три наиболее тесно связанных с местом в социальной структуре объективные особенности занятости: официальный/неофициальный её характер, формы оплаты труда (полностью «белая» / частично «белая» / полностью «серая» зарплата) и наличие любого по продолжительности оплачиваемого отпуска за последние 12 месяцев¹. Это именно те её особенности, которые теснее всего связаны с местом человека в социальной иерархии (табл. 2). Из остальных характеристик занятости максимально тесно (коэффициент корреляции Спирмена 0,157**) с другими характеристиками занятости связана продолжительность рабочего дня за 30 дней, предшествовавших опросу. С учётом роли ежегодного отпуска это говорит об особой важности временной характеристики занятости в российских условиях.

Двухэтапный кластерный анализ² позволил выделить группы, занятость членов которых различается по этим трём критериям. Первая, с официальной занятостью, полностью «белой» зарплатой и оплачиваемым отпуском («*группа стандартной занятости*»), является наиболее массовой (71,9%). Вторая («*группа с отдельными отклонениями от стандартной занятости*» – 14,0%) отличается от первой тем, что её членам не удалось за прошедший год воспользоваться хотя бы одним днём оплачиваемого отпуска. Практически равна ей по численности (14,1%) третья группа (условно названная нами «*группа нестандартной занятости*»³), отличительной чертой которой является отсутствие у большинства её членов и оплачиваемого отпуска, и полностью «белой»

¹ Коэффициент корреляции Спирмена для связи их друг с другом более 0,300**.

² Качество модели хорошее, среднее силуэтной меры 0,9.

³ Условность этого названия связана с тем, что доля россиян с отдельными признаками нестандартности занятости гораздо больше. Так, если к трём рассматриваемым характеристикам добавить фиксированность рабочего места на предприятии или в организации, то группа нестандартной занятости вырастает до 20,3% всех имевших какую-либо работу или приработки, и учёт каждого следующего признака нестандартности занятости будет увеличивать данную группу.

зарплаты, хотя почти 60% их всё же оформлены на работе официально. При этом только 3,8% имевших в предшествующий опросу месяц работу россияне имели в конце 2024 года неофициальную занятость без полностью «белой» зарплаты и оплачиваемого отпуска.

Учитывая роль в России временных характеристик занятости, стоит обратить внимание прежде всего на отличия выделенных групп по этому критерию. В группе стандартной занятости доминирует стандартная продолжительность рабочего дня – для 70,7% её представителей характерна именно она, однако 18,0% её членов имели рабочий день более 8 и 11,3% – менее 7 часов; в группе с отдельными отклонениями от стандартной занятости эти показатели составляли в конце 2024 года 51,5%, 31,4% и 17,1% соответственно, т. е. стандартная продолжительность рабочего времени и у её представителей доминировала, но уже с очень небольшим перевесом. Наконец, в группе с нестандартной занятостью доля имевших нормативную продолжительность рабочего дня была меньше половины – 41,2%, а остальные её члены разделились в соотношении 36,6 и 22,1%. Таким образом, это единственная группа, которая характеризуется доминированием нетипичной продолжительности рабочего времени, что является важной чертой её портрета. Кроме того, хотя переработки во всех группах распространены шире, чем неполная занятость (и это характерная особенность современной российской модели занятости), но максимальны их показатели именно в группе нестандартной занятости. В целом члены этой группы отработали за последние 30 дней перед опросом по основному месту работы 183 часа, а медианная продолжительность обычной рабочей недели достигала у них 47,5 часов при 40 часах в группе стандартной занятости – даже несмотря на то, что доля имеющих неполную занятость именно у них была максимальной. Всё это подтверждает вывод о том, что наличие систематических переработок свидетельствует в российских условиях о том, что положение работника в целом уязвимо [27, с. 283].

Временные характеристики занятости, причём не только отсутствие оплачиваемого отпуска, но также малое количество выходных дней, повышенная продолжительность рабочего дня и среднего количества отработанных за месяц часов, выделяют на фоне группы со стандартной занятостью и группу с отдельными отклонениями от неё. Это свидетельствует о специфической форме неблагоприятия последней, не связанной с другими признаками нестандартности занятости. Характерной её особенностью является и специфика её состава: в ней очень большая доля лиц, вообще не имевших за год до опроса в 2024 году работы (16,5%) или сменивших в течение 2024 года место работы – как со сменой профессии, так и без неё (26,3%). Таким образом, свыше 40% в ней составляют те, кто сравнительно недавно начал работать на своём нынешнем рабочем месте.

Что касается других особенностей представителей трёх рассматриваемых групп, то стоит упомянуть прежде всего высокую горизонтальную мобильность в группе с нестандартной занятостью – за год в ней сменили профессию и/или место работы 14,0% работников при 4,9% в группе со стандартной занятостью. Кроме того, в группе с нестандартной занятостью доля тех, кто хотел бы найти

другую работу, оказалась почти вдвое больше, чем в группе со стандартной занятостью (13,8% против 7,9%), что заставляет ожидать большей мобильности в ней и в будущем. Вертикальная должностная мобильность на своём предприятии (как восходящая, так и нисходящая) была при этом практически одинаковой и очень небольшой во всех группах.

В то же время восприятие своего материального положения и его динамики за год, а также удовлетворённость им или жизнью в целом, были практически одинаковы для представителей всех трёх рассматриваемых групп. Практически одинаково в них было и распределение их членов по доходам – различались только доли имеющих самые низкие (менее 0,5 поселенческой медианы) среднемесячные зарплаты (8,4% в группе стандартной занятости при 13,7 и 15,3% в двух других группах). Это заставляет предполагать, что повышенная горизонтальная мобильность представителей группы нестандартной занятости связана с неполнотой социальных гарантий или с тем, что социально-психологический климат у них на работе заметно хуже, чем у представителей группы стандартной занятости. Во всяком случае, среди последних доверяли своему руководству 82,3% работников, в том числе 24,9% доверяли ему полностью, а в группе с нестандартной занятостью эти показатели составляли всего 67,9 и 21,1% соответственно. То же относится и к доверию коллегам по работе.

Если говорить о социально-демографических особенностях этих групп, то стоит отметить гендерную и возрастную асимметрию их состава.

Так, что касается гендерного состава выделенных групп, то в группе стандартной занятости большинство (55,9%) составляли женщины, а нестандартной – мужчины (53,8%). Что же касается возраста, то специфика состава характеризует в основном младшую подгруппу молодёжи (до 25 лет), живущую обычно совместно с родителями и сталкивающуюся с проблемами при выходе на рынок труда (рис. 1).

Рис. 1. Доли представителей групп с разным характером занятости в различных поколениях, РМЭЗ, 2024 г., %

Таким образом, вероятность иметь стандартную или нестандартную занятость и в российских условиях связана с аскриптивными характеристиками

индивида, а тенденция взаимоналожения неравенств в сфере занятости на неравенства, обусловленные гендером и возрастом, действует и в России.

В то же время в России оказались очень слабо связаны с характером занятости такие традиционно упоминаемые в данном контексте в зарубежной литературе факторы, как миграция, в том числе иммиграция, социализация в городской или сельской культуре и т. д. При этом важной особенностью групп с разным характером занятости оказалась в России концентрация их членов в разных секторах экономики: на предприятиях и в организациях, владельцем или совладельцем которых является государство, занято 52,0% представителей группы стандартной занятости и лишь 10,5% представителей группы нестандартной занятости.

4. Место групп с разным характером занятости в иерархизированной системе неравенств

При поиске ответов на вопрос о том, связаны ли различные характеристики занятости с вероятностью оказаться в той или иной страте российского общества, была использована модель социальной структуры, построенная с учётом соотношения у человека разного рода возможностей (жизненных шансов) и деприваций (или их рисков) [22]. Такой подход позволяет зафиксировать привилегированное или ущемлённое положение индивида в иерархизированной системе социальных неравенств по отношению к «социальной норме». Напомним, что технически для оценки такого положения использовался Индекс жизненных шансов и рисков (ЖШИР), в расчёт шкалы «Особенности занятости» при построении которого входят неофициальный характер занятости и не полностью «белая» зарплата. Это может сказываться на интегральных оценках места индивидов с разным характером занятости в социальной структуре. Однако, как было показано ранее [22] и подтвердилось в очередной раз на массиве данных РМЭЗ 2024 г., наиболее яркими индикаторами специфики этого места выступают показатели возможностей сохранения и наращивания человеческого потенциала индивида, а также особенности его потребления и досуга. Поэтому использовать интегральные показатели Индекса ЖШИР в ходе нашего анализа, хотя и с оговорками, всё же можно.

Начнём с характеристики места групп с разным характером занятости в общей системе неравенств. Используем для этого изображение их нахождения в двумерном социальном пространстве, одна ось которого задаётся средним числом признаков привилегированности по отношению к «социальной норме», а вторая – средним числом признаков депривированности по отношению к ней, при этом признакам депривированности присваиваются отрицательные значения. Как видно из рисунка 2, стандартная занятость означает для россиян наилучшее положение как с точки зрения показателей их жизненных возможностей, так и минимизации числа признаков депривированности. При этом члены группы нестандартной занятости, хотя и характеризуются максимальными из трёх групп показателями депривированности, имеют более высокие, чем члены группы с отдельными отклонениями от стандартной занятости, показатели своих

жизненных возможностей. Это говорит о противоречивости и неоднозначности положения в России имеющих нестандартную занятость работников.

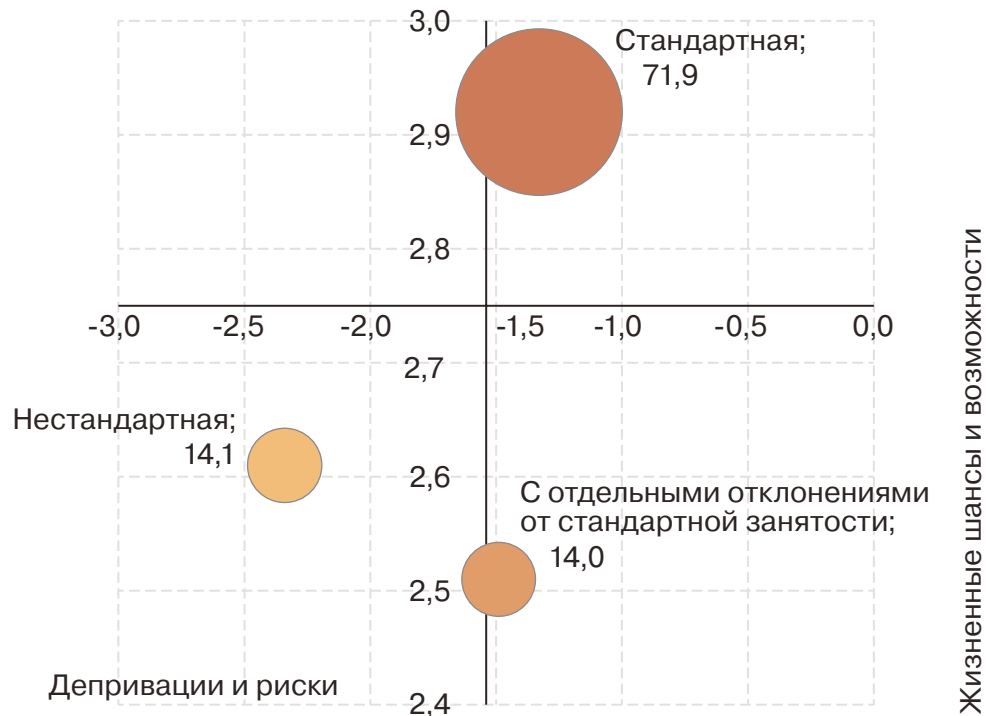

Рис. 2. Место членов групп с разным характером занятости в пространстве неравенств, сформированном признаками привилегированности или депривированности¹, РМЭЗ, 2024 г., баллы (оси) % (размер кругов)

Что же касается места групп с разным характером занятости в составе страт, составляющих массовые слои населения страны, то доли членов группы с отдельными отклонениями от стандартной занятости в них достаточно близки и находятся в диапазоне 11,3–15,1% (рис. 3). При этом доля представителей нестандартной занятости различается в них в 4,5 раза, а стандартной – более чем в 1,5 раза.

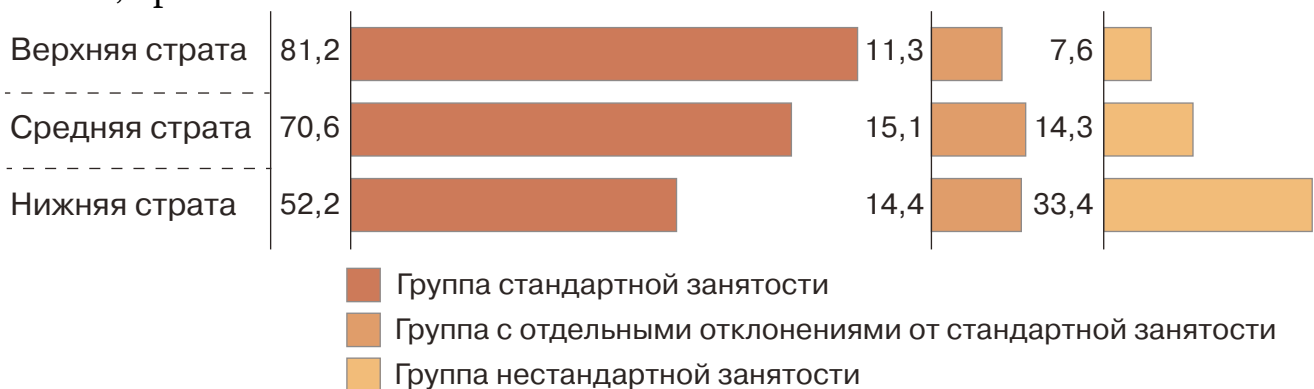

Рис. 3. Доля групп с разным характером занятости в составе отдельных страт, выделенных с помощью Индекса ЖШИР, РМЭЗ, 2024 г., %

¹ Пересечение осей находится в точке [-1,54; 2,75], соответствующей средним значениям по соответствующей шкале у работающих в целом. Это позволяет позиционировать положение рассматриваемых групп относительно средних показателей занятого населения.

Если посмотреть на эту картину под другим углом зрения, взяв за основу структуру групп с разным характером занятости, то различия в доле полярных страт в них также будут кратными и приобретут принципиальный характер – если в группе со стандартной занятостью доля членов верхней страты в разы больше, чем нижней, то в группе с нестандартной занятостью их соотношение обратное (рис. 4).

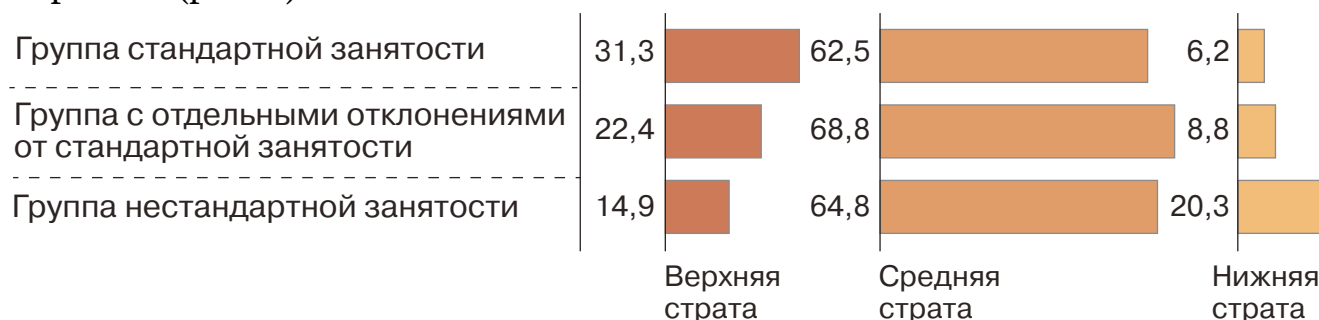

Рис. 4. Доля представителей страт, выделенных с помощью Индекса ЖШир, в составе групп с разным характером занятости, РМЭЗ, 2024 г., %

Таким образом, место групп с разным характером занятости в системе ключевых немонетарных неравенств различается довольно заметно. Однако сам по себе характер занятости не формирует в социальной структуре России новых страт или классов, как бы они ни выделялись – по образу жизни, месту в системе эксплуатации, активам (в частности такому важному в современной экономике активу, как человеческий капитал – среди представителей стандартной занятости имели высшее образование 40,2%, среди имеющих отдельные отклонения от неё таких было 28,4%, а среди представителей нестандартной занятости – 23,1%) и т. д. В то же время различающиеся своей ресурсообеспеченностью члены разных страт имеют неодинаковую вероятность занять рабочие места с разным характером занятости, а аскриптивные характеристики, структурные ограничения локального рынка труда и т. д. добавляют вариативности в эту вероятность.

Что касается специфики отдельных аспектов образа жизни работников из групп с разным характером занятости, то она связана с различными сферами их повседневного бытия и формируется за счёт взаимоналожения и накопления у них самых разных особенностей их жизни. Так, в отношении экономических условий жизни в группе с нестандартной занятостью больше тех, кто характеризуется депривированностью и меньше тех, кто имеет привилегированное положение (21,5 и 16,3% соответственно), чем в группе стандартной занятости, где их соотношение обратное (15,3 и 22,0%). Ещё больше эти различия в сфере потребления и досуга: если у имеющих нестандартную занятость признаки депривированности перевешивают признаки привилегированности у 31,4% работников, а обратная ситуация характеризует 31,9%, то в группе со стандартной занятостью находятся в привилегированном положении в данной области в 1,5 раза больше работников, чем в депривированном (34,2 и 23,2% соответственно). Что же касается шкалы «Особенности занятости», то, поскольку часть

индикаторов деприваций и рисков совпадают с индикаторами нестандартной занятости, можно сравнивать только входящие в неё показатели привилегированности. Однако показательно, что если у представителей нестандартной занятости признаки привилегированности их положения в сфере занятости встречаются лишь у 26,0%, то у представителей стандартной занятости – у 45,3%.

Таким образом, хотя характер занятости не предопределяет жёстко место индивида в стратификационной иерархии, положение представителей стандартной занятости в системе неравенств в среднем заметно лучше, чем у членов двух других групп. Отчасти это объясняется тем, что с точки зрения традиционно влияющих на место в социальной структуре факторов для группы стандартной занятости всегда характерны наиболее высокие показатели позитивно влияющих на это место факторов, а для группы нестандартной занятости – самые низкие. Так, помимо уже упоминавшейся разницы в доле лиц с высшим образованием, они серьёзно различаются своим профессиональным составом: если 57,6% имеющих стандартную занятость составляли в конце 2024 года профессионалы, полупрофессионалы, руководители и служащие, то среди представителей нестандартной занятости большинство (69,5%) составляли рабочие и работники торговли или бытового обслуживания, хотя в этой группе встречались и специалисты с высшим образованием (7,7%). При этом для той части группы нестандартной занятости, которая характеризуется несоблюдением одновременно всех трёх базовых трудовых прав, характерен ещё менее благополучный, чем для данной группы в целом, состав – доля лиц с высшим образованием в ней составляла всего 11,4%, а доля рабочих и работников торговли или бытового обслуживания достигала 82,9%.

Выводы

Исследования трансформации социальной структуры современных обществ демонстрируют, что дифференциация занятости и усложнение её форм являются важными факторами её реконфигурации. Однако ответ на вопрос о том, какую роль играют в этой реконфигурации те или иные характеристики занятости, а также насколько велико влияние дифференциации занятости на трансформацию социальной структуры, зависит от институциональной специфики конкретного общества. В полной мере относится это и к российскому обществу.

В России очень широко распространены отклонения от стандартного времени работы, что связано, с одной стороны, с наследием советской эпохи с её дифференцированными режимами труда для разных профессий, с другой – с дефицитом рабочей силы на фоне в среднем низких зарплат, а с третьей – с дисбалансом сил во взаимоотношениях работников и работодателей. Эти отклонения касаются как неполной занятости, так и, в ещё большей степени, увеличенной продолжительности рабочего времени. Поскольку последняя характерна примерно для 60% работающих, то её нельзя, на наш взгляд, считать в условиях России признаком нестандартности занятости.

Если не учитывать временные характеристики занятости, то в России сейчас доминирует стандартный наёмный труд с официальным его оформлением. Однако тенденция всё большего переключивания связанных с занятостью рисков на работника начинает постепенно усиливаться и в нашем обществе. Об этом свидетельствует не только рост работающих по договорам ГПХ или имеющих статус самозанятых, но также тот факт, что каждый десятый россиянин работает не на предприятиях или в организациях (и только чуть более трети из них – это предприниматели или имеющие официальный статус самозанятого).

Что же касается других признаков нестандартности занятости, то они также встречаются в России относительно редко. Так, удалённая занятость, оформление на работу по устной договорённости, получение доходов только от разовых приработков без основной работы и т. д. характеризуют каждый менее 10% имеющих какие-либо формы занятости россиян. В то же время, хотя по отдельности все эти признаки, свидетельствующие о всё большей дифференциации занятости, распространены мало, доля работающих представителей массовых слоёв, чья занятость имеет хотя бы один из них¹, достаточно велика и составляла в конце 2024 года 45,7% всех имеющих какую-либо работу и 40,5% занятых по основной работе на предприятиях и в организациях. Это говорит о значимости и для нашей страны проблем дифференциации занятости, о которых так много говорят за рубежом.

Нестандартная занятость характеризуется в России очень слабой связью различных её признаков друг с другом. Есть только три её характеристики, демонстрирующие тесную взаимосвязь – неофициальное оформление на работе, отсутствие полностью «белой» зарплаты и отсутствие оплачиваемого отпуска в последние 12 месяцев перед опросом. Все они относятся к несоблюдению законодательно закреплённых прав работника. Следствием их выступает рост рисков для работников как на нынешнем этапе их жизни (проблемы с оплачиваемым больничным, отпуском, гарантии выплаты зарплаты в соответствии с договорённостями), так и в будущем (недостаточность трудового стажа или размера пенсионных накоплений для назначения страховой пенсии и т. д.). Это создаёт угрозу прекаризации и социального неблагополучия даже при добровольном выборе работником занятости с такими особенностями. Концентрация же этих особенностей означает в российских условиях особый нестандартный характер занятости, фиксирующийся у 14,1% работающих россиян. У большинства членов группы нестандартной занятости отсутствует полностью «белая» зарплата и оплачиваемый отпуск, однако, что касается официального оформления на работу, то более половины из них его всё же имеют. Лишь 3,8% занятого населения характеризуются несоблюдением для них одновременно всех трёх этих базовых трудовых прав.

Другой полюс работников формируют представители группы со стандартной занятостью, у которых эти базовые трудовые права соблюдаются. Данная

¹ Имеются в виду неофициальное оформление, не полностью «белая» зарплата, отсутствие ежегодного отпуска, работа из дома, самозанятость и разовые приработки без основного места работы.

группа очень многочисленна и составляет 71,9%. Ещё 14,0% составляет особая группа с официальным оформлением на работе с полностью «белой» зарплатой, но с рядом особенностей временных характеристик занятости, состава, степени социальной защищённости и места в системе неравенств.

В числе особенностей трёх групп, различающихся характером занятости их представителей, следует назвать прежде всего их концентрацию в разных секторах экономики: на предприятиях и в организациях, владельцем или совладельцем которых является государство, занято большинство членов группы со стандартной занятостью и только каждый десятый в группе нестандартной занятости. Вторая особенность выделенных групп связана с разной распространённостью в них разного рода переработок, причём в наихудшем положении ожидаемо находятся представители группы нестандартной занятости. Третья особенность групп связана с профессиональной, возрастной и гендерной асимметрией их состава. Среди членов группы нестандартной занятости большинство составляют рабочие и работники торговли или бытового обслуживания, а стандартной – традиционно рассматриваемые как база среднего класса профессиональные группы (специалисты с высшим образованием, руководители, предприниматели и самозанятые). Возрастная асимметрия связана с повышенной долей среди россиян средних и особенно старших возрастов представителей группы стандартной занятости и пониженной – членов группы нестандартной занятости, в то время как у молодёжи, особенно до 25 лет, картина обратная. Что же касается гендерного состава, то в группе стандартной занятости большинство составляют женщины, а нестандартной – мужчины. Четвёртой особенностью выделенных групп выступает разная распространённость в них горизонтальной мобильности. Повышенная готовность сменить работу у представителей группы нестандартной занятости обусловлена, видимо, не только остротой для них проблемы социальных гарантий, но и тем, что социально-психологический климат на работе у них заметно хуже, чем у имеющих стандартную занятость – по крайней мере, если судить по показателям доверия своему руководству или коллегам по работе.

Члены групп с разным характером занятости заметно различаются их местом в системе неравенств и социальной структуре российского общества. Хотя большинство во всех стратах, выделенных на основе их места в иерархизированной системе социальных неравенств, составляют представители группы стандартной занятости, но количественно их доля различается более чем в 1,5 раза. В разы отличается в них и доля представителей нестандартной занятости. Однако эти различия касаются именно образа жизни представителей разных типов занятости с характерными для них возможностями и рисками, а не уровня их доходов. При этом характерной особенностью представителей группы стандартной занятости с точки зрения их места в системе неравенств выступают относительно низкие показатели депривированности и высокие показатели привилегированности их положения, нестандартной – высокие показатели депривированности и сравнительно низкие показатели жизненных возможностей,

а группы занятости с отдельными отклонениями от стандартной – самые низкие из трёх этих групп показатели жизненных возможностей при соответствующих «социальной норме» показателях деприваций и рисков.

Если говорить о роли отдельных характеристик занятости с точки зрения их влияния на место человека в стратификационной иерархии в современном российском обществе, то, хотя есть и более значимые для него факторы (прежде всего, такие традиционные стратификационные критерии, как образование или профессиональный статус), многие из них статистически значимо связаны с этим местом. Наиболее тесно связан с ним такой также традиционный для стратификации фактор, как наличие на работе властного ресурса, а из признаков нестандартной занятости – неофициальное оформление на работе, не полностью «белая» зарплата и отсутствие оплачиваемого отпуска. Однако поскольку все они связаны с традиционными факторами стратификации, то сама по себе дифференциация занятости пока не означает в России заметной реконфигурации общей модели социальной структуры, хотя концентрация признаков её нестандартности из-за нарушения трудовых прав работников создаёт риски формирования массовых прекарных групп во всех стратах общества.

Подводя итог нашего анализа, ещё раз подчеркнём – трансформация социальной структуры российского общества под влиянием дифференциации занятости имеет место и в России. Однако масштабы её пока сравнительно невелики, а влияние разных форм нестандартности занятости на место человека в социальной структуре неоднозначно. Далеко не все признаки нестандартности занятости и даже её прекаризации сразу ведут в российских условиях к ухудшению социальных позиций человека. Дифференциация занятости, не связанная с уходом трудовых отношений «в тень» (т. е. удалённый характер работы, официальная самозанятость, неполная занятость при высоких доходах от неё и т. д.), не влияет сейчас негативно на место человека в социальной структуре. Именно несоблюдение базовых трудовых прав работающих россиян, вне зависимости от того, по чьей инициативе оно происходит, не только формирует риски прекаризации, но и коррелирует с местом человека в социальной иерархии в целом. Причём эти риски затрагивают в современной России самые разные группы работающих, способствуя консервации их неблагоприятия в результате взаимоналожения различных видов немонетарных неравенств (возрастных, образовательных, профессиональных и т. д.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2004. 608 с. EDN **OZEUQG**. [Castells M. The information age: economy, society and culture (Informacionnaya e'poxa: e'konomika, obshhestvo i kul'tura). O. I. Shkaratan, ed. Moscow: GU VShE; 2004. 608 p. (In Russ.)].
2. Weeden K. A., Grusky D. B. The Three Worlds of Inequality // American Journal of Sociology. 2012. T. 117, № 6. С. 1723–1785. DOI [10.1086/665035](https://doi.org/10.1086/665035).

3. *Wright E. O.* Understanding Class. London : Verso, 2015. 272 p. ISBN 978-1-78168-945-5.
4. *Lin K. H., Hung K.* The Network Structure of Occupations: Fragmentation, Differentiation, and Contagion // *American Journal of Sociology*. 2022. T. 127, № 5. С. 1551–1601. DOI [10.1086/719407](#). EDN [TOPVWG](#).
5. *Oesch D.* Occupational Change in Europe: How Technology and Education Transform the Job Structure. Oxford : Oxford University Press, 2013. 208 p. ISBN 978-019-968096-2. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199680962.001.0001](#).
6. *Kalleberg A. L.* Precarious Lives: Job Insecurity and Well-Being in Rich Democracies. Hoboken : John Wiley & Sons, 2018. 248 p. ISBN 978-1-509-50650-7.
7. *Savage M.* Social Class in the 21st Century. London : Penguin UK, 2015. 480 p. ISBN 978-0-241-00422-7.
8. *Тихонова Н. Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М. : Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с. ISBN 978-5-8488-1216-8. EDN [SDCPKB](#). [Tikhonova N. E. Social structure of Russia: theories and reality. Moscow: Novyi khronograf; Institut sotsiologii RAN; 2014. 408 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8488-1216-8].
9. Изменения в социальной структуре российского и китайского общества за последние 20 лет : монография / М. К. Горшков [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, Ли Пэйлинь, П. М. Козырева, М. Ф. Черныш ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 568 с. ISBN 978-5-89697-442-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-442-0.2025](#). EDN [PMTQFP](#). [Gorshkov M. K., Li Peilin, Kozyreva P. M., Chernysh M. F., eds. Changes in the social structure of Russian and Chinese society over the last 20 years. Moscow: FNISC RAN; 2025. 568 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-442-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-442-0.2025](#)].
10. *Smallenbroek P., Hertel F. R., Barone C.* Measuring Class Hierarchies in Postindustrial Societies: a Criterion and Construct Validation of EGP and ESEC Across 31 Countries // *Sociological Methods & Research*. 2024. Vol. 53, № 1. P. 3–47. DOI [10.1177/00491241211061701](#).
11. *Barone C., Hertel F. R., Smallenbroek P.* The Rise of Income and the Demise of Class and Social Status? A Systematic Review of Measures of Socio-Economic Position in Stratification Research // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2022. Vol. 78. Art. 100678. DOI [10.1016/j.rssm.2022.100678](#). EDN [ISERLX](#).
12. *Kalleberg A. L.* Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s to 2000s. New York : Russell Sage Foundation, 2011. 292 p. ISBN 978-0-87154-480-3.
13. *Weil D.* The Fissured Workplace: Why Work Became So Bad for So Many and What Can be Done to Improve It. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2014. 424 p. ISBN 978-0-674-72544-7. DOI [10.4159/9780674726123](#).
14. *Standing G.* The Precariat: The New Dangerous Class. London : Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.
15. От precarious занятости к прекаризации жизни / Р. И. Анисимов, Н. И. Белова, М. Б. Буланова [и др.] ; под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Весь Мир, 2022. 364 с. ISBN 978-5-7777-0886-1. EDN [VOKUSY](#). [Toshchenko Zh. T., ed. From precarious employment to the precarization of life. Moscow: Ves' Mir; 2022. 364 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0886-1].
16. *Vallas S., Schor J. B.* What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy // *Annual Review of Sociology*. 2020. Vol. 46, № 1. P. 273–294. DOI [10.1146/annurev-soc-121919-054857](#). EDN [FYZXPW](#).
17. Reconceptualising Work and Employment in Complex Productive Configurations / М. D'Amours, L. Pogliaghi, F. Hanin [et al.] // *Work, Employment and Society*. 2024. Vol. 38, № 1. P. 63–82. DOI [10.1177/09500170221103131](#).

18. Kalleberg A. L. Nonstandard Employment Relations: Part-time, Temporary and Contract Work // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. № 1. P. 341–365. DOI [10.1146/annurev.soc.26.1.341](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.341).
19. Murray G., Gesualdi-Fecteau D., Lévesque C., Roby N. What Makes Work Better or Worse? An Analytical Framework // Transfer: European Review of Labour and Research. 2023. Vol. 29, № 3. P. 305–322. DOI [10.1177/10242589231207967](https://doi.org/10.1177/10242589231207967). EDN [XATNJE](#).
20. Erikson R., Goldthorpe J. H. The Constant Flux: a Study of Class Mobility in Industrial Societies. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford University Press, 1992. 429 p.
21. Каравай А. В. Особенности занятости и парадоксы положения в социальной иерархии российских работников // Социологические исследования. 2025. № 12. С. 13–27. DOI [10.7868/S303460102525120024](https://doi.org/10.7868/S303460102525120024). EDN [LYHDWE](#). [Karavay A. V. Features of employment and paradoxes of the position in the social hierarchy of Russian workers. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2025;(12):13–27. (In Russ.). DOI [10.7868/S303460102525120024](https://doi.org/10.7868/S303460102525120024)].
22. Общество неравных возможностей. Социальная структура современной России / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева, В. А. Аникин [и др.] ; отв. ред. Н. Е. Тихонова. М. : Весь Мир, 2022. 422 с. ISBN 978-5-7777-0873-1. DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731). EDN [XJGBFE](#). [Tikhonova N. E., ed. A society of unequal opportunities. Social structure of modern Russia. Moscow: Ves' Mir; 2022. 422 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0873-1. DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731)].
23. Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М. : ГУ ВШЭ, 2006. 440 с. ISBN 5-7598-0314-X. [Kapelyushnikov R. I., Gimpelson V. E., eds. Non-standard employment in the Russian economy (Nestandartnaya zanyatost' v rossijskoj e'konomike). Moscow: GU VShE; 2006. 440 с. (In Russ.). ISBN 5-7598-0314-X].
24. Каравай А. В. Нестандартная занятость в современной России: виды, масштабы, динамика // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3 (48). С. 81–93. DOI [10.34022/2658-3712-2022-48-3-81-93](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-48-3-81-93). EDN [IVZMLT](#). [Karavay A. V. Non-standard employment in contemporary Russia: types, scales, dynamics. *Social and Labor Research=Social'no-trudovye issledovaniya*. 2022;3(48):81–93. (In Russ.). DOI [10.34022/2658-3712-2022-48-3-81-93](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-48-3-81-93)].
25. Каравай А. В. Изменения в стратегиях социально-экономической адаптации россиян в конце XX – начале XXI вв. // Journal of Institutional Studies. 2020. Т. 12, № 1. С. 144–159. DOI [10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159). EDN [ZXLRUP](#). [Karavay A. V. Changes in the strategies of socio-economic adaptation of Russians in the late 20th and early 21st centuries. *Journal of Institutional Studies*. 2020;12(1):144–159. (In Russ.). DOI [10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159)].
26. Каравай А. В. Благополучная занятость в современной России: что это такое // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 39–53. DOI [10.31857/S0132162524050034](https://doi.org/10.31857/S0132162524050034). EDN [INDEYJ](#). [Karavay A. V. Good employment in contemporary Russia: what is it? *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024;(5):39–53. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524050034](https://doi.org/10.31857/S0132162524050034)].
27. Российское общество и вызовы времени. Кн. 8 / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой ; Институт социологии ФНИСЦ РАН. М. : Весь Мир, 2025. 352 с. ISBN 978-5-7777-0969-1. EDN [SKXDAR](#). [Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., eds. Russian society and the challenges of time. Book 8. Moscow: Ves' Mir; 2025. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0969-1].

Сведения об авторах

Н. Е. Тихонова

доктор социологических наук, профессор
главный научный сотрудник
SPIN-код: 1448-9948

А. В. Каравай

кандидат социологических наук
старший научный сотрудник
SPIN-код: 9242-9957

Вклад авторов:

Н. Е. Тихонова – 75% (общая концепция, основной анализ данных, собственно текст статьи, доработка статьи по замечаниям редактора);

А. В. Каравай – 25% (подготовка материалов для обзора литературы, участие в обработке эмпирических данных, подготовка графического материала, участие в доработке статьи по замечаниям редактора).

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 30.05.2026; одобрена после рецензирования 20.06.2026; принята к публикации 22.07.2026.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.3.2

DIFFERENTIATION OF EMPLOYMENT AND ITS IMPACT ON THE SOCIAL STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIETY

Natalia Evgenievna Tikhonova¹

Anastasia Vadimovna Karavay²

^{1, 2} Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

¹ netichon@rambler.ru,

ORCID 0000-0002-5826-4418

² karavayav@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-3122-4819

For citation: Tikhonova N. E., Karavay A. V. Differentiation of employment and its impact on the social structure of Russian society. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):12–36. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.2.

Abstract. Drawing on data from the 2024 RLMS-HSE, the article shows that employment-related risks are increasingly being shifted onto workers in Russia, while employment differentiation already affects more than 40% of employed Russians, even without taking into account deviations from standard working hours, which are typical of most representatives of the mass social strata. Employment differentiation in Russia is characterized, however, by a weak association between most indicators of non-standard employment, both with individuals' position in the social structure and with one another. Only informal employment, the absence of a fully official wage, and the absence of paid leave over the past 12 months

are closely linked both to one another and to workers' position in the hierarchical system of inequalities. Cluster analysis, based on these indicators, made it possible to identify three groups with different employment patterns. These groups differ in the age, gender, and occupational asymmetries of their composition; in the varying prevalence of overtime, underemployment, and horizontal mobility; in the concentration of their members in the public or private sector of the economy; in the characteristics of the socio-psychological climate at work; and so on. Their members' position in the social structure of Russian society is also specific. Although in all strata identified by their position in the hierarchical system of inequalities the majority are workers with formal employment status, fully official wages, and at least partial use of paid leave over the past year, this share differs by more than 1.5 times, while the share of those characterized by a concentration of violations of these basic labor rights differs by more than four times. The article concludes that: 1) non-standard employment in Russia today is associated not so much with technological innovation and institutional change as with non-compliance with legally guaranteed workers' rights; 2) where non-standard employment is not associated with violations of labor rights, it does not entail significant changes either in the system of social stratification or in workers' position within it; 3) employment characterized by a concentration of non-standard features resulting from violations of workers' labor rights creates risks of the formation of large precarious groups in the social structure and of deepening disadvantage of some members of all strata as a result of the overlap of different types of inequality, but does not lead to a reconfiguration of the model of the social structure.

Keywords: social structure, social stratification, stratification factors, employment differentiation, non-standard employment, destandardization of employment, precarization

Information about the Authors

N. E. Tikhonova

Doctor of Sociology, Professor

Main Researcher

ResearcherID: [G-8413-2015](#)

Scopus AuthorID: [7006789882](#)

A. V. Karavay

Candidate of Sociology

Senior Researcher

ResearcherID: [R-4541-2016](#)

Scopus AuthorID: [57191285007](#)

Authors' contribution:

N. E. Tikhonova – 75% (general concept, main data analysis, the text of the article itself, revision of the article based on the editor's comments);

A. V. Karavay – 25% (preparation of materials for the literature review, participation in the processing of empirical data, preparation of graphic material, participation in revision of the article based on the editor's comments).

The authors have no conflicts of interest to declare.

The article was submitted 30.05.2026; approved after reviewing 20.06.2026; accepted for publication 22.07.2026.

УДК 316.344

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.3.3

EDN: SWZJRF

Научная статья

КОНСОЛИДАЦИОННЫЙ И МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Павел Евгеньевич Сушко

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

sushkope@mail.ru,

ORCID 0000-0003-0245-7015

Для цитирования: Сушко П. Е. Консолидационный и мобилизационный потенциалы российского общества в условиях геополитических вызовов // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 3. С. 37–60. DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.3. EDN SWZJRF.

Аннотация. В статье на данных мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН анализируется феномен российской сплочённости, концептуализируемый как динамическая система социального равновесия между макрополитической консолидацией и автономией частного жизненного мира. Исследование позволило выявить особенности трансформации массового сознания россиян в условиях масштабных геополитических вызовов, выражающиеся в формировании двухуровневой модели поддержки реализуемого страной курса развития. На макроуровне зафиксирована мировоззренческая консолидация массовых слоёв российского населения на фоне институционализации образа «коллективного Запада» как экзистенциальной угрозы, а также вокруг ценностей суверенитета и цивилизационной самобытности. На микроуровне выявлено расхождение между идейным единством и практической готовностью россиян переориентировать свои усилия на достижение коллективных целей. Разрыв объясняется функционированием массового сознания в условиях затяжной конфронтации и общей внешней нестабильности по принципу «параллельных реальностей», в которых внешнеполитическая повестка и интересы повседневности существуют как обособленные пространства. В таких условиях индивид может демонстрировать символическую и идейную солидарность с обществом и государством, а в прагматическом отношении его действия продиктованы стремлением сохранить автономность собственного микромира. Особое внимание в статье уделено выявлению «красных линий», очерчивающих мобилизационный потенциал российского общества. Показано, что порог готовности к деятельному гражданскому участию пролегает по границе личной безопасности, материальной стабильности семьи и цифровой автономии индивида. Обосновано, что в ситуации долгосрочного противостояния устойчивость общественного консенсуса между обществом и государством зависит от способности социальных институтов обеспечивать баланс между мобилизационными задачами и сохранением привычного уклада жизни граждан. Внутренняя мировоззренческая неоднородность при этом, свойственная в разные годы от одной трети до одной пятой численности россий-

© Сушко П. Е., 2026

ского населения, рассматривается не как фактор риска, а как функциональный механизм социального дистанцирования, обеспечивающий стабильность системы через сохранение приватной сферы.

Ключевые слова: консолидация общества, мобилизационный потенциал, гражданская идентичность, цивилизационный выбор, общественное сознание, мировоззрение россиян, общественный консенсус, социальная сплочённость

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ (проект № 25-18-01067).

Введение

Современная Россия находится в эпицентре масштабных геополитических и социокультурных трансформаций, сопровождающихся острой конфронтацией с западными странами. Специальная военная операция (СВО) на Украине выступила катализатором происходящих изменений, став точкой очередного витка кристаллизации различных мировоззренческих установок в массовом сознании россиян. Этот процесс оформления идейных позиций не является принципиально новым феноменом, а носит исторически обусловленный характер. Дихотомия между «самобытностью» и «западничеством» составляет устойчивый каркас российской общественной мысли на протяжении столетий, актуализируясь в периоды внешнеполитических вызовов. В последние десятилетия эти изменения подтверждаются данными мониторинговых опросов Института социологии ФНИСЦ РАН, свидетельствующими о нарастании в российском обществе поляризации между сторонниками самобытного пути развития страны и приверженцами альтернативной западной модели [1; 2; 3].

Начало СВО не просто запустило очередной виток поляризации мнений, но и способствовало оформлению в российском обществе двух качественно отличающихся мировоззренческих позиций относительно того, по какому пути должна развиваться в дальнейшем наша страна [4]. Обращение к данной проблематике логично развивает отечественную традицию изучения трансформаций общественного сознания. В этом отношении проведённое автором исследование теоретически и методически во многом опирается на работы В. В. Петухова, А. Л. Андреева, Ю. В. Латова [5; 6; 7], а также многолетнюю серию монографий «Российское общество и вызовы времени»¹, где подробно анализировались механизмы адаптации граждан к ситуациям неопределённости и внешнего давления через призму социокультурной динамики. Есть также исследования, позволяющие проанализировать соответствие массового сознания задачам мобилизационного развития через призму циклических изменений социального самочувствия россиян, фиксируя переход от шоковых событий

¹ Подробнее об этой серии монографий смотри на официальном сайте ФНИСЦ РАН: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=3076 (дата обращения: 07.05.2026).

к периодам адаптации (см., напр.: [7]). Мы же сфокусируемся на анализе новейшего этапа трансформации общественного сознания, связанного с переходом от первичного шока к рутинизации конфронтации.

На протяжении предыдущих десятилетий подобная мировоззренческая поляризация носила скорее латентный характер, отражая идейную размытость, характерную для постсоветского периода, а в текущих условиях она трансформировалась в самостоятельный структурный фактор, определяющий не только и даже не столько уровень политической лояльности, сколько степень готовности граждан к реальному участию в жизни страны в непростой для неё период [8]. В этом свете отмеченная мировоззренческая гетерогенность представляет собой не просто статистическое распределение мнений, но и ложится в основу фундаментальной проблемы понимания специфики российской сплочённости, выявления её ресурсных ограничений и границ соприкосновения государственных интересов с частным миром индивида. Такая постановка вопроса позволяет соотнести декларативные установки с практическими пределами мобилизации, которые зачастую остаются вне рамок традиционного мониторингового анализа.

Концептуальные рамки анализа консолидации и мобилизации в условиях системных вызовов

В западной политической психологии и социологии сложилась устойчивая традиция количественной оценки реакций общества на системные вызовы через ряд специализированных индексов. К ним относится Шкала военных установок (War Attitudes Scale), выделяющая этические, аффективные и операциональные аспекты поддержки [9; 10]. Используется также Индекс военного времени (Wartime Index), позволяющий отслеживать динамику массового одобрения государственного курса. При этом если классические модели данных шкал связывают уровень поддержки преимущественно с накопленным объёмом издержек [11], то современные их версии показывают, что критическим фактором выступают интенсивность и близость тех или иных потерь в конкретный временной период [12]. Отечественные исследования позволяют анализировать аттитюды к войне через призму её эффективности, моральной оправданности, а также экономических, социальных и гуманитарных последствий происходящего [13]. Однако, несмотря на методологическое разнообразие, данные методы зачастую сосредоточены на символической консолидации и оценках конкретных событий. За рамками их анализа остаются как внутренняя динамика мировоззренческих установок, выступающих важным предиктором готовности к действию, так и смысловое разграничение категорий консолидации и мобилизации, которые часто ошибочно отождествляются в публичном поле. Более того, указанные подходы слабо учитывают автономию «микромира» индивида, который для него в условиях кризиса становится главной экзистенциальной опорой. В этой оптике символическая

консолидация выступает скорее коллективным защитным механизмом, тогда как реальные жизненные стратегии фокусируются на сохранении приватной стабильности.

В связи с этим для анализа трансформаций, происходящих в современном российском обществе, под консолидацией, следуя общепринятой традиции, мы будем понимать состояние мировоззренческого и ценностно-нормативного единства граждан, выражающееся в наличии общих смыслов, солидарности относительно векторов развития страны и признании легитимности существующего курса (т. е. символического и идейного согласия). При определении же мобилизации мы будем опираться на концепцию Ч. Тилли, в соответствии с которой её можно интерпретировать как процесс перехода группы от функционального удержания ресурсов, обеспечивающих устойчивость приватного микромира, к их активному перенаправлению в сферу коллективных интересов [14]. В этой трактовке мобилизация, в отличие от консолидации, связана с практической активностью индивидов и их реальной готовностью инвестировать личные ресурсы (время, труд, финансы) в достижение общественно значимых целей.

Реализация мобилизационного потенциала при этом не является гомогенным процессом, поскольку в значительной степени определяется внутренней дифференциацией социума по разным основаниям. Для российского общества традиционно характерно сосуществование в нём двух устойчивых мировоззренческих полюсов, воспроизводящих с разной степенью интенсивности, в терминах А. С. Ахиезера, «социокультурный раскол», в котором ни одна из сторон не может окончательно вытеснить другую [15]. Исследования показывают, что в настоящее время идейные границы каждого из этих полюсов кристаллизировались вокруг отношения к национальному суверенитету и цивилизационной идентичности, а также перспектив обретения страной статуса великой державы [5]. Для одной группы россиян так называемый западный мир институционализировался как экзистенциальная угроза, что служит фундаментом для их консолидации. Другая часть населения, чьи мировоззренческие установки тяготеют к универсалистским ценностям, сталкивается с несоответствием личных представлений о векторе развития страны современным реалиям. Это побуждает её выбирать стратегию социального дистанцирования и переносить жизненные приоритеты в приватную сферу.

Россия в этом отношении не уникальна. Отмеченная мировоззренческая поляризация фиксируется во многих странах и выступает значимым маркером общества риска [16], которое характеризуется размыванием традиционных социальных институтов на фоне общего снижения уровня базовой безопасности граждан, по крайней мере с позиций их самооценок. Это формирует в подобных социумах запрос на поиск новых устойчивых идентичностей, способных минимизировать глобальные угрозы и снизить уровень социальной неопределённости. В результате этого поиска социальная дифференциация сдвигается из плоскости классовых интересов в поле борьбы за смыслы.

В западной социологии данный феномен описывается через концепцию культурных войн, в которых общество раскалывается на лагеря с принципиально разными мировоззренческими взглядами [17]. Подобная мировоззренческая сегментация (как, например, в США) приводит к тому, что оппонент воспринимается не просто как носитель другого мнения, а как источник угрозы самому существованию группы. Аналогичные социокультурные разломы, где конфронтация проходит по линии «глобализм против суверенитета», сегодня определяют облик общественно-политической жизни Чехии, Польши, Венгрии и ряда других стран [18].

Для более глубокого понимания механизмов адаптации социума в таких условиях применима концепция «параллельных реальностей» массового сознания [19]. Её суть заключается в сосуществовании фактологической (научной) и внефактологической (фольклорной или эмоциональной) реальностей, которые не пересекаются. В адаптации этой идеи к российскому контексту речь может идти о функциональном расщеплении массового сознания, когда в условиях длительной глобальной нестабильности и конфронтации макрополитическая сфера (государство, нация, суверенитет) и микросоциальное измерение (семья, быт, личное благополучие) начинают существовать как параллельные процессы. В таких условиях транслируемые государственные нарративы становятся для граждан своего рода «инструментарием для жизни», позволяющим сохранять психологическую устойчивость [20]. В рамках символического поля индивид может демонстрировать полную солидарность с государством, опираясь, к примеру, на коллективную память, а в прагматическом отношении его действия продиктованы стремлением сохранить автономность собственного микромира.

В этих условиях стабильность социума достигается путём формирования специфического баланса взглядов, в котором самобытное большинство обеспечивает легитимность выбранного страной курса, а гетерогенное и политически пассивное меньшинство стремится с минимальными потерями адаптироваться к меняющимся условиям жизни. Анализ этой поляризации имеет особое значение, поскольку позволяет оценить границы устойчивости общества в ситуации «социальной травмы» [21]. Геополитические вызовы дестабилизируют привычный жизненный мир россиян, требуя от них перехода к активным формам социального участия. Однако реакция на этот вызов в разных сегментах общества значимо отличается. Если для патриотического ядра он стал драйвером актуализации смыслов, то для сторонников западного вектора развития страны – источником дезориентации. Это в том числе подтверждается существующей идеологической сегментацией российского общества, которая в условиях конфронтации носит не только ценностный, но и структурный характер, при которой именно мировоззренческие установки становятся одним из ключевых предикторов готовности к действию [8].

В связи с этим вопрос о том, каким образом в подобных обществах активируются ресурсы для мобилизации в кризисных условиях, остаётся открытым.

Анализ показывает, что успех мобилизации зависит от целого ряда условий. Во-первых, значимым фактором выступает наличие объединяющей угрозы, которая способна временно нивелировать межгрупповое противостояние [22]. В политической науке данный феномен известен как эффект «сплочения вокруг флага», описанный Дж. Мюллером [11]. В российском контексте подобный всплеск солидарности часто носит декларативный характер и имеет тенденцию к затуханию по мере рутинизации конфликта и осознания гражданами личных издержек [5]. Это подтверждает тезис о том, что символическая консолидация не тождественна деятельной мобилизации и требует дополнительных механизмов конвертации идейного согласия в практическое участие.

Во-вторых, важным фактором становится логика поведения отдельного индивида в больших группах. Согласно М. Олсону, даже если граждане осознают общность своих интересов, они склонны к минимизации личных издержек, а не к открытой борьбе, поскольку вклад одного человека в масштабные политические изменения не влияет на конечный результат [23]. Вместо сопротивления рациональный индивид выбирает стратегию «безбилетника» и стремится дистанцироваться от социально-политических вопросов. Причём в тех обществах, где любые мировоззренческие различия между группами воспринимаются сквозь призму «мы – они» и подкрепляются высоким уровнем эмоциональной вовлечённости, мобилизация может замедляться, поскольку любые действия государства в такой ситуации могут восприниматься противоборствующими группами как продвижение интересов их идеологических противников [24].

В-третьих, успешность мобилизации во многом зависит от способности политической системы предложить такую модель патриотизма, которая не исключает граждан с непопулярными мировоззренческими взглядами, а объединяет их ради достижения общих социально значимых целей. Стремление реализовать патриотическую модель, ориентированную только на идеологически лояльных граждан, существенно снижает мобилизационные возможности социума. Большой потенциал для мобилизации имеет государственно-институциональная лояльность с признанием профессиональных компетенций гражданина и его реального участия в развитии страны вне зависимости от его мировоззренческих взглядов.

Исходя из обозначенных теоретических и эмпирических предпосылок, задача нашего исследования заключалась в обнаружении возможных расхождений между идеологической консолидацией общества, предполагающей объединение граждан вокруг общих идей и смыслов, и готовностью к деятельному участию, которое требует от них уже другого уровня вовлечённости. Это подразумевает поиск ответов на вопросы о том, насколько существующая мировоззренческая консолидация устойчива перед лицом личных издержек и где пролегает тот порог мобилизационной готовности, за которым идеи и смыслы уступают место стратегиям сохранения частного благополучия. Таким образом, если наличие экзистенциальной угрозы способно временно нивелировать мировоззренческие

разломы, то поиск «красных линий» позволяет очертить ту грань, за которой даже общенациональный вызов перестаёт быть драйвером мобилизации, сталкиваясь с приоритетом сохранения автономности приватного жизненного мира. Выявление этого баланса становится критически важным для сохранения внутренней устойчивости страны и реализации общенациональных целей в период долгосрочного геополитического противостояния.

Эмпирической базой исследования послужили данные многолетних общероссийских социологических опросов, проведённых Институтом социологии ФНИСЦ РАН и охвативших в совокупности более чем двадцатилетний период развития страны¹.

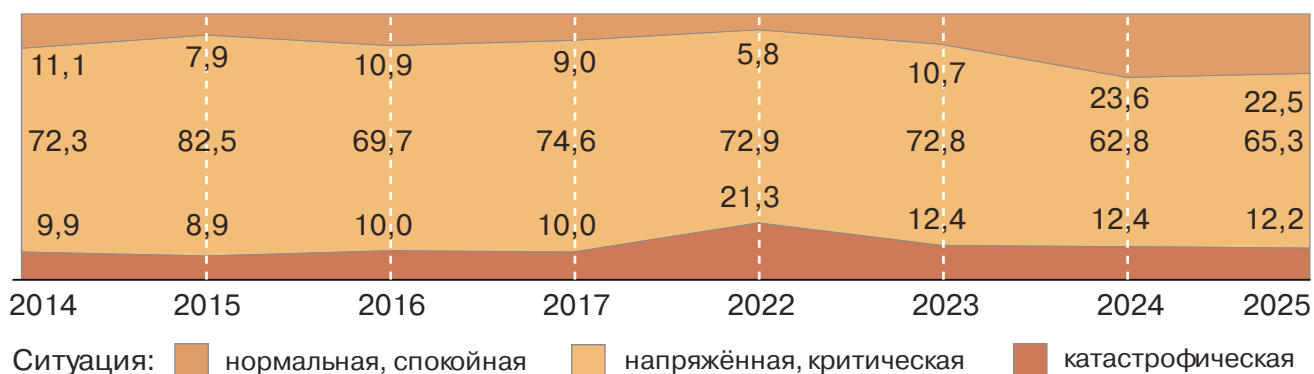
Результаты

Институционализация образа внешнего врага как основание для мировоззренческой консолидации

Анализ текущего состояния российского общества показывает, что в современной ситуации катализатором кристаллизации мировоззренческих полюсов становится институционализация образа «коллективного Запада» как экзистенциальной угрозы. Зафиксированные особенности трансформации массового сознания россиян за последние годы демонстрируют переход от первичной шоковой реакции на возникшие геополитические вызовы к институционализации новой реальности.

В частности, консолидация на этой почве перестала восприниматься как временная мобилизационная мера и трансформировалась в новую социальную норму. Мониторинговые опросы ИС ФНИСЦ РАН фиксируют, что в российском обществе произошла рутинизация конфронтации с Западом. Если в начале 2022 года значительная часть общества воспринимала происходящее как временную дестабилизацию, то к 2024 году в массовом сознании закрепилось представление о долгосрочном характере противостояния. На этом фоне большинство россиян характеризуют текущую международную обстановку как напряжённую, кризисную и отчасти катастрофическую (см. рис. 1).

¹ В статье использованы массивы данных Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН за разные годы (объём выборки в разных волнах составлял от 2 000 до 4 000 респондентов), репрезентирующего взрослое население РФ по полу, возрасту, образованию, социально-профессиональному статусу и типу поселения. При анализе данных за более ранние периоды, охватывавшие в том числе этапы макроэкономической трансформации страны, использовались материалы тематических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, выборка которых строилась с учётом репрезентации населения по территориально-экономическим районам. С более подробной информацией о методических особенностях этих опросов можно ознакомиться в серии монографий «Российское общество и вызовы времени», последняя из которых опубликована в 2025 году [25].

Рис. 1. Динамика оценок россиянами ситуации в мире, 2014–2025 гг., %¹

Однако наивысшего уровня тревожности за последнее десятилетие российское общество достигло в 2022 году, когда суммарная доля негативных оценок ситуации в мире составила 94,2%, а доля тех, кто считал её катастрофической, стала пиковой. За последние три года произошло не только глубокое осознание россиянами масштабных геополитических трансформаций, но и адаптация к вытекающим из этого следствиям. Несмотря на то, что тренд на тревожность и сейчас доминирует, доля тех, кто оценивает ситуацию как нормальную и спокойную, вдвое превышает аналогичный показатель 2014 года. Это свидетельствует о рутинизации восприятия внешних угроз в сознании россиян, что влечёт за собой и соответствующее снижение остроты эмоционального реагирования на эти вызовы, даже несмотря на их сохраняющуюся актуальность.

При этом высокий уровень тревожности не привёл к дезинтеграции социума. Напротив, в условиях снижения уровня безопасности внешнее давление стало фактором, минимизирующим внутреннюю неопределённость путём более явного оформления границ «свои – чужие». Как следствие, большинство россиян связывают основные риски для будущего страны именно с внешнеполитическим давлением, санкциями и попытками изоляции России (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика восприятия россиянами источников основных угроз для страны, 2011–2025 гг., %

¹ Здесь и ниже, если не оговорено иное, затруднившиеся с ответом на рисунках и в таблицах не представлены.

Так, показатель, отражающий преобладание внешних для страны рисков, несмотря на заметное снижение за последние три года, почти вдвое превышает уровень докризисного периода (36,6% в 2011 г. против 69,7% в 2025 г.), демонстрируя устойчивое доминирование в массовом сознании внешнего вектора угроз после 2014 года. В данном контексте институционализация образа врага выполняет важную терапевтическую функцию, переводя страх перед будущим в конкретную форму противостояния внешнему агрессору, что, к примеру, в логике Л. Козера выступает необходимым условием укрепления внутригруппового единства и демаркации жёстких границ по отношению к источнику угроз [22].

В связи с этим показательна динамика отношения российских граждан к ключевым акторам коллективного Запада. Данные демонстрируют серьёзное обрушение симпатий к США и странам Евросоюза до исторических минимумов (рис. 3).

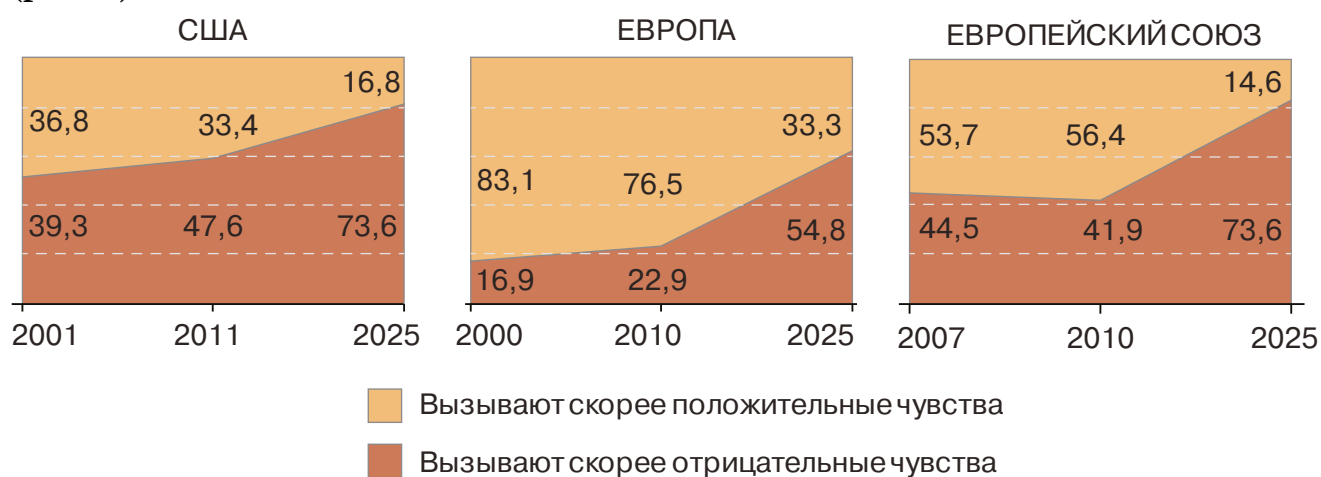

Рис. 3. Динамика отношения россиян к понятиям «США», «Европа» и «Европейский союз», 2000–2025 гг., %

Если в начале 2000-х гг. понятие «Европейский Союз» вызывало положительные чувства у более чем половины представителей массовых слоёв, то к 2025 году эта доля снизилась до 14,6%, тогда как доля испытывающих отрицательные чувства при упоминании ЕС и США достигла трёх четвертей населения. Даже в отношении Европы негативные чувства стали преобладающими, хотя треть россиян всё же пока сохраняет в этом вопросе положительный настрой.

Нужно подчеркнуть, что зафиксированный спад носит не конъюнктурный, а выраженный качественный характер. Запад утратил в глазах большинства россиян статус безусловного цивилизационного эталона. Для мировоззренческого ядра российского общества, демонстрирующего растущую гомогенность представлений, этот разрыв стал логичным завершением процесса полного отхода от западной модели развития. В то же время для условно прозападного полюса, охватывающего порядка четверти населения и сохраняющего высокую внутреннюю мировоззренческую гетерогенность, текущий этап характеризуется

пересмотром привычных ценностных ориентиров, в том числе на фоне введённых самими западными странами санкций, визовых ограничений, а также в целом культурной изоляции, провоцируя дальнейшее размывание идентичности этой группы в социально-политических вопросах [4].

Таким образом, на первом этапе кристаллизации новых смыслов произошло «цементирование» идейных позиций. Образ внешнего врага превратился в фундамент для консолидации большинства, обеспечив легитимность государственного курса на суверенитет. Наряду с этим прочность данного фундамента обусловлена не только институционализацией внешней угрозы, но и актуализацией внутреннего мировоззренческого единства в части поддержки выбранного цивилизационного пути. Рассмотрим это подробнее.

Цивилизационный выбор как фундамент мировоззренческой консолидации

Учитывая то, что обнаруженные тенденции устойчивы во времени и однонаправленны, образ внешнего противника в глазах россиян становится мощным консолидационным фактором, обеспечивая поддержку реализуемого курса развития страны. Большинство населения (74,3%) верит, что выбранный Россией путь даст в перспективе положительные результаты. Этот оптимизм подкрепляется стабильно высоким уровнем политической лояльности – 77,7% граждан считают, что нынешняя власть, при всех её недостатках, заслуживает поддержки.

Одним из ключевых маркеров специфики российского общественного сознания на данном этапе его трансформации является цивилизационный выбор россиян. Результаты мониторинговых исследований ИС ФНИСЦ РАН свидетельствуют об устойчивом доминировании в массовом сознании самобытного вектора развития России (77,6%). Доля тех, кто считает, что «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны», сравнительно невелика (см. рис. 4).

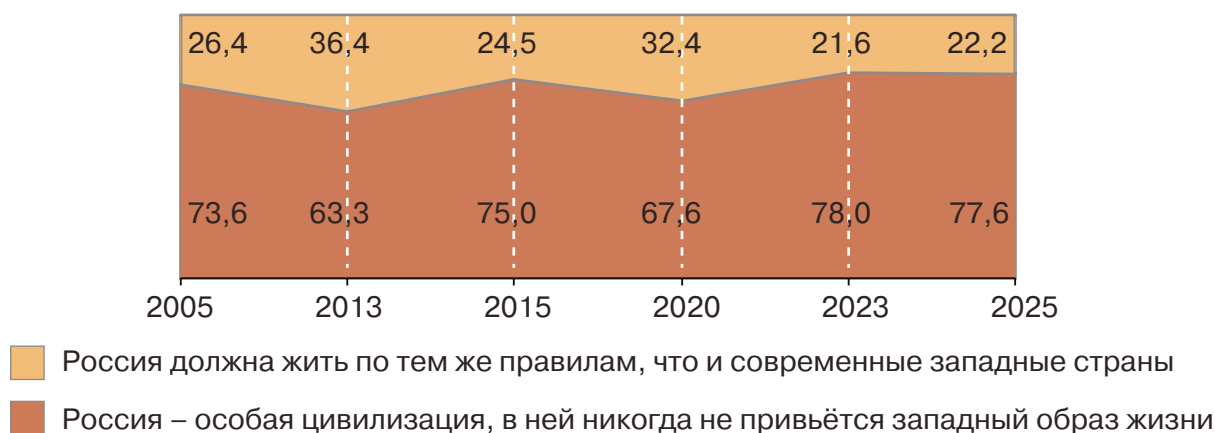

Рис. 4. Динамика представлений россиян о приоритетном векторе развития страны, 2005–2025 гг., %

Такой цивилизационный выбор россиян не является ситуативным. Хотя самобытный путь развития страны всегда имел высокую поддержку в обществе, доля сторонников западной модели развития демонстрировала в относительно спокойные периоды тенденцию к росту (достигнув пика в 2013 г.). Однако каждый новый виток конфронтации с Западом приводил к сокращению числа сторонников возможности использования западной модели развития для России. Своего пика (78,0%) доля сторонников российской самобытности достигла в 2023 году, через год после начала СВО. В этом отношении представленные тенденции свидетельствуют о завершении процессов коллективного самоопределения россиян, итогом которых стало оформление идентичности с опорой на ценность суверенного государства как главного гаранта развития сообщества.

Социально-демографические портреты групп с разным цивилизационным выбором в наибольшей степени различаются возрастом их членов. Среди россиян в возрасте от 50 лет и старше чаще встречаются сторонники самобытного вектора развития России (свыше 80%), а среди 18–30-летних – их оппоненты (28,1% при 22,2% в среднем по стране). Нужно отметить, что эта группа молодёжи не обязательно антигосударственно настроена, но является носителем иного типа нормативно-ценностных ожиданий относительно векторов развития страны [8]. Это само по себе создаёт риски мировоззренческих конфликтов – в зависимости от конкретного социально-политического контекста.

Цивилизационный выбор россиян тесно связан и с оптимистичным видением ими перспектив развития страны, а также с представлениями о локализации ключевых угроз для неё. Так, мировоззренческие установки сторонников самобытного пути развития России конвертируются в безусловную политическую лояльность (83,1% их считают, что нынешняя власть заслуживает поддержки) и веру в положительные результаты выбранного стратегического курса (82,0%). Причём эта часть россиян консолидирована на основе понимания ими масштабов внешней угрозы (74,9%), что ещё в большей степени закрепляет поддержку институтов власти как ключевых гарантов сохранения суверенитета.

Группа сторонников западной модели развития для России, напротив, неоднородна по своим взглядам. В отношении перспектив достижения успеха на избранном страной пути эта группа расколота практически пополам (49,1% представителей этой группы считают, что выбранный путь ведёт в тупик, а 47,1% видят ключевые угрозы внутри страны). Несмотря на это, 60,4% представителей данной группы выражают поддержку действующей власти. Этот факт указывает не на монолитное идейное единство, а на формирование широкого пассивного консенсуса, в рамки которого вовлекаются и мировоззренческие оппоненты государственного курса. Однако основания лояльности у этой группы принципиально иные и носят преимущественно адаптационный характер. В терминах М. Олсона, это стратегия избегания издержек, при которой декларативное согласие с государственным вектором развития выступает способом минимизации личных рисков, но не подразумевает готовности к деятельному участию [23].

Таким образом, зафиксированная консолидация большинства вокруг самобытного пути и институтов власти является мощным символическим ресурсом. Однако наличие значительной доли граждан с адаптивной лояльностью ставит вопрос о реальной силе этой консолидации. В связи с этим рассмотрим вопрос о том, где пролегают границы между декларативной поддержкой смыслов и практической готовностью граждан жертвовать личными интересами в пользу государственных.

Границы мобилизационной готовности: между декларативной консолидацией и прагматизмом частной жизни

Ситуация с мобилизационным потенциалом российского общества несколько иная и существенно отличается от картины мировоззренческого консенсуса, что видно в том числе по отношению россиян к СВО на Украине, которая сильно сказалась на их повседневной жизни. Свыше 80% граждан страны заявляют, что их жизнь в той или иной степени изменилась с началом спецоперации. Абсолютное большинство россиян (84,2%) интересуется ходом СВО и связанными с ней событиями (36,7% следят за её ходом постоянно, 47,5% – только за главными новостями). Среди проявляющих интерес преобладают сторонники самобытного вектора развития России. Не интересуется СВО меньшинство российского населения (15,8%), которое представлено преимущественно сторонниками западной модели развития (64,9%).

По-разному оценивают россияне и то, чем должна завершиться СВО. Более половины представителей массовых слоёв (52,1%) выступают за её продолжение вплоть до достижения всех поставленных целей. Однако данная точка зрения сильно зависит от представлений о локализации источников угроз для страны. Так, россияне с установкой на внешний их характер значимо чаще выступают за продолжение СВО «до победного конца» (58,2%). Напротив, те граждане, которые видят источник основных угроз внутри страны, чаще ориентированы на скорейшее её завершение и достижение договорённостей (62,0%). Это свидетельствует о том, что осознание серьёзности внешних угроз выступает важным идеологическим драйвером для формирования мобилизационных установок.

Уровень личной вовлечённости россиян в СВО выступает фундаментальной осью мировоззренческой консолидации. Ядро консолидированного большинства составляют граждане, воспринимающие происходящее как личный вызов («это и моя война» – 59,6%). Эта группа демонстрирует монолитное идейное единство, выражающееся в убеждённости в особой цивилизационной роли России (85,9%), безусловной поддержке власти (86,4%), вере в правильность стратегического курса страны (85,5%) и в доминировании представлений о внешнем векторе угроз (77,2%). Именно этот высокий уровень символического согласия создаёт фундамент для последующей деятельной мобилизации этой части российского общества. Другая часть россиян, для которой конфликт

остаётся внешним событием («это не моя война» – 39,7%), не формирует при этом активного антивоенного полюса. Эта группа скорее демонстрирует политический пессимизм и выбирает стратегию социального дистанцирования, стремясь защитить автономность своего жизненного мира от дестабилизирующих внешних шоков.

Вместе с этим проведённое исследование позволило зафиксировать некоторые различия в отношении тех издержек, с которыми столкнулись граждане с разным видением ключевых источников угроз для России (см. рис. 5).

Рис. 5. Социальные и экономические последствия СВО для россиян с разным видением источников основных угроз для страны, 2025 г., %

Если россияне, сфокусированные на внешних угрозах, сравнительно чаще принимают на себя прямые риски участия в конфликте (наличие воюющих родственников, волонтерство в разных его формах), то видение ключевых угроз внутри страны относительно чаще предопределяет упоминание социально-экономических трудностей, связанных с инфляцией, исчезновением ряда импортных товаров, разрушением внутрисемейных связей. Хотя о человеческих потерях и физических увечьях близких или своих собственных в равной степени упоминают представители обеих групп.

Таким образом, СВО стала фактором глубокой трансформации повседневности для всех слоёв общества, независимо от их мировоззренческих позиций. Сходство показателей по упоминанию человеческих потерь свидетельствует о наличии общего фундаментального предела, связанного с физической безопасностью. Однако качественное различие в восприятии издержек (прямые риски для жизни против социально-экономических трудностей) указывает на то, что мобилизационный потенциал ограничен разными факторами: для одних это вопрос физического выживания и ресурсного истощения, а для других – разрушение привычного материального и семейного уклада.

Важно отметить, что в массовом сознании россиян прочно укоренился тезис о неизбежности начала военных действий (66,7% убеждены, что иного пути урегулирования до февраля 2022 г. не было). Кроме того, большинство опрошенных (75,9%) разделяют тезис о ведении Западом целенаправленной информационной войны, ориентированной на подрыв традиционных ценностей и разобщение российского общества. В этом контексте более половины населения (56,2%) признают также существование в России групп лиц, действующих в интересах Запада. Причём с этим в одинаковой степени согласны россияне с разными мнениями об основных источниках угроз для страны¹. Иными словами, представления о внутреннем враге не строго соотносятся с восприятием источника основных угроз, которое, как было показано выше, тесно коррелирует с цивилизационными установками россиян. Данное обстоятельство указывает на то, что за внешним единством мнений скрывается принципиально разная интерпретация природы внутренних вызовов. Эта гипотеза подтверждается выявленной в ходе исследования дифференциацией в оценке наиболее острых социальных противоречий.

Так, убеждённость в том, что основные вызовы для России сосредоточены на внешнем контуре, зачастую сопряжена с представлением об отсутствии в стране острых внутренних конфликтов. Среди сторонников этой позиции 19,7% полагают, что значимых противоречий в стране нет, тогда как среди видящих угрозы внутри страны таких лишь 9,2%. Напротив, фокусировка на внутренних угрозах коррелирует с более острой фиксацией структурных разломов. Респонденты, акцентирующие внимание на внутрироссийских проблемах, значительно чаще

¹ В частности, среди тех, кто основные источники угроз для страны видит на внешнем контуре, 55,7% согласны с тезисом о наличии в России групп людей, действующих в интересах Запада, а в группе россиян, ставящих в приоритет внутренние угрозы, также свыше половины её состава поддерживают мнение о наличии «внутреннего врага» (57,2%).

указывают на наличие конфликта между властью и народом (32,4% против 22,3% среди сторонников мнения о приоритете внешних угроз), а также между чиновниками и гражданами (24,2% против 18,2% соответственно). Более того, в группах с разной локализацией основных вызовов и угроз существенно различается восприятие территориальных и этносоциальных различий. Представители сегмента, ориентированного на поиск внутренних угроз, чаще фиксируют напряжённость в отношениях между Москвой и провинцией (24,4% против 17,2% в группе внешнеориентированных респондентов), а также между русскими и нерусскими (31,3% против 22,4% соответственно). Подобная дифференциация подчёркивает, что выбор вектора консолидации (против внешних угроз или для решения внутренних проблем) во многом предопределяет видение социальной реальности и оценку устойчивости сложившихся в обществе институциональных связей.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что границы мобилизационной готовности современного российского общества определяются не столько уровнем идейного согласия, хотя и оно в этом смысле немаловажно, сколько глубиной интеграции тех или иных системных вызовов в структуру повседневности индивида. Несмотря на высокий уровень декларативной консолидации вокруг тезисов о неизбежности конфликта и наличии внешних угроз, реальный мобилизационный потенциал демонстрирует существенную сегментацию. Его фактический предел пролегает в точке столкновения макрополитических целей государства с потребностями граждан в сохранении автономности и целостности своего жизненного мира.

Для консолидированного ядра россиян мобилизация выступает актом личной сопричастности, базирующимся на восприятии экзистенциального характера внешних угроз. Однако даже в этом сегменте готовность к действию ограничивается ресурсами физического выживания и пределом материального истощения. В то же время для значительного числа россиян характерно сосуществование отмеченных выше «параллельных реальностей», когда символическое и идейное единство сочетается с прагматикой частного жизненного мира. В этом случае гранью мобилизации становится стремление индивида минимизировать личные издержки (от социально-экономических потерь до разрушения привычных семейных связей). Следовательно, устойчивость выявленного мировоззренческого консенсуса во многом зависит от способности социальных институтов сглаживать противоречия между внешнеполитическими задачами и микросоциальными интересами граждан.

Информационный контроль и экономическая безопасность как риски устойчивости общественной консолидации

Если мировоззренческий консенсус создаёт символическую базу поддержки курса государства, то информационный контроль и экономическая безопасность во многом определяют его устойчивость. Высокий уровень подозрительности среди населения в отношении внутреннего врага заставляет его

пропускать любые мобилизационные призывы через двойной фильтр доверия. Это заставляет соотносить интересы государства со своими потребностями в части защиты своего частного пространства. Рассмотрим в этой связи готовность россиян к издержкам – на примере их отношения к возможным цифровым и экономическим ограничениям.

Как показало исследование, мнения россиян относительно возможных защитных мер в информационной сфере достаточно дифференцированы (табл. 1).

Таблица 1

Готовность россиян к ограничениям в информационной сфере в зависимости от оценки ими источников основных угроз для России, 2025 г., %¹

Ограничительные меры	Основные угрозы для России исходят из-за рубежа	Основные угрозы для России находятся внутри страны	Согласны с тем, что в России есть много людей, которые действуют в интересах Запада	Не согласны с тем, что в России есть много людей, которые действуют в интересах Запада	Всего по массиву
Введение цензуры для защиты общества от вредного контента	45,3	35,8	45,9	37,6	42,5
Отключение на время интернета в отдельных регионах	31,5	21,9	33,7	21,9	28,6
Контроль содержания обсуждений в публичных каналах и группах в соцсетях или мессенджерах	30,6	21,9	31,2	23,8	28,0
Контроль запросов пользователей поисковых порталов (Яндекс, Google, Рамблер и др.)	25,9	17,9	24,7	22,4	23,7
Замедление или блокировка потенциально опасных информационных интернет-ресурсов, соцсетей и мессенджеров (Whatsapp, Telegram и т. д.)	24,2	15,6	23,2	19,8	21,6
Отключение на время сотовой связи в отдельных регионах	17,1	15,4	19,4	12,7	16,5
Запрет VPN и других способов обхода ограничений доступа к различным интернет-ресурсам и санкции за их использование	17,2	10,2	18,0	11,5	15,2

¹ Серым фоном в таблице отмечены показатели, которые свидетельствуют о сравнительно меньшей популярности указанных мер в сравнении со среднероссийской их упоминаемостью, красным фоном – показатели, которые превышают среднероссийские более чем на величину статистической погрешности в 5%.

Окончание табл. 1

Ограничительные меры	Основные угрозы для России исходят из-за рубежа	Основные угрозы для России находятся внутри страны	Согласны с тем, что в России есть много людей, которые действуют в интересах Запада	Не согласны с тем, что в России есть много людей, которые действуют в интересах Запада	Всего по массиву
Контроль личной переписки в сервисах обмена сообщениями и социальных сетях	14,0	10,0	15,0	9,9	12,8
Любые ограничения в информационной сфере недопустимы	27,2	47,3	31,0	36,4	33,2

В целом только треть населения придерживается мнения о недопустимости каких-либо ограничений в информационной сфере, а другая и наиболее массовая часть общества демонстрирует высокую толерантность к условно внешним мерам (например, цензуре публичного пространства), но стремится сохранить личное информационно-цифровое пространство. Предел допустимого контроля в информационной сфере в этом смысле проходит по границе частной жизни, и попытки её пересечения могут стать триггером для перехода от лояльности к стратегии активного избегания контроля.

Кроме того, уровень поддержки ограничений различается у россиян с разным видением источника основных угроз для страны и различным отношением к тезису о наличии условного внутреннего врага. Так, среди убеждённых в приоритетности внешних угроз наблюдается сравнительно высокая толерантность к предложенным мерам государственного контроля, в особенности к введению цензуры и локальным ограничениям работы сети интернет. В целом же уровень поддержки возможных ограничений в этой группе, как и среди тех, кто согласен с мнением о наличии в стране людей, действующих в интересах Запада, существенно не отличается от общероссийского. Ключевые различия зафиксированы в группах россиян, считающих, что основные угрозы сосредоточены внутри страны, и не согласных с тем, что в стране есть группы, действующие в интересах коллективного Запада. В частности, среди убеждённых в приоритете внутренних рисков значимо шире распространено неприятие любых запретов (47,3% против 27,2% убеждённых в приоритете внешних рисков). В остальном в обеих группах большая часть рассматриваемых ограничений поддерживается существенно реже, чем в целом среди россиян. Таким образом, хотя российское общество демонстрирует готовность адаптироваться к возможным ограничительным мерам в информационно-цифровой сфере, предел допустимых ограничений проходит по границе цифровой автономии индивида. Готовность перейти эту границу сравнительно выше у той части общества, которая максимально

консолидирована против внешнего врага, впрочем, это касается далеко не всех предложенных мер.

Допустимость для многих россиян ужесточения мер контроля со стороны государства в условиях усиления информационной войны согласуется с неприятием большинством представителей массовых слоёв населения явлений в сфере публичного пространства, подобных «голым вечеринкам» или пропагандирующим жестокость роликам в соцсетях. Половина россиян (50,6%) настаивает на жёсткой законодательной оценке подобных явлений, нарушающих общепринятые этические нормы. При этом респонденты, убеждённые в доминировании внешних угроз для страны, сравнительно чаще выступают за более серьёзные наказания за такого рода активность (54,7%). В свою очередь, опрошенные, сфокусированные на внутренних угрозах, придерживаются этой позиции реже (41,2%) и вдвое чаще своих оппонентов полагают, что особого вреда от таких явлений нет (12,5% против 6,9% соответственно).

Таким образом, группы с очень разным видением источников угроз демонстрируют схожие показатели поддержки мер государственного контроля. Однако природа этого согласия весьма неоднородна. Если для сторонников версии о внешнем давлении цензура и этические ограничения выступают инструментом мировоззренческой консолидации, то для их оппонентов это скорее способ сохранения стабильного жизненного мира в условиях неопределённости. В данном контексте единство общества базируется не на идейной согласованности, а на признании комплексного характера вызовов. Такая модель сохраняет свою устойчивость лишь до того момента, пока государственная политика не пересекает порог неприемлемых на индивидуальном уровне издержек.

Этот тезис хорошо дополняют данные о готовности россиян к «мягким» экономическим ограничениям, связанным с отрывом от Запада. Значительная часть российского населения готова отказаться от пользования некоторыми социальными сетями (45,6%), от туристических и деловых поездок в недружественные страны (40,7%), а также от хранения денег в иностранной валюте (36,8%), причём такая толерантность выше у той части общества, которая идеологически консолидирована против внешней угрозы. Так, сторонники мнения о внешнем источнике угроз в полтора раза чаще своих оппонентов готовы отказаться от зарубежных поездок (45,0% против 30,3% сторонников мнения о внутреннем источнике угроз). В то же время населением отвергаются те ограничения, которые затрагивают базовую экономическую безопасность или связаны с тотальным цифровым контролем. Фундаментальными «красными линиями» мобилизации для граждан страны являются вопросы экономических рисков – 74,6% не готовы согласиться с повышением налогов, а 70,7% – пойти на то, чтобы оказаться без работы. Болезненны для россиян и цифровые ограничения – 71,4% граждан в любом случае не готовы отказаться от пользования интернетом.

Таким образом, порог мобилизационного потенциала современного российского общества определяется балансом между идеологической солидарностью

и защитой автономии жизненного мира индивида. Мобилизация ресурсов остаётся эффективной лишь до тех пор, пока она не разрушает базу материального благополучия и общей цифровой включённости, которые для современного человека являются неотъемлемыми условиями его существования. Зафиксированный разрыв между высокой поддержкой государственного курса и реальной готовностью нести личные издержки указывает на ограниченность механизмов конвертации символического согласия в практическую вовлечённость. В этих условиях формируется специфический феномен адаптивной лояльности. То есть реальные границы деятельностного участия пролегают не по линии идеологических разногласий, а в точке столкновения макрополитических целей государства с микроэкономическими интересами и безопасностью семьи, которая становится для россиян зоной безусловного приоритета.

Заключение

Проведённое исследование позволяет концептуализировать феномен российской сплочённости не как результат идеологической унификации, а как динамический процесс удержания баланса между поддержкой государственного курса и сохранением устойчивости жизненного мира индивида. Фиксация условных разрывов между символической консолидацией и готовностью к мобилизационному участию в условиях растущих внешних угроз позволила выявить фундаментальную закономерность трансформации общественного сознания. Она заключается в формировании в российском обществе двухуровневой модели общественного консенсуса. На макроуровне данная модель находит выражение в институционализации образа коллективного Запада как экзистенциальной угрозы, обеспечившей объединение большей части населения вокруг ценностей суверенитета и цивилизационной самобытности. Подобная трансформация способствовала оформлению монолитного мировоззренческого ядра, для которого геополитический вызов обрёл характер личной сопричастности, став ключевым драйвером сплочения вокруг институтов власти.

На микроуровне зафиксировано расхождение между идейной поддержкой и готовностью к практическому действию, обусловленное функционированием сознания значительной части общества по принципу «параллельных реальностей». В рамках данной модели макрополитическая сфера и сфера частной жизни индивида существуют как автономные пространства. Это позволяет значительной части общества выбирать стратегию социального дистанцирования при символической поддержке выбранного страной пути.

Обнаруженные в ходе исследования «красные линии» очерчивают ту грань, за которой общенациональный вызов перестаёт быть драйвером мобилизации и вступает в конфликт с требованиями базовой безопасности. Граница гражданского участия пролегает в точке столкновения интересов государства с материальным благополучием семьи и цифровой автономией личности. Существенное возрастание социальных издержек в данных сферах ведёт к тому,

что идеологические аргументы утрачивают свою силу, уступая место прагматическим стратегиям минимизации личных потерь. В этой точке идейная консолидация рискует смениться социальной апатией или ростом скрытого недовольства, что подтверждает тезис о том, что устойчивость современного консенсуса определяется не столько глубиной идейного единообразия, сколько ресурсами адаптации граждан к изменениям их привычного уклада жизни.

Таким образом, устойчивость современного общественного консенсуса в условиях затяжной геополитической и социокультурной конфронтации определяется способностью институтов гарантировать сохранение привычных границ частной жизни, что превращает внутреннюю неоднородность общества из фактора риска в функциональный фундамент социальной стабильности государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горшков М. К., Петухов В. В. Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 10–34. DOI [10.17976/jpps/2015.02.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2015.02.02). EDN [TUHDVT](https://www.edn.ru/TUHDVT).
2. Сушко П. Е. Представления россиян о путях развития России: распространенность и специфика // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 25–37. DOI [10.31857/S013216250021403-6](https://doi.org/10.31857/S013216250021403-6). EDN [TYQXBF](https://www.edn.ru/TYQXBF).
3. Тихонова Н. Е. Специфика мировоззрения сторонников западного пути развития для России в массовых слоях населения // Мир России. Социология, Этнология. 2023. Т. 32, № 4. С. 6–35. DOI [10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35). EDN [NQSIPT](https://www.edn.ru/NQSIPT).
4. Сушко П. Е. Динамика представлений россиян о цивилизационном векторе развития страны (опыт эмпирического анализа) // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 34–47. DOI [10.31857/S0132162524110033](https://doi.org/10.31857/S0132162524110033). EDN [LDQMER](https://www.edn.ru/LDQMER).
5. Петухов В. В. Идейно-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 4 (32), С. 25–43. DOI [10.19181/snsp.2020.8.4.7654](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7654). EDN [IPANPL](https://www.edn.ru/IPANPL).
6. Андреев А. Л. Риски и угрозы в восприятии российского общества // Философия хозяйства. 2021. № 1 (133). С. 111–123. EDN [HOFVGF](https://www.edn.ru/HOFVGF).
7. Латов Ю. В. Динамика массового сознания россиян: экстраординарная ситуация или начало нового цикла? // Полис. Политические исследования. 2023. № 6, С. 161–179. DOI [10.17976/jpps/2023.06.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.12). EDN [QFXDBY](https://www.edn.ru/QFXDBY).
8. Тихонова Н. Е. Идеологическая сегментация массовых слоёв населения в условиях обострения конфронтации с Западом (опыт эмпирического анализа) // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 136–153. DOI [10.17976/jpps/2024.05.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.09). EDN [ICDAIE](https://www.edn.ru/ICDAIE).
9. Ericksen S. C. A Skeptical Note on the Use of Attitude Scales Toward War: III. In 1946 // The Journal of Social Psychology. 1948. Vol. 27, № 1. P. 79–90. DOI [10.1080/00224545.1948.9918913](https://doi.org/10.1080/00224545.1948.9918913).
10. Dupuis E. C., Cohn E. S. A New Scale to Measure War Attitudes: Construction and Predictors // Journal of Psychological Arts and Sciences. 2011. URL: https://scholars.unh.edu/psych_facpub/14/ (дата обращения: 07.05.2026).
11. Mueller J. E. War, Presidents, and Public Opinion. New York : John Wiley & Sons Inc, 1973. 326 p.

12. Gartner S. S., Segura G. M. War, Casualties, and Public Opinion // Journal of Conflict Resolution. 1998. Vol. 42, № 3. P. 278–300.
13. Неврюев А. Н. Разработка опросника для изучения аттитюдов к войне как к способу разрешения международных конфликтов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15, № 3. С. 464–476. DOI [10.17323/1813-8918-2018-3-464-476](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-3-464-476). EDN [ZAKNOP](#).
14. Тилли Ч. От мобилизации к революции / Ч. Тилли ; пер. с англ. Д. Карасева ; под науч. ред. С. Моисеева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 428 с. ISBN 978-5-7598-1527-3.
15. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). М. : Новый хронограф, 2008. 934 с. ISBN 978-5-94881-030-0. EDN [QPHSZD](#).
16. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. ISBN 5-89826-059-5. EDN [RAYTKJ](#).
17. Hunter J. D. Culture Wars: The Struggle to Define America. New York : Basic Books, 1991. 416 p. ISBN 978-0-465-01533-7.
18. Vachudova M. A. Ethnopolitism and Democratic Backsliding in Central Europe // East European Politics. 2020. Vol. 36, № 3. P. 318–340. DOI [10.1080/21599165.2020.1787163](https://doi.org/10.1080/21599165.2020.1787163). EDN [UTLHWV](#).
19. Wright-Maley C. Time, Temporality, and Entanglement in the Face of Parallel Realities // Journal of Folklore and Education. 2022. Vol. 9. P. 8–24.
20. Wertsch J. V. How Nations Remember: A Narrative Approach. Oxford : Oxford University Press, 2021. 271 p. DOI [10.1093/oso/9780197551462.001.0001](https://doi.org/10.1093/oso/9780197551462.001.0001).
21. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь Мир, 2020. 352 с. ISBN 978-5-7777-0801-4. EDN [QLXXDD](#).
22. Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер ; пер. с англ. О. Назаровой ; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с. ISBN 5-7333-0015-9.
23. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / М. Олсон ; пер. с англ. Е. Окороченко ; под ред. Ю. Парамонова ; науч. ред. Р. М. Нуреев. М. : Фонд экономической инициативы, 1995. 174 с. ISBN 5-201-03380-6.
24. Druckman J. N., Levendusky M. S. What Do We Measure When We Measure Affective Polarization? // Public Opinion Quarterly. 2019. Vol. 83, № 1. P. 114–122. DOI [10.1093/poq/nfz003](https://doi.org/10.1093/poq/nfz003).
25. Российское общество и вызовы времени. Кн. восьмая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2025. 352 с. ISBN 978-5-7777-0969-1. EDN [SKXDAR](#).

Сведения об авторе

П. Е. Сушко

кандидат социологических наук
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [5574-6340](#)

Статья поступила в редакцию 17.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 14.07.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.3)

CONSOLIDATION AND MOBILIZATION POTENTIALS OF RUSSIAN SOCIETY UNDER GEOPOLITICAL CHALLENGES

Pavel Evgen'evich' Sushko

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

sushkope@mail.ru,

ORCID [0000-0003-0245-7015](https://orcid.org/0000-0003-0245-7015)

For citation: Sushko P. E. Consolidation and mobilization potentials of Russian society under geopolitical challenges. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):37–60. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.3).

Abstract. The article, based on monitoring data from the Institute of Sociology of FCTAS RAS, analyzes the phenomenon of Russian cohesion, conceptualized as a dynamic system of social equilibrium between macro-political consolidation and the autonomy of the private lifeworld. The study identifies specific transformations in the mass consciousness of Russians under large-scale geopolitical challenges, manifested in a two-tier model of support for the country's current development course. At the macro-level, the research records a worldview consolidation among mass strata of the Russian population, fueled by the institutionalization of the “collective West” as an existential threat, and centered on the values of sovereignty and civilizational identity. At the micro-level, however, a discrepancy is revealed between ideological unity and the practical readiness of Russians to reorient their efforts toward achieving collective goals. This gap is explained by the functioning of mass consciousness under conditions of prolonged confrontation and general external instability according to the principle of “parallel realities”, where the foreign policy agenda and everyday interests exist as segregated spaces. In such conditions, an individual may demonstrate symbolic and ideological solidarity with society and the state, while their pragmatic actions remain dictated by the desire to preserve the autonomy of their own microworld. Special attention is paid to identifying the “red lines” that delineate the mobilization potential of Russian society. It is shown that the threshold of readiness for active civic participation lies at the intersection of personal security, the material stability of the family, and the individual's digital autonomy. The study substantiates that in a situation of long-term confrontation, the stability of the social consensus between society and the state depends on the ability of social institutions to maintain a balance between mobilization tasks and the preservation of citizens' habitual way of life. At the same time, internal worldview heterogeneity – characteristic of one-third to one-fifth of the Russian population in various years – is viewed not as a risk factor, but as a functional mechanism of social distancing that ensures system stability by safeguarding the private sphere.

Keywords: social consolidation, mobilization potential, civic identity, civilizational choice, public consciousness, Russians' worldview, public consensus, social cohesion

Acknowledgements: work on this paper was supported by Russian Science Foundation, project No. 25-18-01067.

REFERENCES

1. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. Foreign policy orientations of the Russians: a new turn. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2015;(2):10–34. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2015.02.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2015.02.02).
2. Sushko P. E. Russians' ideas about possible ways of Russia's development: prevalence and specificity. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(11):25–37. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250021403-6](https://doi.org/10.31857/S013216250021403-6).
3. Tikhonova N. E. The worldview of supporters of the western path of development for Russia among the general population. *Universe of Russia=Mir Rossii*. 2023;32(4):6–35. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35).
4. Sushko P. E. Dynamics of Russians' ideas about the civilizational vector of the country's development (an empirical analysis). *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2024;(11):34–47. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524110033](https://doi.org/10.31857/S0132162524110033).
5. Petukhov V. V. Ideological and political preferences of the Russians: changing of the discourse. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2020;8(4):25–43. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2020.8.4.7654](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7654).
6. Andreev A. L. Risks and threats in the perception of Russian society. *Philosophy of Economy=Filosofiya hozyajstva*. 2021;(1):111–123. (In Russ.).
7. Latov Yu. V. Dynamics of mass consciousness of Russians: extraordinary situation or beginning of a new cycle? *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2023;(6):161–179. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2023.06.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.12).
8. Tikhonova N. E. Ideological segmentation of mass strata of the population under conditions of aggravated confrontation with the West (empirical analysis). *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2024;(5):136–153. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2024.05.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.09).
9. Ericksen S. C. A Skeptical note on the use of attitude scales toward war: III. In 1946. *The Journal of Social Psychology*. 1948;27(1):79–90. DOI [10.1080/00224545.1948.9918913](https://doi.org/10.1080/00224545.1948.9918913).
10. Dupuis E. C., Cohn E. S. A New scale to measure war attitudes: construction and predictors. *Journal of Psychological Arts and Sciences*. 2011. URL: https://scholars.unh.edu/psych_facpub/14/ (accessed: 07.05.2026).
11. Mueller J. E. War, presidents, and public opinion. New York: John Wiley & Sons Inc; 1973. 326 p.
12. Gartner S. S., Segura G. M. War, casualties, and public opinion. *Journal of Conflict Resolution*. 1998;42(3):278–300.
13. Nevrujev A. N. Development of a questionnaire to measure attitude to war as a means of solving international conflicts. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics=Psikhologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*. 2018;15(3):464–476. (In Russ.). DOI [10.17323/1813-8918-2018-3-464-476](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-3-464-476).
14. Tilly Ch. From mobilization to revolution. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly e'konomiki; 2019. 428 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1527-3.
15. Akhiezer A. S. Russia: criticism of historical experience (socio-cultural dynamics of Russia) [Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)]. Moscow: Novyj hronograf; 2008. 934 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-030-0.
16. Beck U. Risk society. Towards a new modernity [Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu]. Moscow: Progress-Tradiciya; 2000. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-89826-059-5.
17. Hunter J. D. Culture wars: the struggle to define America. New York: Basic Books; 1991. 416 p. ISBN 978-0-465-01533-7.
18. Vachudova M. A. Ethnopolitism and democratic backsliding in Central Europe. *East European Politics*. 2020;36(3):318–340. DOI [10.1080/21599165.2020.1787163](https://doi.org/10.1080/21599165.2020.1787163).

19. Wright-Maley C. Time, temporality and entanglement in the face of parallel realities. *Journal of Folklore and Education*. 2022;(9):8–24.
20. Wertsch J. V. How nations remember: a narrative approach. Oxford: Oxford University Press; 2021. 271 p. DOI [10.1093/oso/9780197551462.001.0001](https://doi.org/10.1093/oso/9780197551462.001.0001).
21. Toshchenko Zh. T. Trauma society: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis). Moscow: Ves' Mir; 2020. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0801-4.
22. Coser L. The functions of social conflict [Funkcii social'nogo konflikta]. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi; 2000. 205 p. (In Russ.). ISBN 5-7333-0015-9.
23. Olson M. The logic of collective action: public goods and the theory of groups [Logika kollektivnyh deystvij. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp]. Moscow: Fond ekonomicheskoy iniciativy; 1995. 174 p. (In Russ.). ISBN 5-201-03380-6.
24. Druckman J. N., Levendusky M. S. What do we measure when we measure affective polarization? *Public Opinion Quarterly*. 2019;83(1):114–122. DOI [10.1093/poq/nfz003](https://doi.org/10.1093/poq/nfz003).
25. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., eds. Russian society and challenges of the time. Book Eight. Moscow: Ves' Mir; 2025. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0969-1.

Information about the Author

P. E. Sushko

Candidate of Sociology

Leading Researcher

ResearcherID: [L-2288-2015](https://orcid.org/0000-0001-9288-2015)

Scopus AuthorID: [57195625722](https://orcid.org/0000-0001-9288-2015)

The article was submitted 17.03.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 14.07.2026.

УГНЕТЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВА СОЦИАЛЬНОЙ КРИТИКИ КОНСЮМЕРИЗМА

Николай Сергеевич Бабич¹
Иван Владимирович Батыков²

^{1,2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

¹ sociolog@mail.ru,

ORCID 0000-0001-8697-3038

² ivbatykov@socexpertiza.ru,

ORCID 0000-0002-9026-5824

Для цитирования: Бабич Н. С., Батыков И. В. Угнетение рождаемости в обществе потребления: перспектива социальной критики консюмеризма // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 3. С. 61–80. DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.4. EDN OKAYYQ

Аннотация. В статье через призму социальной критики консюмеризма рассматривается проблема снижения рождаемости в условиях современного общества потребления. Актуальность исследования обусловлена демографическим кризисом, наблюдаемым в развитых странах, а также необходимостью выявления структурных факторов, влияющих на воспроизводство населения в долгосрочной перспективе. Цель работы – теоретически обосновать и эмпирически проверить гипотезу об «угнетении рождаемости» как системном эффекте консюмеризации. Методологическую основу исследования составляют дедуктивный анализ концепции общества потребления, её операционализация через измеримые показатели, а также количественные методы межстранового сравнительного анализа. В качестве эмпирических индикаторов используются число зарегистрированных торговых марок на душу населения и объём потребительских расходов, объединённые в индекс консюмеризации. Проверка гипотезы осуществляется на выборке из 69 стран с использованием корреляционного анализа. Результаты исследования показывают наличие статистически значимой отрицательной связи между уровнем консюмеризации и коэффициентом фертильности ($r = 0,72$), что подтверждает выдвинутую гипотезу. Согласно модели угнетения рождаемости, по мере роста возможностей символического потребления происходит вытеснение репродуктивного поведения альтернативными формами социальной самореализации. Теоретически это объясняется конкуренцией между детьми как благом и символическими суррогатами потребления (прежде всего, торговыми марками), а также ростом альтернативных издержек родительства на фоне трансформации культурных норм. В заключении делается вывод о том, что общество потребления может выступать не только фактором экономического развития, но и источником долгосрочной

демографической нестабильности, вплоть до коллапса. Новизна работы заключается во введении понятия «угнетение рождаемости» как аналитического описания системной репродуктивной дисфункции общества потребления, его теоретическом описании и связывании с эмпирическими индикаторами. Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований взаимосвязи культурных, экономических и демографических процессов, а также для эмпирически обоснованной количественной диагностики последствий консюмеризации.

Ключевые слова: общество потребления, консюмеризм, рождаемость, фертильность, угнетение рождаемости, социальная система, символическое потребление, торговые марки, демографический переход, социальная критика консюмеризма

Введение

«Общество потребления» – это состояние социальной системы, уникальное сразу в нескольких аспектах. Один из них – размытость, эфемерность самого понятия, схватывающего это состояние (которое мы проясним ниже, так же, как и причины его эфемерности). Второй, не менее интересный – трудность критического рассмотрения. Хотя само словосочетание «общество потребления» в социальных науках употребляется, в основном, как пейоратив, при чтении классических обличающих этот тип социальной системы работ, от Бодрийяра [1] до Джеймисона [2] и Баумана [3], сами собой напрашиваются вопросы: чем же потребление так плохо само по себе и неужели общество потребления не лучше общества нищеты? Может показаться, что критики исходят из какой-то имплицитной нравственной предпочтительности аскетизма перед гедонизмом и аристократической бедности перед буржуазной сытостью. Но на чём основывается эта предпочтительность? Там, где оказывается возможным измерить эффекты консюмеризации (перехода к обществу потребления), межстрановые данные свидетельствуют [4] скорее о её положительной связи с социальным развитием, и, вопреки ожиданиям критиков [5; 6], – об отсутствии связи с такими признаками «аномии», как уровень самоубийств, отчаяния или неравенства. Тем не менее, нам представляется, что негативная окраска термина «общество потребления» в социологии возникла не случайно и отражает устойчивое ощущение смыслового тупика в развитии социальной системы, сосредоточившейся на максимальном удовлетворении потребительского спроса.

В чём же заключается тупиковость такого пути развития? Если смотреть на общество как на систему, имеющую некий определённый смысл существования, а не случайно сконфигурированный конгломерат составных частей, то простейший из возможных смыслов как системных целей состоит в воспроизводстве этой системы. Ради такого воспроизводства осуществляется, например, вся хозяйственная деятельность общества, которое погубило бы, не производи оно в нужном количестве пищу, одежду, средства передвижения и коммуникации для своих членов. Но хозяйственная деятельность позволяет осуществлять воспроизводство общества лишь в краткосрочной перспективе – здесь и сейчас.

Среднесрочная перспектива воспроизводства связана уже с иными аспектами, в частности, такими как социальный порядок и безопасность.

В долгосрочной же перспективе на первый план выходит вопрос рождаемости, так как воспроизводство социума требует сохранения индивидов, являющихся носителями соответствующих социальных структур и отношений. Общество, все члены которого не хотят иметь детей, очевидно, рискует полностью исчезнуть на протяжении жизни одного наиболее молодого своего поколения. Таким образом, важнейшим вопросом, связывающим общество потребления с социальным целеполаганием, является влияние консюмеризации на рождаемость. И именно здесь возникают эмпирически проверяемые основания для подозрения в тупиковом характере безудержного развития потребления, потому что, на первый взгляд, именно те страны, в которых консюмеризация наиболее сильна, одновременно оказываются в наиболее тяжёлом кризисе воспроизводства населения. Иными словами, возникает гипотеза «угнетения рождаемости» в обществе потребления, которое в перспективе может привести к его коллапсу, подобному уже неоднократно случавшемуся в цивилизационной истории [7].

Термин «угнетение рождаемости» применим к социальным системам определённого типа по прямому структурно-функциональному сходству с угнетением физиологических процессов в живом организме. В биологии угнетением (депрессией, ингибированием) функции называют её устойчивое подавление под воздействием внешнего или внутреннего фактора, который нарушает нормальный контур регуляции: например, наркотические анальгетики угнетают дыхательный центр продолговатого мозга, снижая его чувствительность к углекислому газу независимо от состояния самого организма. Аналогичным образом, в обществе как сложной системе репродуктивное поведение может быть перманентно подавлено не через прямое принуждение (запреты, насильственную стерилизацию и т. п.), а через создание социокультурной среды, которая действует как ингибитор фертильности, блокируя способность популяции к самовоспроизводству, даже если у индивидов сохраняется пронатальная мотивация. Если общество потребления действительно создаёт как раз такую среду, которая угнетает социальную функцию воспроизводства населения, то тупиковый характер его развития связан с перспективой коллапса, а не с какими-то более неопределёнными нравственными издержками сытой жизни и гедонизма. Для предупреждения возможного коллапса важно «не только предлагать рецепты, помогающие излечить общественные недуги, но и ставить вопросы, на которые должны адекватно отвечать органы власти, гражданское общество и общество в целом» [8, с. 78]. Это открывает относительно новую, эмпирически обосновываемую и конструктивную перспективу для социальной критики консюмеризма – как социально дисфункционального явления в самом прямом, связанном с сохранением функций социальной системы, смысле. Наша работа имеет целью детальное обоснование гипотезы о механизмах этой дисфункциональности и её первичную проверку на эмпирических данных.

Обоснование гипотезы

Дедуктивный вывод, лежащий в основе теоретического знания, как известно, по своей сути является установлением тавтологических (необходимо истинных) отношений между аксиоматическими посылками и их следствиями. То есть теоретически обоснованная гипотеза об угнетении репродуктивной функции в обществе потребления должна раскрывать то, каким образом из самой концепции последнего следует снижение рождаемости. К сожалению, эта концепция даже у классиков социальной мысли, таких как Ж. Бодрийяр, в слишком большой степени и в очень многих моментах основана на обобщениях собственного повседневного опыта и фрагментарных наблюдениях, поэтому имеет характер, близкий к публицистике. Для того чтобы перейти от импрессионистских рассуждений, позволяющих выдвинуть гипотезу, к её систематическому обоснованию, необходимо сформулировать понятие «общество потребления» в терминах, дающих возможность произвести измерение, то есть осуществить его операционализацию. Поэтому первое, что нам необходимо сделать – рассмотреть, что же такое общество потребления с точки зрения его объективно фиксируемых признаков, из совокупности которых уже можно сформулировать дедуктивные выводы.

Не вдаваясь в теоретические дискуссии, которым посвящены отдельные работы¹, дадим следующую, наиболее перспективную и строгую, с нашей точки зрения, дефиницию. Общество потребления – это такой тип социальной системы, в котором витальные нужды индивидов (пища, одежда, жильё и т. п.) систематически подменяются потреблением их символических товарных суррогатов. Условно говоря, когда человек покупает смартфон не потому, что ему нужен аппарат с определёнными пользовательскими характеристиками, а потому, что именно такой смартфон символизирует нечто – этот человек живёт в обществе потребления. Символизация при этом необязательно связана с престижем, она может, например, отражать идентичность человека как экономного, а потому предпочитающего «лоукост» варианты товаров, современного, выбирающего самый передовой дизайн и т. д. Главное здесь не содержание смыслового акта потребления, а само то, что потребление повсеместно превращается в такой акт, который создаёт смыслы вместо других социальных действий, определяет место человека в обществе, его жизненные ориентации и достижения. Конечно, приобретение товаров всегда играло подобную роль, но в прежние эпохи она не была такой всеобъемлющей, оставалась в рудиментарной форме. С нашей точки зрения, экспансия консюмеризма началась благодаря появлению символических товаров *per se* – торговых марок. Работая в качестве когнитивных эвристик для быстрого выбора и придания смысла покупкам, они превратились в один из самых рентабельных видов товаров в истории, к тому же обладая сниженной эластичностью спроса. Ведь потребители, как выяснилось, покупают товары «любимых» марок по непропорционально более высоким ценам,

¹ См., например: [9; 10; 11].

охотно выплачивая так называемую «марочную премию» за социальные смыслы, связанные с актом приобретения [12; 13]. Прибыльность торговых марок стимулировала их массированное продвижение средствами рекламы и маркетинга, которое трансформировало всю человеческую культуру. В результате социальная система оказалась опутана и пронизана плотнейшей сетью символических связей между людьми и торговыми марками, и, говоря, что мы живём в обществе потребления, мы, фактически подразумеваем, что живём в обществе потребления торговых марок. Они окружают нас со всех сторон, и сегодня социальное взаимодействие практически с любым предметом внешнего мира – от карандаша до национального парка – происходит при более или менее выраженном посредстве торговых марок. Они же встроены и в значительную часть межличностных взаимодействий.

Почему эта дефиниция общества потребления представляется нам наиболее перспективной? В значительной степени потому, что она позволяет легко объяснить саму размытость и эфемерность понятия «общество потребления». Изначально оно относилось скорее к социальной практике безудержного потребления товаров вообще, смыкаясь с понятием «общество изобилия» [14; 15]. Но затем, по мере возникновения и распространения экологических движений, осознанного потребления и даже осознанной скупости (например, движение ухода на раннюю пенсию «F.I.R.E» [16]), оказалось возможным задать вопрос о том, выпадают ли из общества потребления, преодолевают ли его последователи всех этих модных трендов? Кажется, что «быть в тренде» – это само по себе настолько современное состояние, что оно трудно отделимо от консюмеризма. И действительно, экологизм, левый активизм, массовое стремление к личностному росту и тому подобные внешне антиконсюмеристские движения породили столь крупные рынки, что они не просто встроились в общество потребления, но в значительной степени стали его новой основой [17]. Такое приспособление под себя консюмеризированной социальной системой любых попыток сопротивляться ей, получило название «коммодификации», то есть отоваривания. И предложенная выше дефиниция общества потребления легко объясняет механизм коммодификации именно через воздействие торговых марок. Если для того, чтобы стать «экологически ответственным», необходимо покупать товары с соответствующими значками – экологическая ответственность моментально монетизируется, то есть превращается в товар. Аналогичные процессы происходят с любыми систематическими попытками сопротивления консюмеризации, в чём и кроется секрет её успеха, всеохватности и внешней изменчивости, затрудняющей схватывание её в определениях. Это схватывание, однако, оказывается возможным на уровне базового механизма, связанного с символическими суррогатами товаров, то есть, прежде всего – с торговыми марками.

Второе соображение в пользу перспективности выдвинутой дефиниции связано с возможностью её строгого эмпирического описания. Торговые марки, несмотря на весь свой символизм, – это объекты реального мира, которые

можно наблюдать, регистрировать и подсчитывать. С ними связаны разнообразные статистические показатели, они хорошо известны рядовым людям и их легко использовать в качестве предмета разговора при массовом опросе. Таким образом, общество потребления, рассматриваемое преимущественно как общество потребления торговых марок, легко фиксируется в эмпирическом исследовании, разные общества могут сравниваться между собой по степени распространения в них марок, отношению к ним населения и другим связанным показателям. Одним словом, торговые марки служат хорошим явным индикатором латентного процесса консюмеризации.

Но какое же отношение распространение торговых марок имеет к рождаемости и, тем более, почему оно должно её снижать? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно вернуться к дефиниции, согласно которой в обществе потребления символические товарные суррогаты подменяют собой любые витальные нужды. В том числе, разумеется, нужду в детях. Выводимая из этой дефиниции базовая гипотеза состоит в том, что с момента достаточного развития, символическое потребление каким-то образом вытесняет воспроизводство человека. Рассмотрим возможные механизмы такого вытеснения.

Самой простой моделью представляется обычная конкуренция товаров за платежеспособный спрос, предъявляемый потребителями. Если в доиндустриальном и раннем индустриальном обществе ребёнок включался в производительный труд и сам рассматривался как потенциальный ресурс – будущий работник, кормилец и источник поддержки в старости, – то в позднем капитализме дети полностью исключаются из сферы производства и из экономических субъектов превращаются в объект эмоциональной привязанности, чья ценность измеряется исключительно категориями чувств [18]. Но в этом качестве ребёнок становится и предметом необязательного потребления, наподобие домашних животных или произведений искусства [19, р. 109–135]. Будучи своего рода «потребительским благом длительного пользования», приносящим родителям психологическое удовлетворение, дети конкурируют с другими товарами: каждый рубль, потраченный на получение психологической полезности от ребёнка, – это рубль, не потраченный на получение полезности от других благ [20, р. 135–154].

В рамках этой модели вполне возможно, что простое расширение ассортимента потребительских товаров делает детей относительно менее привлекательными в качестве объектов расходования ресурсов, поскольку они конкурируют с растущим множеством альтернативных способов получения удовлетворения. Но модель не предсказывает систематического проигрыша детей в конкуренции с другими потребительскими благами. Ясно, что если родитель стоит перед выбором между покупкой нового автомобиля и рождением второго ребёнка, привлекательность повышения материального уровня потребления часто перевешивает отсроченные и трудноизмеримые выгоды родительства. Но пока ниоткуда не следует, что она должна перевешивать их в большинстве случаев, делая нормой чрезвычайно низкий уровень рождаемости. Почему дети не могли

бы быть востребованы, например, в количестве 3–4 на семью, что обеспечивало бы воспроизводство населения с учётом наличия одиноких и бездетных членов общества? Очевидно, модель простой конкуренции за ресурсы нуждается в некоторых дополнениях, которые как раз и могут быть внесены с учётом того, что в обществе потребления дети как благо конкурируют не с материальными товарами, а с их символическими суррогатами.

Выше уже упоминалось о том, что торговые марки стали одним из самых прибыльных товаров в истории во многом благодаря снижению эластичности спроса. Одну и ту же овсяную кашу, туристическую поездку или легковую машину можно продать гораздо дороже, если снабдить знакомыми потребителям и симпатичными им торговыми марками. Однако это не единственный фактор, повышающий рентабельность символических суррогатов. Второй, не менее важной их особенностью, является более высокая, по сравнению с материальными благами, устойчивость к эффекту убывающей предельной полезности. Последний предполагает, что очень мало кто захочет поставить себе в квартиру 15 телевизоров, так как потребительская полезность каждой следующей единицы приобретаемого однотипного товара обратно пропорциональна количеству уже приобретённых (но ещё не израсходованных) единиц. Этот закон работает даже для такого специфического товара, как деньги. Ясно, что для мультимиллионера субъективная ценность тысячи долларов несопоставимо меньше, чем для бедняка из трущоб.

Закон убывающей предельной полезности справедлив для однородных благ, потребляемых в непрерывном режиме, но торговая марка по своей природе не является однородным благом, её символическая ценность обеспечивает множество направлений удовлетворения потребителя. Если, например, владение устройствами Apple служит маркером принадлежности к определённой социальной страте, то оно генерирует дополнительную полезность, не связанную с функциональностью как таковой и потому менее подверженную насыщению [21]. Для статусных товаров предельная полезность может даже возрастать на начальном этапе, а подобный характер в современном обществе имеют, прежде всего, торговые марки. Они же способствуют перманентному обновлению статусной символики, привязывая «модельные ряды» к году выпуска [22]. Демонстративное потребление – не единственный механизм, с помощью которого снижается чувствительность к убывающей предельной полезности. Ей противодействует и формирование глубокой эмоциональной связи между потребителем и марками, которым он привержен. Масштабные исследования этой связи показывают, что она позитивно влияет на финансовые показатели производителей именно в долгосрочной перспективе [23], то есть по мере накопления опыта потребления марки её полезность не уменьшается, а возрастает. Таким образом, символические суррогаты превращают стандартизированный товар в уникальное предложение, обладающее дополнительными измерениями полезности, которые медленнее подвергаются насыщению. В результате потребитель каждый раз приобретает не «ещё одну единицу того же самого

блага», а качественно иной продукт, что в некоторой степени выводит ситуацию за пределы классической модели убывающей предельной полезности.

Несколько иной характер можно предполагать в обществе потребления для предельной полезности детей. Если ребёнок, как и всякое потребительское благо, начинает рассматриваться в контексте символических суррогатов, через которые родители конструируют собственную социальность, то он оказывается включён сразу во множество индустрий помимо огромного традиционного рынка детских товаров: раннего развития, платного образования и здравоохранения, карьерной ориентации, формирования финансовой грамотности и т. д. Каждая из этих индустрий, действуя в собственных коммерческих интересах, постоянно повышает планку «нормального» родительства. Молодёжь общества потребления непрерывно наблюдает в рекламе, массовом кинематографе, а теперь и в социальных сетях парад «счастливых семей» и «идеальных детей». Ребёнок должен посещать развивающие занятия с младенчества, обучаться по престижным программам, носить определённую одежду, питаться экологически чистыми продуктами. Родитель, не способный обеспечить этот стандарт, рискует подвергнуться социальному ostracismu, например, «оставленный без присмотра» ребёнок – больше не норма, а девиация в семьях среднего класса [24]. Всё это ведёт к формированию культуры «интенсивного материнства» [25], предписывающей родителям – и особенно женщинам – колоссальные инвестиции времени, эмоций и денег в воспитание детей. Ребёнок в системе консюмеристских символических суррогатов превращается в проект, требующий непрерывного, экспертно-информированного, эмоционально-вовлечённого родительства. С учётом временных затрат оно фактически становится дополнительной полноценной занятостью – «второй сменой» [26]. В условиях, когда каждый час времени может быть монетизирован и конвертирован в потребление, альтернативные издержки этой «второй смены» становятся критически высокими. В таких обстоятельствах решение иметь меньше детей становится формой экономической рациональности: семья концентрирует ресурсы на одном ребёнке, превращая его в «эксклюзивный товар» максимального качества, вместо того чтобы «размениваться» на нескольких. Таким образом, предельная полезность детей оказывается уменьшающейся очень быстро.

Итак, если в рамках простой модели рационального выбора рассматривать ребёнка как потребительское благо, конкурирующее с другими благами за имеющиеся в распоряжении индивидов ресурсы, то в обществе потребления эта конкуренция приобретает явно выраженную специфику. Символические суррогаты, с которыми конкурирует рождение детей, оказываются всё в меньшей степени подвержены эффектам убывающей предельной полезности, в то время как для самого рождения детей, под влиянием того же фактора символических суррогатов, наоборот, предельная полезность убывает всё более стремительно. Мы получаем неравновесную систему мотивации выбора с явным вытеснением одних благ (детей) другими (торговыми марками). Дополненная таким образом модель объясняет, почему консюмеризация снижает уровень рождаемости ниже

критического: в пределе развития этой тенденции рождаемость действительно должна сократиться до нуля. Представляется, что теперь гипотеза получила достаточную детализацию и обоснование, чтобы её можно было подвергнуть эмпирической проверке.

Проверка гипотезы

Приведённая в рамках обоснования гипотезы дефиниция общества потребления как общества вытеснения витальных нужд символическими товарными суррогатами позволяет довести операционализацию до уровня конкретных эмпирических индикаторов. Как мы выяснили, в качестве основного инструмента замены витальных нужд служат торговые марки. Их эффективное функционирование обеспечивается государственной регистрацией и полицейским принуждением (подделка зарегистрированных торговых марок признаётся нарушением вплоть до уголовного). Поэтому по многим странам мира существует статистика зарегистрированных и действующих торговых марок, позволяющая рассчитать их количество на душу населения – уже вполне релевантный показатель консюмеризации. Однако сам по себе он характеризует конкретное общество только со стороны рыночного предложения символических товарных суррогатов. Для полного учёта степени консюмеризации важным также является предъявляемый на них платежеспособный спрос. На уровне межстрановых сравнений он может быть измерен через среднедушевые потребительские расходы. Произведение этих двух показателей даёт прямоугольник, площадь которого отражает богатство возможностей символического потребления, открывающихся перед каждым индивидом в конкретном обществе. Поскольку такие возможности растут экспоненциально (консюмеризация имеет характер самоускоряющегося эпидемического процесса), для сравнительных целей лучше подходит не само произведение, а натуральный логарифм от него, показывающий условное время достижения определённого уровня развития общества потребления.

Мы приходим к тому, что в качестве показателя консюмеризации можно использовать индекс IC, рассчитываемый по формуле $IC = \ln(T \times S)$, где T – среднедушевое число официально зарегистрированных и действующих торговых марок на душу населения, а S – среднедушевые потребительские расходы. Этот эмпирический индикатор ранее уже был апробирован в межстрановых сравнениях, где он приобретал высокие значения в группе стран с заведомо развитым обществом потребления и низкие – в группе стран с заведомо неразвитым, а также, в соответствии с ожиданиями, коррелировал с уровнем развития информационного общества, экономической и культурной глобализацией [27] и секуляризацией [28]. Индекс консюмеризации отражает степень развития общества потребления на уровне национальных государств, выступающих «макросоциальными лабораториями», в каждой из которых проводится свой особый, но подчиняющийся общим закономерностям эксперимент. Результатом

этих экспериментов, который интересует нас в данном случае, является уровень рождаемости, наиболее удобно измеряемый через коэффициент фертильности (среднее количество рождений на одну женщину).

Если наша гипотеза верна, то индекс консюмеризации должен отрицательно коррелировать с коэффициентом фертильности. Для выяснения того, как фактически обстоит дело, мы собрали необходимую статистику по последнему доступному периоду для максимально возможного количества стран мира (см. табл. 1). К сожалению, наиболее свежие данные – на 2024 год – по всем требуемым показателям оказались в наличии только для 69 административных единиц, в число которых входят не только национальные государства, но и, например, Гонконг и Макао. К счастью, в этом списке представлены как бедные, так и богатые, большие и малые страны, представляющие все основные культурно-географические ареалы. Поскольку нельзя сказать, что наши выводы по полученной выборке детерминированы явным смещением в какую-либо сторону, степень разнообразия «макросоциальных лабораторий» оказывается достаточно велика для того, чтобы экстраполировать результаты проверки гипотезы на всю совокупность стран мира. Объём выборки, в свою очередь, позволяет достичь достаточно высокого уровня статистической значимости коэффициентов корреляции.

Таблица 1

Показатели консюмеризации и фертильности по странам мира на 2024 г.

Страна или территория	Число официально действующих торговых марок на душу населения ¹	Конечное потребление домохозяйств на душу населения, в постоянных долларах 2015 г. ²	Индекс консюмеризации ³	Коэффициент фертильности (количество рождений на женщину) ⁴
Австралия	0,032	33778	7,00	1,48
Албания	0,006	4630	3,34	1,34
Алжир	0,001	1911	0,97	2,72
Ангола	0,001	2831	1,06	5,05
Аргентина	0,022	8392	5,23	1,50
Армения	0,009	3778	3,53	1,70
Бахрейн	0,053	11566	6,42	1,81
Белоруссия	0,014	4710	4,18	1,22
Болгария	0,009	6697	4,12	1,72

¹ Рассчитано по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности [29] и Всемирного банка [30].

² Данные Всемирного банка [31].

³ Рассчитан по данным столбцов 2 и 3.

⁴ Данные Всемирного банка [32]

Продолжение табл. 1

Страна или территория	Число официаль- но действующих торговых марок на душу населе- ния ¹	Конечное потре- бление домохо- зяйств на душу населения, в по- стоянных долла- рах 2015 г. ²	Индекс консюмеризации ³	Коэффициент фертильности (количество рождений на женщину) ⁴
Босния и Герцеговина	0,027	5241	4,93	1,49
Ботсвана	0,010	3245	3,49	2,70
Бразилия	0,012	6218	4,34	1,61
Бруней	0,051	10064	6,23	1,73
Вьетнам	0,004	2241	2,12	1,90
Гана	0,002	1728	1,08	3,34
Гватемала	0,008	4074	3,54	2,29
Гондурас	0,009	2263	3,00	2,48
Гонконг (Сянган)	0,066	30074	7,59	0,84
Грузия	0,019	5010	4,55	1,80
Доминиканская республика	0,013	6323	4,41	2,22
Зимбабве	0,006	859	1,66	3,67
Индия	0,002	1424	1,07	1,96
Индонезия	0,003	2445	2,05	2,12
Ирак	0,001	2266	1,09	3,22
Иран	0,004	2587	2,33	1,68
Кабо-Верде	0,006	3267	3,04	1,51
Казахстан	0,007	6789	3,92	2,98
Кения	0,002	1386	0,92	3,17
Кипр	0,022	20151	6,09	1,38
Киргизия	0,002	1646	1,12	2,60
Китай	0,035	5363	5,24	1,01
Колумбия	0,007	5212	3,63	1,63
Коста-Рика	0,026	9160	5,47	1,32
Куба	0,004	4443	2,82	1,45
Мадагаскар	0,001	329	-1,27	3,91
Макао	0,227	20765	8,46	0,58
Малайзия	0,012	7208	4,49	1,54
Мальта	0,046	16471	6,62	1,01
Мексика	0,014	7475	4,64	1,89

Окончание табл. 1

Страна или территория	Число официально действующих торговых марок на душу населения ¹	Конечное потребление домохозяйств на душу населения, в постоянных долларах 2015 г. ²	Индекс консюмеризации ³	Коэффициент фертильности (количество рождений на женщину) ⁴
Мозамбик	0,001	444	-0,81	4,69
Молдавия	0,032	3533	4,73	1,73
Монголия	0,006	3302	3,00	2,50
Намибия	0,017	3713	4,12	3,21
Оман	0,015	7834	4,76	2,51
Пакистан	0,001	1555	0,58	3,55
Панама	0,057	8494	6,18	2,11
Парагвай	0,029	4368	4,84	2,42
Перу	0,013	4467	4,08	1,97
Польша	0,007	10288	4,24	1,14
Республика Корея	0,034	17599	6,39	0,75
Россия	0,006	6211	3,70	1,42
Румыния	0,005	9011	3,79	1,39
Сальвадор	0,016	3520	4,03	1,77
Самоа	0,027	3689	4,60	3,80
Саудовская Аравия	0,006	11866	4,26	2,31
Сербия	0,005	5618	3,37	1,64
Сингапур	0,070	24294	7,44	0,97
Таиланд	0,007	3920	3,27	1,20
Турция	0,015	10536	5,08	1,48
Уганда	0,001	692	-0,19	4,17
Узбекистан	0,001	2719	1,05	3,49
Украина	0,007	2078	2,63	0,99
Филиппины	0,002	2801	1,58	1,89
Хорватия	0,023	10742	5,51	1,46
Чили	0,016	9256	5,02	1,14
Шри-Ланка	0,003	2758	2,02	1,95
Эквадор	0,010	3913	3,66	1,81
Эфиопия	0,000	648	-2,04	3,91
Южная Африка	0,007	3816	3,22	2,21

Все коэффициенты, приведённые в таблице 2, статистически значимы на уровне 0,01. Их структура позволяет говорить о подтверждении выдвинутой гипотезы. Во-первых, как и ожидалось, индекс консюмеризации демонстрирует сильную (и по шкале Чеддока [33, р. 304], и по шкале Коэна [34, р. 79–80]) отрицательную корреляцию с коэффициентом фертильности. Во-вторых, оба компонента, входящие в индекс, хотя сами по себе тоже коррелируют с фертильностью, демонстрируют заметно меньшую величину связи. Это косвенно свидетельствует о том, что их комбинация лучше отражает развитие общества потребления как латентный процесс, чем каждый из двух показателей по отдельности.

Таблица 2

*Коэффициенты корреляции (r Пирсона) между
 статистическими показателями стран мира*

Коэффициенты	Число официально действующих торговых марок на душу населения	Конечное потребление домохозяйств на душу населения, в постоянных долларах, 2015 г.	Индекс консюмеризации	Коэффициент фертильности (количество рождений на женщину)
Число официально действующих торговых марок на душу населения	1	0,58	0,65	–0,39
Конечное потребление домохозяйств на душу населения, в постоянных долларах, 2015 г.	0,58	1	0,77	–0,53
Индекс консюмеризации	0,65	0,77	1	–0,72
Коэффициент фертильности (количество рождений на женщину)	–0,39	–0,53	–0,72	1

Чёткая связь между фертильностью и консюмеризацией прослеживается и в графическом представлении данных (см. рис. 1). Облако точек имеет форму, близкую к веретенообразной. Линия тренда аппроксимируется линейным уравнением регрессии вида $y = -0,33x + 3,29$ с показателем R-квадрат равным 0,52. Таким образом, добавление одного балла консюмеризации, в среднем, отнимает 1/3 ребёнка у каждой женщины. При условной «нулевой» консюмеризации коэффициент фертильности должен составлять около 3,3. Это уровень сельского населения России примерно в начале 1960-х гг. и всего населения мира в целом на рубеже 1980-х и 1990-х гг. Оба эти состояния вполне можно рассматривать как канун больших социальных перемен, связанных с быстрым изменением стиля жизни и характера потребления, что придаёт дополнительное правдоподобие нашей интерпретации эмпирических данных.

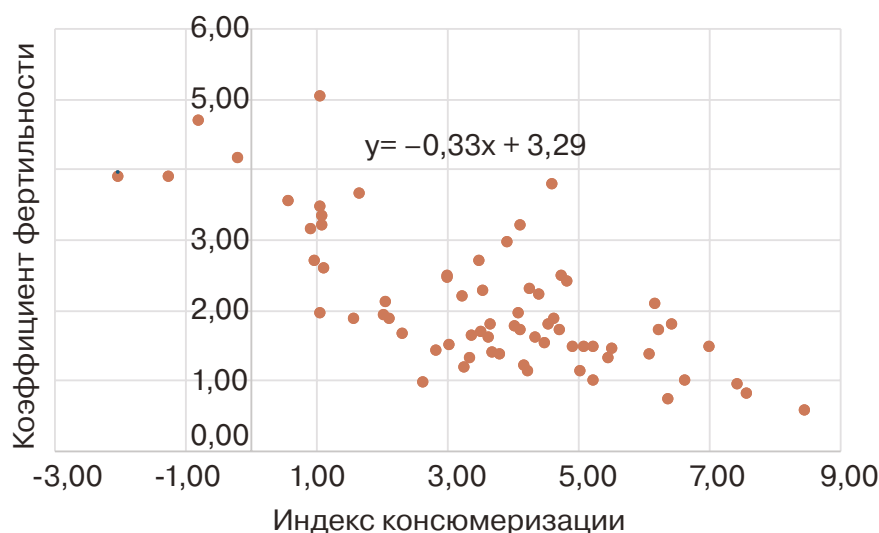

Рис. 1. Зависимость фертильности от консюмеризации

Разумеется, полученные результаты не стоит переоценивать. Хотя в их основе лежит достаточно большой объём межстрановой статистики предположительно высокого качества, речь пока идёт всего лишь о парной корреляции, а не о полноценном причинно-следственном выводе. Обратный характер зависимости – консюмеризация как следствие падения рождаемости – пожалуй, можно считать маловероятным, но, как и в любом корреляционном исследовании, мы вполне можем наблюдать ложную связь, индуцированную влиянием неучтённой «третьей переменной». Для исключения этой возможности требуются дальнейшие исследования, но сам факт эмпирического обнаружения довольно контринтуитивного теоретически предсказанного феномена позволяет утверждать, что такие исследования имеют смысл.

Необходимо также заметить, что мы ни в коем случае не претендуем на объяснение низкой рождаемости в современных обществах исключительно экспансией консюмеризма. В целом наши выводы относятся к области не столько демографии, сколько теории общества потребления, так как использованные демографические показатели и предполагаемые взаимосвязи преднамеренно максимально упрощены. Богатство и относительно объективный характер статистики воспроизводства населения делают возможным аккуратный учёт и множества влияющих на него факторов, включая поколенческую динамику, продолжительность жизни, женскую занятость, характер пенсионной системы, уровень образования и т. п. Хотя роль ценностной трансформации в послевоенном падении рождаемости в западных обществах подчёркивается многими авторами, например, в концепции «второго демографического перехода» [35; 36], она остаётся лишь одной из комплекса причин, детализация которых для демографов является скорее рутинной работой. Напротив, об обществе потребления мало что известно не только в количественном отношении но вообще на эмпирическом уровне, выходящем за пределы импрессионистских обобщений повседневного опыта. Поэтому фактическое обнаружение теоретически предсказанной связи его со снижением рождаемости может стать значимым

шагом вперёд – к достоверному знанию о природе и социальных последствиях консюмеризации.

Заключение

Трудно было бы отрицать, что общество потребления обеспечивает успешно адаптировавшимся к нему индивидам долгую, сытую, комфортную, безопасную жизнь. Поэтому очевидно, что его эффективная критика не может вестись на ценностно-идеологическом уровне. Это будет либо заведомо проигрышная борьба против стремления людей к хорошей жизни, примером исхода которой, возможно, является идеологическое поражение и распад советского блока [37; 38; 39]. Либо борьба за «ещё лучшую», то есть ещё более консюмеризированную жизнь, предлагаемую, скажем, экологизмом, создавшим огромные новые рынки, то есть успешно коммодифицированным современной капиталистической системой. Единственным возможным путём преодоления общества потребления как тупика социального развития (если оно действительно таковым является) может быть объективное научное исследование социальных последствий консюмеризации, которое, в свою очередь, требует хорошо специфицированных моделей социальных процессов и отработанных инструментов их эмпирического исследования. В данной работе мы попытались предложить и то и другое с тем, чтобы определить возможную терминальную проблему консюмеризации – создание ею опасности коллапса социальной системы как таковой.

Долгосрочное существование социума невозможно без воспроизводства населения. В обществе потребления «состояться в жизни» можно не благодаря детям, семье, работе и даже реальному общественному положению, а – в собственном ощущении и в социальном признании – через окружение себя релевантными символическими товарами. Если социальная успешность обретается просто через покупку соответствующих торговых марок, то репродуктивный труд, долгосрочный и далеко не всегда видимый в символическом поле, заведомо проигрывает конкуренцию бесплотным означающим. Эта особенность консюмеризации позволила нам выдвинуть и на материале межстрановых сравнений подтвердить гипотезу о её самостоятельном и системном отрицательном влиянии на рождаемость, то есть «угнетении».

Основанием для перенесения этого физиологического термина в социологию служит изоморфизм системных механизмов обратной связи. Здоровый организм поддерживает гомеостаз через баланс возбуждающих и тормозящих сигналов; патология возникает тогда, когда тормозящий контур гипертрофирован или запущен ложным стимулом. В социальной системе функцию тормозящего сигнала выполняют, например, культурные нормы, экономические стимулы и статусные иерархии. Ключевое отличие «угнетения» от простого снижения состоит в его принудительном, структурном характере, оставляющем индивиду лишь иллюзию свободного выбора. Индивиды могут искренне желать детей, но сталкиваются с тем, что их собственные социальные диспозиции – статус,

идентичность, образ жизни – оказываются несовместимыми с этим желанием. Здесь прослеживается прямое подобие физиологическому угнетению: функция (репродукция) сохранена как потенция, но её реализация заблокирована на уровне регуляторных механизмов. Следовательно, «угнетение рождаемости» – не метафора, а аналитически точный термин для описания состояния, при котором общество определённого типа через культурные, экономические и семиотические механизмы активно подавляет репродуктивный потенциал индивидов, не прибегая к юридическим запретам. Если гипотеза об этой системной особенности общества потребления получит дальнейшие подтверждения в эмпирических исследованиях, это будет означать выход на новый уровень понимания процесса консюмеризации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М. : Республика, 2006. 268 с. ISBN 5-250-01894-7. [Baudrillard J. The consumer society: myths and structures (Obshhestvo potrebleniya: ego mify' i struktury'). Moscow: Respublika; 2006. 268 p. (In Russ.). ISBN 5-250-01894-7].
2. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 4. С. 63–77. [Jameson F. Postmodernism and consumer society (Postmodernizm i obshhestvo potrebleniya). Logos. 2000;(4):63–77].
3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман ; пер. с англ. М. Л. Коробочкина. М. : Весь мир, 2004. 188 с. ISBN 5-7777-0303-8. EDN QOCZEN. [Bauman Z. Globalization: the human consequences (Globalizaciya. Posledstviya dlya cheloveka i obshhestva). Moscow: Ves' mir; 2004. 188 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0303-3].
4. Бабич Н. С., Батыков И. В. Общество потребления и социальное развитие: моделирование статистических взаимосвязей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 5. С. 189–202. DOI [10.15838/esc.2022.5.83.10](https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.10). EDN ZOCKLL. [Babich N. S., Batykov I. V. Consumer society and social development: modeling statistical relationships. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast=E'konomicheskie i social'ny'e peremeny': fakty', tendencii, prognoz.* 2022;15(5):189-202. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2022.5.83.10](https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.10)].
5. Сапожников Е. И. Общество потребления в странах Запада // Вопросы философии. 2007. № 10. С. 53–63. EDN IJNZJZ. [Sapozhnikov E. I. Consumer society in the countries of the West (Obshhestvo potrebleniya v stranax Zapada). *Questions of philosophy=Voprosy' filosofii.* 2007;(10):53–63. (In Russ.)].
6. Шиенок В. П. Суицид как доминанта существования современного общества // Виктимология. 2025. Т. 12, № 1. С. 18–30. DOI [10.47475/2411059020251211830](https://doi.org/10.47475/2411059020251211830). EDN VIQZKC. [Shienok V. P. Suicide as a dominant feature of the existence of modern society. *Victimology=Viktimologia.* 2025;12(1):18–30. (In Russ.). DOI [10.47475/2411059020251211830](https://doi.org/10.47475/2411059020251211830)].
7. Даймонд Д. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие вымирают / Д. Даймонд ; пер. с англ. : О. Жаден, А. Михайлов, И. Николаев. М. : АСТ, 2008. 762 с. ISBN 978-5-17-048382-2. [Diamond J. Collapse: how societies choose to fail or succeed (Pochemu odni obshhestva vy'zhivayut, a drugie vy'mirayut). Moscow : AST; 2008. 762 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-048382-2].

8. Черныш М. Ф. Проблема социального коллапса в социологии // Россия реформирующаяся. 2018. № 16. С. 55–79. DOI [10.19181/ezheg.2018.3](https://doi.org/10.19181/ezheg.2018.3). EDN [XUOHBR](#). [Chernysh M. F. The problem of social collapse in sociology. *Russia reforming=Rossiia reformiruyushhayasya*. 2018;(16):55–79. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2018.3](https://doi.org/10.19181/ezheg.2018.3)].
9. Ильиных С. А. Ключевые понятия общества потребления: исследование с позиции социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 5. С. 29–40. EDN [ORRCPJ](#). [Ilyinykh S. A. Key concepts of consumer society: research from the perspective of sociology. *The Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2011;14(5):29–40. (In Russ.)].
10. Козловский В. В. Общество потребления и цивилизационный порядок современности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 5. С. 55–65. EDN [ORRCQD](#). [Kozlovsky V. V. Consumer society and the civilizational order of modern times. *Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2011;14(5):55–65. (In Russ.)].
11. Батыков И. В. Модели генезиса общества потребления: от товарного фетишизма к символическому потреблению // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 11 (115). С. 23–34. DOI [10.24158/spp.2023.11.2](https://doi.org/10.24158/spp.2023.11.2). EDN [DVJTSN](#). [Batykov I. V. Models of the genesis of consumer society: from commodity fetishism to symbolic consumption. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics=Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika*. 2023;11(115):23–34. (In Russ.). DOI [10.24158/spp.2023.11.2](https://doi.org/10.24158/spp.2023.11.2)].
12. Aaker D. A. The Value of Brand Equity // Journal of Business Strategy. 1992. Vol. 13, № 4. P. 27–32. DOI [10.1108/eb039503](https://doi.org/10.1108/eb039503). EDN [EDXNLD](#).
13. Ailawadi K. L., Lehmann D. R., Neslin S. A. Revenue Premium as an Outcome Measure of Brand Equity // Journal of Marketing. 2003. Vol. 67, № 4. P. 1–17. DOI [10.1509/jmkg.67.4.1.18688](https://doi.org/10.1509/jmkg.67.4.1.18688). EDN [DZYXUR](#).
14. Domenach J.-M. Esprit, Nouvelle Série // Esprit. 1957. № 255 (11). P. 468–485.
15. Katona G. The Mass Consumption Society. New York : McGraw-Hill, 1964. 343 p.
16. Taylor N., Davies W. The Financialization of Anti-Capitalism? The Case of the 'Financial Independence Retire Early' Community // Journal of Cultural Economy. 2021. Vol. 14, № 6. P. 694–710. DOI [10.1080/17530350.2021.1891951](https://doi.org/10.1080/17530350.2021.1891951). EDN [HQXCBQ](#).
17. Ильин А. Н. Способность консюмеризма абсорбировать антиконсюмеристский идеологический контент // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 92–104. DOI [10.17976/jpps/2017.03.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.06). EDN [YPDLVZ](#). [Ilyin A. N. The ability of consumerism to absorb anticonsumer ideological content. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskije issledovaniya*. 2017;(3):92–104. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2017.03.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.06)].
18. Zelizer V. A. Pricing the Priceless Child: The Changing Social Value of Children. New York : Basic Books, 1985. 277 p. ISBN 978-0-465-06325-3.
19. Folbre N. The Invisible Heart: Economics and Family Values. New York : The New Press, 2001. 267 p. ISBN 978-1-56584-747-7.
20. Becker G. S. A Treatise on the Family. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1993. 424 p. ISBN 978-0-674-90699-0. DOI [10.2307/j.ctv322v4rc](https://doi.org/10.2307/j.ctv322v4rc).
21. Brabazon T. Veblen Does the iPad: iPadification and the Technologies of Conspicuous Consumption // Reconstruction: Studies in Contemporary Culture. 2013. Vol. 13, № 3/4. P. 1–13.
22. Ильин А. Н. Перманентное обновление вещей как способ демонстрации статуса в обществе потребления // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4, № 3 (15). С. 38–53. DOI [10.19181/snsp.2016.4.3.4577](https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.3.4577). EDN [WLZUSD](#). [Il'in A. N. Continual renewal of possessions as a status symbol in consumer society. *Sociological*

- Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2016;4(3):38–53. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2016.4.3.4577](https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.3.4577)].
23. Nguyen H. T., Feng H. Antecedents and Financial Impacts of Building Brand Love // *International Journal of Research in Marketing*. 2021. Vol. 38, № 3. P. 572–592. DOI [10.1016/j.ijresmar.2020.10.001](https://doi.org/10.1016/j.ijresmar.2020.10.001). EDN [DNLJCY](#).
24. Lareau A. *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life*. Berkeley : University of California Press, 2003. 480 p. DOI [10.4000/cdg.2421](https://doi.org/10.4000/cdg.2421).
25. Hays S. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven : Yale University Press, 1996. 271 p. ISBN 0-300-06682-1.
26. Hochschild A. R., Machung A. *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home*. New York : Penguin, 2012. 352 p. ISBN 978-1-101-57551-2.
27. Бабич Н. С., Батыков И. В. Индекс развития общества потребления: теоретическое обоснование и первичная валидизация показателя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. 2022. Т. 22, № 1. С. 84–96. DOI [10.22363/2313227220222218496](https://doi.org/10.22363/2313227220222218496). EDN [VRDGYX](#). [Babich N. S., Batykov I. V. Consumer society development index: theoretical justification and initial validation of the indicator. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta družby' narodov. Seriya: Sociologiya*. 2022;22(1):84–96. (In Russ.). DOI [10.22363/2313227220222218496](https://doi.org/10.22363/2313227220222218496)].
28. Бабич Н. С., Батыков И. В. Общество потребления: опыт моделирования взаимосвязей консюмеризма и религиозности // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 97–108. DOI [10.31857/S0132162500196429](https://doi.org/10.31857/S0132162500196429). EDN [IWBROD](#). [Babich N. S., Batykov I. V. Consumer society: case of modeling relationships between consumerism and religiousness. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2022;(7):97–108. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162500196429](https://doi.org/10.31857/S0132162500196429)].
29. Intellectual Property Statistics // WIPO : сайт. URL: <https://www.wipo.int/en/web/ip-statistics/> (дата обращения: 07.05. 2026).
30. Population, Total // World Bank Group : сайт. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 07.05.2026).
31. Households and NPISHs Final Consumption Expenditure per Capita (constant 2015 US\$) // World Bank Group : сайт. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.PRVT.PC.KD> (дата обращения: 07.05.2026).
32. Fertility Rate, Total (Births per Woman) // World Bank Group : сайт. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN> (дата обращения: 07.05.2026).
33. Chaddock R. E. *Principles and Methods of Statistics*. Boston : Houghton Mifflin, 1925. 471 p.
34. Cohen M. J. *Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences*. Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 567 p. ISBN 0-8058-0283-5.
35. Van de Kaa D. J. The Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42, № 1. P. 1–59.
36. Lesthaeghe R. The Second Demographic Transition: Theory and Evidence // *Gender and Family Change in Industrialized Countries*. Oxford : Clarendon, 1995. P. 17–62.
37. Гурова О. Ю. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 117–131. EDN [PCNMCF](#). [Gurova O. Yu. Ideology of consumption in Soviet society [Ideologiya potrebleniya v sovetskom obshhestve]. *Sociological Journal=Sotsiologicheskij Zhurnal*. 2005;(4):117–131. (In Russ.)].
38. Ильин В. И. Дуальность структур индивидуального потребления в исторической динамике: от советского к постсоветскому обществу // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 2. С. 9–18. EDN [SMZSMT](#). [Ilyin V. I. Duality of individual consumption structures in historical dynamics: from soviet to post-soviet

society. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research=Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarny'x issledovanij*. 2014;(2):9–18. (In Russ.)].

39. Андреев А. Л. «Проблема Андропова»: к социологической характеристике советского общества // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 1. С. 29–44. DOI [10.19181/vis.2023.14.1.2](https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.2). EDN [POPCJZ](https://www.edn.ru/POPCJZ). [Andreev A. L. “The Andropov problem”: To a sociological characterisation of the soviet society. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik Instituta sociologii*. 2023;14(1):29–44. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2023.14.1.2](https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.2)].

Сведения об авторах

Н. С. Бабич

кандидат социологических наук
старший научный сотрудник
SPIN-код: [8164-5646](https://www.spin.ru/8164-5646)

И. В. Батыков

кандидат социологических наук
старший научный сотрудник
SPIN-код: [3304-7031](https://www.spin.ru/3304-7031)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 15.05.2026; одобрена после рецензирования 20.06.2026; принята к публикации 23.07.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.3.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.4)

BIRTH REPRESSION IN A CONSUMER SOCIETY: A PERSPECTIVE ON SOCIAL CRITICISM OF CONSUMERISM

Nikolay Sergeevich Babich¹

Ivan Vladimirovich Batykov²

^{1,2}Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

¹sociolog@mail.ru,

ORCID [0000-0001-8697-3038](https://orcid.org/0000-0001-8697-3038)

²ivbatykov@socexpertiza.ru,

ORCID [0000-0002-9026-5824](https://orcid.org/0000-0002-9026-5824)

For citation: Babich N. S., Batykov I. V. Birth repression in a consumer society: a perspective on social criticism of consumerism. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):61–80. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.3.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.4).

Abstract. The article examines the problem of declining birth rates in the context of modern consumer society through the lens of social criticism of consumerism. The relevance of the study stems from the demographic crisis observed in developed countries and the need to identify structural factors that affect population reproduction in the long term. The

aim of the work is to provide a theoretical justification and empirical test of the hypothesis of “fertility suppression” as a systemic effect of consumerization. The methodological basis of the study comprises a deductive analysis of the consumer society concept, its operationalization through measurable indicators, and quantitative methods of cross-country comparative analysis. The empirical indicators used are the number of registered trademarks per capita and the volume of consumer spending, combined into a consumerization index. The hypothesis is tested on a sample of 69 countries using correlation analysis. The findings reveal a statistically significant negative relationship between the level of consumerization and the fertility rate ($r = -0.72$), confirming the proposed hypothesis. According to the fertility suppression model, as opportunities for symbolic consumption increase, reproductive behavior is displaced by alternative forms of social self-realization. Theoretically, this is explained by competition between children as a good and symbolic consumption surrogates (primarily trademarks), as well as by the rising opportunity costs of parenthood against the background of transforming cultural norms. The conclusion states that consumer society can act not only as a factor of economic development but also as a source of long-term demographic instability, up to and including collapse. The novelty of the work lies in introducing the concept of “fertility suppression” as an analytical description of the systemic reproductive dysfunction of consumer society, its theoretical elaboration, and linking it to empirical indicators. The results obtained open up prospects for further research into the interrelationship of cultural, economic, and demographic processes, as well as for empirically grounded quantitative diagnostics of the consequences of consumerization.

Keywords: consumer society, consumerism, birth rate, fertility, birth suppression, social system, symbolic consumption, brands, demographic transition, social critique of consumerism

Information about the Authors

N. S. Babich

Candidate of Sociology

Senior Researcher

ResearcherID: [I-5630-2016](#)

Scopus AuthorID: [57201994829](#)

I. V. Batykov

Candidate of Sociology

Senior researcher

ResearcherID: [AHD-4350-2022](#)

Contribution of the authors: The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 15.05.2026; approved after reviewing 20.06.2026; accepted for publication 23.07.2026.

О СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Валентин Павлович Бабинцев¹

Галина Николаевна Гайдукова²

Яна Игоревна Серкина³

Жанна Александровна Шаповал⁴

^{1, 3, 4} Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия

² Северо-Западный институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия

¹ babintsev@bsuedu.ru,
ORCID 0000-0002-0112-6145

² gaydukova-gn@ranepa.ru,
ORCID 0000-0001-6300-9174

³ serkina_ya@bsuedu.ru,
ORCID 0000-0002-5106-7104

⁴ shapoval@bsuedu.ru,
ORCID 0000-0002-8069-9274

Для цитирования: Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Серкина Я. И., Шаповал Ж. А.
О структуре социальной технологии // Социологическая наука и социальная практика.
2026. Т. 14, № 3. С. 81–96. DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.5. EDN NIEUVU.

Аннотация. Статья посвящена теоретическому переосмыслению феномена социальной технологии в условиях усложнения технико-технологической структуры современного общества, цифровизации и формирования гибридной реальности. Цель работы – рассмотреть социальную технологию как сложно структурированную общественную практику, эффективность которой в гибридной среде обеспечивается алгоритмизацией и синхронизацией её ключевых элементов. Методологической основой исследования выступают положения теории социального действия М. Вебера, акцентирующие доминирование целерационального типа поведения в современной цивилизации, а также концепции социотехнических и социобиотехнических систем. Авторы опираются на сравнительный анализ публикаций, диссертационных исследований и учебной литературы по проблемам социального управления, социальной инженерии и социальных технологий. В работе подчёркивается, что сложившиеся ещё в конце прошлого века представления о социальной технологии в условиях гибридной реальности нуждаются в дополнении и корректировке, что обусловлено, во-первых,

© Бабинцев В. П., 2026

© Гайдукова Г. Н., 2026

© Серкина Я. И., 2026

© Шаповал Ж. А., 2026

изменением самого объекта технологизации – общественных процессов, которые приобретают гибридный, многомерный и внутренне противоречивый характер; во-вторых, массовым внедрением цифровых технологий, порождающих социобиотехнические системы; в-третьих, недостаточной разработанностью понятийного аппарата, в частности отсутствием строгих критериев для разграничения социальной технологии и смежных понятий («метод социального управления», «технология социального управления», «механизм социального управления», «процедура социального управления», «цифровая технология»). Обосновывается, что в настоящее время социальную технологию следует понимать как сложно структурированный комплекс алгоритмически выстроенных, синхронизированных «физических» (природных и технических), социальных и информационно-коммуникационных (цифровых) процедур и операций, разработанных и используемых для оптимизации общественных процессов. Авторы подчёркивают, что предложенный подход не претендует на бесспорность, но призван стимулировать научную дискуссию и дальнейшую разработку теории социальных технологий применительно к вызовам цифрового и гибридного общества.

Ключевые слова: социальная технология, социальная инженерия, инженерное знание, гибридизация, цифровизация, социобиотехническая система, социальное управление

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-02281 (<https://rscf.ru/project/25-28-02281/>).

Введение

Усложнение технико-технологической структуры современного социума стимулирует возрастание интереса к инженерному знанию и инженерным практикам. Исследователи утверждают: «Продвижение интересов инженерии: *инженерный ренессанс*, – это минимум, который нужен, чтобы не утратить достигнутый Человечеством технологический уровень» [1, с. 9]. Характерной чертой «инженерного ренессанса» является попытка распространить методологию инженерного подхода на социальную сферу и в очередной раз вернуться к идеям социальной инженерии, которые в самом общем виде были сформулированы ещё К. Поппером. В работе «Нищета историцизма» он, в противовес утопическим проектам преобразования общества, попытался обосновать перспективность их поэтапного «поэлементного» изменения в рамках «технологического подхода к социологии» [2, с. 69]. Возможно, К. Поппер был не первым автором, попытавшимся соединить социальное знание с технологическим (сегодня его вполне допустимо определить как инженерное¹). В любом случае исключительно важным для последующего развития идеи подобного синтеза является то, что философ выделил главный постулат области знания, определяемой сегодня как теория социальных технологий, – результативность социально преобразующих действий может быть достигнута лишь при условии их последовательности, поэтапности.

¹ Сам К. Поппер употреблял термин «инженерия» для «описания практического применения поэлементной технологии» [2, с. 75].

На этом же впоследствии настаивали болгарские исследователи М. Марков и Н. Стефанов, чьи работы стали в своё время своеобразным триггером интереса к проблематике социальных технологий в России. М. Марков, в частности, рассматривая социальные технологии как способ последовательного преобразования социальных процессов, писал: «Для технологизации любого процесса необходимо наличие, по крайней мере, двух условий. *Первое*: сам процесс должен иметь такую степень сложности, которая позволяла бы и требовала расчленения его на относительно обособленные части. Следовательно, потребность в создании технологии диктуется, прежде всего, самим объектом, степенью его сложности. *Второе*: изыскание средств, которые позволили бы так систематизировать действия субъекта, чтобы максимальный эффект достигался при минимуме усилий» [3, с. 45].

По прошествии уже многих лет, характеризующихся то повышением, то снижением внимания к феномену социальных технологий, эта исходная позиция остаётся неоспоримой; социальные технологии – это система процедур и операций, предполагающих последовательное преобразование реальности. Белгородский автор Л. Я. Дятченко, в полном соответствии с поэлементным подходом К. Поппера, рассуждал о них как о «специально организованной области знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов» [4, с. 52]. Современные социальные технологи довольно часто ссылаются именно на это определение.

Однако анализ российской проблематики социальных технологий показывает, что большинство фундаментальных и эмпирических исследований в этой области выполнено ещё в конце прошлого века. Безусловно, многие выводы, сформулированные тогда авторами (И. В. Бурмыкина, Н. С. Данакин, Л. Я. Дятченко, В. Н. Иванов, В. И. Патрушев, В. В. Щербина и др.), стали классическими. Однако социальная реальность стремительно меняется, поэтому эти выводы нуждаются в уточнении, корректировке и развитии.

В данной связи показательно, что один из признанных авторитетов в исследовании социальных технологий (в авторской версии – СТ) В. В. Щербина ещё десять лет назад подчёркивал ограниченность утвердившихся в науке суждений о предметном поле этой отрасли знания: «К числу немногих конвенционально согласованных представлений о феномене СТ сегодня можно отнести следующие: а) большинство связывают представление об СТ с решением практических задач социальной сферы; б) СТ относят к числу инструментальных средств, включающих в себя набор норм, предписаний и запретов, в совокупности выступающих в качестве поведенческих или деятельностных стандартов, задающих порядок и содержание действий людей в привязке к решаемой задаче или социальному процессу; в) свойства СТ выводят из содержания двух его составляющих – термина «технология» (хотя представления о свойствах технологии в разных авторских концепциях отличаются) и термина «социальность»; г) указывают на то, что любой из их типов применим к ограниченному

перечню сфер и конкретному типу практических задач, решаемых в рамках социальной жизни (хотя обоснование её специфики сегодня является проблемой)» [5, с. 117].

Ситуация мало изменилась и сегодня. Основные работы, в которых анализируются теоретические и практические аспекты социальных технологий, имеют учебно-методический характер [6; 7]. Их авторы, что подтверждается перечнем используемой ими литературы, остаются в рамках идей, сформулированных ещё 30–40 лет назад. Однако сегодня недостаточно полной представляется формулировка, авторы которой утверждают, что «социальная технология – это форма управленческого воздействия на объект, связанная с получением заданного результата и отличающаяся наличием практической цели, алгоритма действий и стандартов, обеспечивающих воспроизводство этого результата». Не решает проблемы даже последующее разъяснение: «В представленном определении социальной технологии следует выделить три существенных момента:

- наличие совокупности этапов, процедур и операций;
- моделирование определённой последовательности операций;
- определение способов осуществления операций» [6, с. 30].

Все эти характеристики были отмечены исследователями ещё в конце прошлого века, однако общественные процессы, выступающие объектом технологизации, за прошедшее время существенно изменились, приобрели гибридный характер. И было бы нелепо утверждать, что социальные технологии, вопреки переменам, обусловленным цифровизацией/дигитализацией реальности, должны сохранять неизменную форму. Как и большинство используемых в настоящее время практик, они с неизбежностью приобретают сложную структуру, ибо в противном случае окажутся неспособными выполнить функцию оптимизации многомерных и внутренне противоречивых общественных процессов. Задача социально-гуманитарного знания, как обоснованно утверждал О. Н. Яницкий, заключается в осмыслении всей суммы вызовов, определяющихся цифровизацией/дигитализацией [8].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть социальную технологию как сложно структурированную общественную практику, успех применения которой в гибридной среде может быть обеспечен алгоритмизацией и синхронизацией её элементов.

Методология и методика исследования

Проведённое исследование имеет теоретический характер и в концептуальном плане опирается на положения теории социального действия М. Вебера, которые не исчерпали своего эвристического потенциала в современном обществе. Авторы исходят из утверждения о том, что технологизация общественных процессов является естественным следствием доминирования целерационального типа социального действия, сложившегося в рамках так называемой «западной» цивилизации, к числу базисных ценностей которой относятся

активность и суверенность личности, приоритет инноваций и прогресса, культ власти и силы [9]. Характерной чертой социальных практик в случае принятия этих ценностей становится ориентация индивида «на цель, средства и побочные результаты его действий» [10, с. 629], то есть на те элементы, которые присущи любой социальной технологии, делая её повсеместно востребованной.

Авторы учитывают, что в современном обществе появляется дополнительный фактор, стимулирующий интерес к социальным технологиям. Он связан с массовым внедрением цифровых технологий, под воздействием которых формируется новая гибридная реальность, динамично наполняющаяся сложными «социотехническими» [11] или социобиотехническими системами (СБТ-системами) [12]. Органически соединяя в себе технические, биологические и социальные элементы, эти системы разрушают стереотип относительно невозможности или крайней сложности интеграции данных компонентов и предоставляют аргументы, подкрепляющие идею сложной структуры социальной технологии. Элементы этой структуры мы попытались выделить на основе сравнительного анализа публикаций и диссертационных исследований¹ по проблемам социального управления, социальной инженерии и социальных технологий.

Однако, как уже отмечалось, исследователи по-прежнему либо воспроизводят тезисы, сформулированные их предшественниками, в лучшем случае уточняя детали, либо иллюстрируют известные положения новыми фактами. Следствием этого стало перемещение фокуса рассмотрения социальных технологий на страницы учебников. И хотя специфика учебной литературы не способствует глубине анализа, в ней формулируются положения, которые к настоящему времени приобрели статус констант, задающих исходные параметры для обсуждения. Тем более, некоторые учебники в данном случае подготовлены на основе обобщения солидного научного материала. Примером может служить изданное в своё время в Киеве, но ставшее весьма популярным в России учебное пособие «Теория социальных технологий» [13]. Анализ положений, содержащихся в учебных изданиях, по нашему мнению, позволяет реконструировать общую ситуацию в социально-технологической теории.

Обсуждение результатов

Необходимым условием формирования адекватного представления о структуре социальной технологии является разграничение её и близких по содержанию процессов. К числу понятий, требующих в данной связи строгого определения, относятся: «метод социального управления»; «технология социального управления»; «механизм социального управления»; «процедура социального управления»; «цифровая технология».

¹ Авторы имели возможность изучить диссертации, защищённые в диссертационном совете БелГУ по специальности «Социология управления» за последние 20 лет, в которых в той или иной мере рассматривалась проблематика социальных технологий.

При всей близости к понятию «социальная технология» ни одно из них не является ему тождественным, хотя зачастую этими дефинициями определяют одни и те же практики, используемые в регулировании общественных процессов. Для выявления адекватности использования каждого понятия следует ясно представить набор обязательных признаков социальной технологии. В принципе они сформулированы исследователями, хотя и не всегда приводятся в едином перечне и в ряде случаев требуют уточнения. К числу таких признаков обычно относят следующие:

– *рациональность*. При всей неоднозначности интерпретации рационального поведения людей в научной литературе существует его «стандартная» [14] концепция, согласно которой в современном обществе оно предполагает способность действовать в соответствии с принципами логики, теорией вероятностей и потребительского выбора [15]. В силу данного требования социальная технология имеет место тогда, когда действия построены с учётом причинно-следственных связей, расчёта возможных выгод и потерь в зависимости от прогнозируемых сценариев развития действительности;

– *целесообразность*. Социальная технология представляет собой едва ли не самый наглядный пример целерационального типа социального поведения. Ещё Н. Стефанов подчёркивал, что социальная технология представляет собой деятельность, в результате которой достигается поставленная цель и изменяется объект [16, с. 174–184];

– *алгоритмизация*. Развитие теории социальных технологий в XX в. было детерминировано идеей о том, что с их внедрением люди получают возможность изменять общество (или, по меньшей мере, его отдельные части), используя однозначно установленный порядок действий, при котором каждый последующий шаг осуществляется по завершении предыдущего. В словаре-справочнике «Социальное управление» прямо утверждалось: «Социальная технология – алгоритм, процедура осуществления действий в различных областях социальной практики...» [17, с. 150]. Впоследствии идея социальной технологии как алгоритма, являющаяся, по нашему мнению, ключевой в социально-технологическом подходе, отошла на второй план. Так, в учебном пособии для вузов под редакцией И. Б. Орловой утверждается, что «Социальная технология выступает в двух формах: как *программа*, содержащая конкретную цель, процедуры, операции, этапы, показатели промежуточных результатов, и как сама *деятельность*, построенная в соответствии с этой программой» [7, с. 17]. Соответствие программе, как и сама программа, не являются признаками алгоритма. Ограничение только этими критериями существенно снижает как уровень теоретического анализа проблемы, так и эффективность практической работы. Можно выделить три основных фактора отказа от акцентирования внимания на алгоритмической природе социально-технологических практик. Во-первых, по мере распространения взглядов на человеческое поведение, которые обычно соотносят с идеями постмодернизма, исследователи всё чаще стали подчёркивать невозможность рационализации и – соответственно – технологизации многих

процессов, связанных с деятельностью человека. Так стала популярной концепция Э. Бёрка, утверждавшего, что всегда будет существовать устойчивый комплекс иррациональных компонентов, определяемый им как «предрассудки» [18]. Во-вторых, глобализирующееся общество стало крайне неустойчивым, нестабильным, что позволило И. Пригожину и И. Стенгерс определить его состояние как «турбулентный хаос» [19]. В хаотизирующейся среде трудно выстраивать алгоритмы, требующие устойчивых структур и твёрдо установленных норм. Наконец, в-третьих, неизбежно возникала проблема сочетания требования вариативности поведения актора с необходимостью выстраивать поведение по алгоритму. И. В. Бурмыкина в данной связи сформулировала идею гибкого алгоритма [20, с. 250], которая в более поздних работах некоторых исследователей трансформировалась в тезис о социальной технологии как об алгоритме с ветвлением [21, с. 331–332]. Однако этот аспект проблемы пока остаётся недостаточно разработанным;

– *упорядоченность и планомерность*. Выше уже отмечалось, что о социальных технологиях можно говорить лишь в том случае, если действие имеет сложную структуру и может быть разделено на несколько этапов. Некоторые авторы заявляют о применении социально-технологического подхода, не осуществляя такой операции, сводя содержание к набору рационально и даже научно обоснованных мер, направленных на решение какой-либо общественной проблемы. Рациональность и научная фундированность становятся в этом случае синонимами технологичности, что представляется не вполне корректным. Не упорядоченные в определённой последовательности действия, даже если они разумны и приводят к результату, не должны относиться к классу социальных технологий. Их можно классифицировать как методы, механизмы, процедуры или операции, но этого недостаточно для заявлений о технологичности, так как указанные действия не предполагают алгоритмически выстроенных процедур, что следует считать их существенной характеристикой, но отнюдь не недостатком. В то же время любые рационально организованные, а тем более научно обоснованные практики создают предпосылки для перехода к социальным технологиям и вполне могут определяться как прототехнологии [22]. В перспективе, при наличии достаточной сложности деятельности по изменению объекта и её алгоритмизации они могут быть доведены до уровня социальных технологий. В отсутствии этих условий определять их технологиями бессмысленно и даже вредно.

В данной связи возникает вопрос: каково должно быть минимальное количество этапов действий или соответствующих им процедур (каждая из них представляет собой несколько взаимосвязанных действий и, в свою очередь, делится на операции – локализованные в пространстве и времени отдельные действия), чтобы можно было рассматривать их как технологии. Решение данного вопроса далеко не однозначно, поскольку до настоящего времени не было попыток предложить достаточно строгие критерии. В их отсутствие проблематичным является даже деление социальной технологии на процедуры. В конечном итоге

любую процедуру, включающую в себя не менее двух действий, можно считать технологией с ограниченным числом этапов.

На наш взгляд, основанием для установления универсального критерия, который позволяет определить минимально необходимое число этапов или процедур социальной технологии, является представление о ней как о завершённом цикле. В данном случае уместно говорить о социально-технологическом цикле, выстраиваемом по аналогии с управленческим циклом¹, концепция которого довольно хорошо разработана в научной литературе [4]. Однако использование этой концепции должно учитывать нетождественность понятий «технологии социального управления» и «социальные технологии», поскольку социальные технологии применяются не только в управлении, но и, в частности, для решения жизненных проблем.

Проектируя социально-технологический цикл, можно опираться на его различные модели, однако для решения проблемы критерия целесообразно ограничиться минимально необходимым числом элементов. Они включают в себя: целеполагание, оценку (диагностику) ситуации, принятие решения, реализацию решения, оценку результатов. Следовательно, любая социальная технология должна включать в себя как минимум пять этапов или процедур;

– *рефлексивность*. Разработка и применение социальной технологии предполагает постоянную критическую оценку субъектом результатов своих действий на каждом этапе и по завершении цикла. Обязательность её является логическим следствием рационального отношения к реальности, предполагающего учёт выгод и потерь, полученных в результате затраченных усилий. Инструментальная функция рефлексии проявляется и в том, что деятельность, реализуемая по модели алгоритма с ветвлением в нестабильной среде, связана с необходимостью корректировки поведения актора по завершению каждого этапа и выбора его наиболее оптимального варианта в соответствии с открывающимися альтернативными возможностями.

Довольно трудно дать однозначный ответ на вопрос, следует ли относить к числу необходимых признаков социальных технологий ценностные характеристики, в частности такие, как *гуманистическая ориентированность и адекватность социальным нормам*. Так, Л. А. Лесина и Л. Д. Забокрицкая, характеризуя определяющие их построение принципы, подчёркивают, что «технологии должны быть подчинены прежде всего интересам человека, укреплению его прав и свобод» [6, с. 37]. В рамках такого подхода для определения деструктивных социально-технологических действий обычно используется понятие «антитехнологии».

Однако в самих определениях социальных технологий, несмотря на различие авторских подходов, как правило, не заложена ценностная составляющая. Это оставляет возможности для двоякого толкования. Либо социальные

¹ Л. А. Лесина и Л. Д. Забокрицкая используют понятие «жизненный цикл управленческих технологий», которое не вызывает принципиальных возражений, за исключением того, что наделяет практику качеством, свойственным живой природе [6, с. 45].

технологии следует делить на позитивные и негативные по своим следствиям, рассматривая специфику тех и других применительно к каждой жизненной сфере; либо считать так называемые «антитехнологии» особой группой общественных практик, для анализа которых необходим свой понятийный аппарат. В первом случае вновь возникает проблема критериев разграничения «хороших»/«полезных» и «плохих»/«вредных» практик, что весьма непросто в силу дифференциации интересов различных субъектов. То, что с восторгом принимается одними, нередко другими отвергается. Единые суждения, как правило, возможны лишь в отношении некоторых однозначных представлений о добре и зле. В большинстве случаев практики, направленные на оптимизацию социальных процессов, получают релятивную оценку. Более того, как убедительно показал С. А. Кравченко, может сложиться ситуация, когда то, что прежде считалось ненормальным, становится нормой [23]. Однако аномия не отменяет запроса на применение социальных технологий, поскольку люди стремятся оптимизировать жизнь даже в негуманном обществе.

С учётом данного обстоятельства, гуманизм может рассматриваться как признак или принцип социальных технологий лишь в рамках парадигмы, в которой они разделены с «социальными антитехнологиями» и изначально наделены позитивным содержанием, то есть соответствующим провозглашённым и принятым в настоящее время в обществе нормам. В сущности, «по умолчанию» они так и трактуются в абсолютном большинстве работ.

Таким образом, социальная технология в процессном отношении структурирована в виде последовательных процедур, однако требует прояснения содержательное наполнение этих процедур. Казалось бы, проблема в данном случае решается довольно просто: социальность технологии указывает на то, что они направлены на преобразование человеческого индивидуального и группового поведения, отношений между людьми. И в этом заключается основание для отделения данного вида практик от процедур обработки природных и технических материалов.

Но такое разделение не является безусловным, так как в преобразовании социальных процессов всегда присутствует и изменение природно-технического («физического») компонента, несмотря на то, что оно не всегда наглядно выражено и уж тем более не доминирует. Так, в ходе трансформации отношений в коллективе меняются материальные носители информации, элементы рабочих мест, средства связи. Очевидно: для того, чтобы процесс оптимизации был наиболее результативен, социальные и природно-технические изменения должны быть синхронизированы. Следовательно, социальная технология интегрирует в себя «несоциальные» по своей природе процедуры.

Кроме того, в гибридном обществе сформировался и приобрёл самостоятельное значение особый класс технологий, который, в зависимости от акцентов на различных аспектах, можно определить как «новые информационные», «виртуальные» или «цифровые». Они не вписываются в рамки традиционного деления на природно-технические – социальные, хотя бы уже потому, что

предполагают «взаимозависимость между человеком и машиной/алгоритмом (human-machine interdependence)» [24, с. 6]. Возникают системы, которые не умеют (пока?) думать, но поддерживают, во всё большем объёме, коммуникации [25; 26]. Исследователи в данной связи рассуждают о новых технологиях (в частности, о технологии искусственного, интеллекта), в чём-то напоминающих социальные, в чём-то от них отличающиеся. Расширение и укрепление этих практик неизбежно ведёт к преобразованию традиционной структуры социальной технологии за счёт включения в неё «цифрового» компонента.

Таким образом, в содержательном отношении в современной социальной технологии целесообразно выделить три взаимосвязанных блока процедур – три компонента: «физический», социальный и информационно-коммуникационный (его допустимо определять как цифровой). Специфику этой структуры необходимо принимать во внимание всякий раз при проектировании социальных технологий. Очевидно, что своего рода «завершённая» социальная технология, то есть готовая к применению, требует синхронных изменений всех трёх видов процедур.

Заключение

Осваивая и оптимизируя социальные отношения в соответствии со своими интересами и целями, люди всё чаще будут вынуждены решать проблему поиска наиболее эффективных и надёжных для целедостижения инструментов. И несмотря на то, что жизненные процессы далеко не всегда рационально упорядочены, порой нестабильны и хаотичны, можно и нужно изыскать возможности для их структурирования посредством применения некоторой «суммы технологий» (С. Лем). Пределы этих возможностей значительно расширяет цифровизация/дигитализация социума. Если, согласно Пифагору, цифра изначально упорядочивала бытие, то цифровизация придаёт данному процессу глобальный характер. Возможно, сегодня впервые возникает возможность менять мир, используя концепцию социальной инженерии, инструментом которой являются социальные технологии. Однако минимально необходимым условием решения данной задачи является ясное понимание феномена социальной технологии, её структуры. В настоящее время уже недостаточно представлений, сложившихся о нём ещё в конце прошлого века. Современный социально-технологический подход к преобразованию общества на любом уровне его самоорганизации требует восприятия социальной технологии как сложно структурированной практики, применение которой предполагает высокий уровень социально-технологического мышления, основанного на способности к операционализации понятий. В настоящей статье мы предприняли попытку осуществить эту процедуру в отношении ключевой категории – «социальная технология», определяя её как сложно структурированный комплекс алгоритмически выстроенных, синхронизированных «физических», социальных и информационно-коммуникационных

(цифровых) процедур и операций, разработанных и используемых для оптимизации общественных процессов.

Безусловно, приведённые в работе тезисы и аргументы в защиту такого подхода не выглядят бесспорными, но, если они всего лишь послужат источником научной дискуссии, авторы воспримут это как хотя и незначительное, но продвижение в разработке теории социальных технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Инженерная онтология. Инженерия как странствие : учебное пособие / В. Никитин, С. Переслегин, А. Парибок [и др.]. Санкт-Петербург : ООО «Полак», 2013. 280 с. ISBN 978-5-91256-156-6. EDN [DJSOGM](#).
2. *Поппер К. Р.* Ницета историцизма / К. Р. Поппер ; пер. с англ. С. А. Кудриной. М. : Прогресс – ВИА, 1993. 187 с. ISBN 5-01-003881-1.
3. *Марков М.* Технология и эффективность социального управления. М. : Прогресс, 1982. 267 с.
4. *Дятченко Л. Я.* Социальные технологии в управлении общественными процессами. М. : Белгород : Центр соц. технологий, 1993. 343 с.
5. *Щербина В. В.* Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социологические исследования. 2014. № 7 (363). С. 113–124. EDN [SMHNTP](#).
6. *Лесина Л. А., Забокрицкая Л. Д.* Социальные технологии государственного и муниципального управления : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 164 с. ISBN 978-5-7996-3291-5. EDN [OMKOTX](#).
7. Социальные технологии : учебное пособие для вузов / Под ред. И. Б. Орловой. М. : Юрайт, 2024. 180 с. ISBN 978-5-534-18568-3.
8. *Яницкий О. Н.* К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 7–22. DOI [10.19181/snsp.2018.6.1.5734](#). EDN [YTPTYR](#).
9. *Степин В. С.* Россия в контексте глобальных цивилизационных перемен // Вторая Всероссийская научная конференция «Россия – XXI век». М. : Издание Совета Федерации, 2000. С. 31–33.
10. *Вебер М.* Избранные произведения / М. Вебер ; отв. ред. Ю. Н. Давыдов. М. : Прогресс, 1990. 804 с. ISBN 5-01-001584-6. EDN [SGUYOR](#).
11. *Trist E. L., Bamforth K. W.* Some Social and Psychological Consequences of the Longwall Method of Coal Getting // Human Relations. 1951. Vol. 4, № 1. P. 3–38. DOI [10.1177/001872675100400101](#). EDN [JMSLV](#).
12. *Ефременко Д. В., Яницкий О. Н., Ермолаева П. О.* О социобиотехнических системах // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 138–147. DOI [10.31857/S004287440005064-5](#). EDN [ZKEUPR](#).
13. *Сурмин Ю. П., Туленков Н. В.* Теория социальных технологий : учебное пособие. Киев : МАУП, 2004. 608 с. ISBN 966-608-449-X.
14. *Вольчик В. М., Филоненко Ю. В., Кривошеева-Медянцева Д. Д.* Адаптивная рациональность, адаптивное поведение и институты // Journal of institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2015. Т. 7, № 4. С. 138–155. DOI [10.17835/2076-6297.2015.7.4.138-155](#). EDN [VIKNWP](#).
15. *Polonioli A.* Stanovich's Arguments Against the "Adaptive Rationality" Project: An assessment // Studies in History and Philosophy of Science Part C: Studies in History

- and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. 2015. Vol. 49. P. 55–62. DOI [10.1016/j.shpsc.2014.12.003](https://doi.org/10.1016/j.shpsc.2014.12.003).
16. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М. : Прогресс, 1976. 259 с.
 17. Социальное управление : словарь / Под. ред. В. И. Добренькова, И. М. Слепенькова. М. : Изд-во МГУ, 1994. 208 с. ISBN 5-211-02620-9.
 18. Burke E. Reflection On the Revolution in France. Indianapolis : Hackett Pub. Co., 1987. 236 p. ISBN 978-0-87220-021-0.
 19. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. Ю. А. Данилова ; под ред. и послесл. В. И. Аршинова. М. : Прогресс, 1986. 431 с.
 20. Бурмыкина И. В. Управление формированием и развитием социально-технологической культуры современного менеджера. Белгород : Изд-во БелГУ, 2009. 358 с. ISBN 978-5-9571-0374-7. EDN [QTUKGN](#).
 21. Серкина Я. И. Институциональное регулирование рискогенеза в процессе цифровизации и дигитализации образовательного пространства провинциальных вузов : дис. ... д-ра социол. наук : 5.4.7 / Серкина Яна Игоревна ; БелГУ. Белгород, 2023. 534 с. EDN [ZUZFCS](#).
 22. Конищева Е. В. Регулирование взаимодействий субъектов образовательного пространства вуза в ситуациях профессионально-жизненных затруднений: автореф. дис. ... канд. социол. наук : 5.4.7 / Конищева Евгения Васильевна ; науч. рук. Т. Н. Каменева ; Белгород, 2023. 21 с. EDN [MLPXHQ](#).
 23. Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8 (364). С. 3–10. EDN [SOARRD](#).
 24. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3 (175). С. 3–22. DOI [10.14515/monitoring.2023.3.2384](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2384). EDN [WJFDVF](#).
 25. Esposito E. Artificial Communication? The Production of Contingency by Algorithms // Zeitschrift für Soziologie. 2017. Vol. 46, № 4. P. 249–265. DOI [10.1515/zfsoz-2017-1014](https://doi.org/10.1515/zfsoz-2017-1014).
 26. Esposito E. Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence. Cambridge : The MIT Press, 2022. 200 p. ISBN 978-0-262-04666-4. DOI [10.7551/mitpress/14189.001.0001](https://doi.org/10.7551/mitpress/14189.001.0001).

Сведения об авторах

В. П. Бабинцев

доктор философских наук, профессор
профессор
SPIN-код: [8599-4267](#)

Г. Н. Гайдукова

кандидат социологических наук, доцент
доцент
SPIN-код: [4529-6781](#)

Я. И. Серкина

доктор социологических наук, доцент
профессор
SPIN-код: [7133-9098](#)

Ж. А. Шаповал

кандидат социологических наук, доцент

доцент

SPIN-код: 2588-8652

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 19.04.2026; одобрена после рецензирования 10.05.2026; принята к публикации 16.07.2026.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.3.5

ABOUT THE STRUCTURE OF SOCIAL TECHNOLOGY

Valentin Pavlovich Babintsev¹

Galina Nikolaevna Gaidukova²

Yana Igorevna Serkina³

Zhanna Aleksandrovna Shapoval⁴

^{1, 3, 4} Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia

² North-Western Institute of Management – branch of RANEPA,
Saint-Petersburg, Russia

¹ babintsev@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-0112-6145

² gaydukova-gn@ranepa.ru,

ORCID 0000-0001-6300-9174

³ serkina_ya@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-5106-7104

⁴ shapoval@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-8069-9274

For citation: Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Serkina Ya. I., Shapoval Zh. A. About the structure of social technology. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):81–96. (In Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2026.14.3.5.

Abstract. The article is devoted to the theoretical rethinking of the phenomenon of social technology in the context of the increasing complexity of the technical and technological structure of modern society, digitalization and the formation of a hybrid reality. The purpose of the work is to consider social technology as a complexly structured social practice, the effectiveness of which in a hybrid environment is ensured by algorithmization and synchronization of its key elements. The methodological basis of the research is the provisions of the theory of social action. M. Weber, emphasizing the dominance of the goal-oriented type of behavior in modern civilization, as well as the concepts of sociotechnical and sociobiotechnical systems. The authors rely on a comparative analysis of publications, dissertation research and educational literature on the problems of social management, social engineering and social technologies. The work emphasizes that the ideas about social technology that developed at the end of the last century in a hybrid reality need

to be supplemented and adjusted, which is due, firstly, to a change in the very object of technologization – social processes that acquire a hybrid, multidimensional and internally contradictory character; secondly, the massive introduction of digital technologies, generating sociobiotechnical systems; Thirdly, the conceptual framework is insufficiently developed, in particular, the lack of strict criteria for distinguishing social technology from related concepts (“social management method”, “social management technology”, “social management mechanism”, “social management procedure”, “digital technology”). It is proved that currently social technology should be understood as a complex structured complex of algorithmically built, synchronized “physical” (natural and technical), social and information and communication (digital) procedures and operations developed and used to optimize social processes. The authors emphasize that the proposed approach does not claim to be indisputable, but is intended to stimulate scientific discussion and further development of the theory of social technologies in relation to the challenges of a digital and hybrid society.

Keywords: social technology, social engineering, engineering knowledge, hybridization, digitalization, sociobiotechnical system, social management

Acknowledgments: the research was funded by the grant No. 25-28-02281 of the Russian scientific foundation (<https://rscf.ru/project/25-28-02281/>).

REFERENCES

1. Nikitin V., Pereslegin S., Paribok A., et al. Engineering ontology. Engineering is like a journey. Textbook. Saint Petersburg: OOO “Polaks”; 2013. 280 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91256-156-6.
2. Popper K. R. The poverty of historicism [Nishheta istoricizma]. Translated from English by S. A. Kudrina. Moscow: Progress – VIA; 1993. 187 p. (In Russ.). ISBN 5-01-003881-1.
3. Markov M. Technology and effectiveness of social management. [Texnologiya i e’fektivnost’ social’nogo upravleniya]. Moscow: Progress; 1982. 267 p. (In Russ.).
4. Dyatchenko L. Ya. Social technologies in the management of social processes [Social’ny’e texnologii v upravlenii obshchestvenny’mi processami]. Moscow; Belgorod: Centr social’nyx texnologij; 1993. 343 p. (In Russ.).
5. Shcherbina V. V. Social technologies: the history of the emergence of the term, the transformation of content, the current state. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2014;(7):113–124. (In Russ.).
6. Lesina L. A., Zabokritskaya L. D. Social technologies of state and municipal management: a textbook. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta; 2021. 164 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7996-3291-5.
7. Orlova I. B., ed. Social technologies: a textbook for universities. Moscow: Yurajt; 2024. 180 p. (In Russ.). ISBN 978-5-534-18568-3.
8. Yanitskiy O. N. On the problem of modernization of humanitarian knowledge. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social’naja praktika*. 2018;6(1):7–22. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2018.6.1.5734](https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5734).
9. Stepin V. S. Russia in the context of global civilizational changes [Rossiya v kontekste global’ny’x civilizacionny’x peremen]. In: The second all-Russian scientific conference “Russia – the XXI century” [Vtoraya Vserossiyskaya nauchnaya konferenciya «Rossiya – XXI vek»]. Moscow: Izdanie Soveta Federacii; 2000. P. 31–33. (In Russ.).
10. Weber M. Selected works [Izbranny’e proizvedeniya]. Moscow: Progress; 1990. 804 p. (In Russ.). ISBN 5-01-001584-6.

11. Trist E. L., Bamforth K. W. Some social and psychological consequences of the longwall method of coal getting. *Human Relations*. 1951;4(1):3–38. DOI [10.1177/001872675100400101](https://doi.org/10.1177/001872675100400101).
12. Efremenko D. V., Yanitskiy O. N., Ermolaeva P. O. On sociobiotechnical systems. *Questions of Philosophy=Voprosy filosofii*. 2019;(5):138–147. (In Russ.). DOI [10.31857/S004287440005064-5](https://doi.org/10.31857/S004287440005064-5).
13. Surmin Yu. P., Tulenkov N. V. Theory of social technologies: textbook [Teoriya social'ny'x texnologij: ucheb. posobie]. Kiev: MAUP; 2004. 608 p. (In Russ.). ISBN 966-608-449-X.
14. Volchik V. M., Filonenko Yu. V., Krivosheeva-Medyantseva D. D. Adaptive rationality, adaptive behavior, and institutions. *Journal of Institutional Studies=Zhurnal institucionalnykh issledovanij*. 2015;7(4):138–155. (In Russ.). DOI [10.17835/2076-6297.2015.7.4.138-155](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.4.138-155).
15. Polonioli A. Stanovich's arguments against the “adaptive rationality” project: An assessment. *Studies in History and Philosophy of Science Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 2015;49:55–62. DOI [10.1016/j.shpsc.2014.12.003](https://doi.org/10.1016/j.shpsc.2014.12.003).
16. Stefanov N. Social sciences and social technology [Obshchestvenny'e nauki i social'naya texnologiya]. Moscow: Progress; 1976. 259 p. (In Russ.).
17. Dobrenkov V. I., Slepnev I. M., eds. Social management. Dictionary [Social'noe upravlenie. Slovar']. Moscow: Izd-vo MGU; 1994. 208 p. (In Russ.). ISBN 5-211-02620-9.
18. Burke E. Reflection on the revolution in France. Indianapolis: Hackett Pub. Co.; 1987. 236 p. ISBN 978-0-87220-021-0.
19. Prigozhin I., Stengers I. Order from chaos. A new dialogue between man and nature [Poryadok iz xaosa. Novy'j dialog cheloveka s prirodoj]. Translated from English by Yu. A. Danilov Moscow: Progress; 1986. 431 p. (In Russ.).
20. Burmykina I. V. Management of the formation and development of socio-technological culture of a modern manager [Upravlenie formirovaniem i razvitiem social'no-texnologicheskoy kul'tury' sovremennogo menedzhera]. Belgorod: Izd-vo BelGU; 2009. 358 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9571-0374-7.
21. Serkina Ya. I. Institutional regulation of risk genesis in the process of digitalization and digitalization of the educational space of provincial universities: doctor's of sociology dissertation. Belgorod, 2023. 534 p. (In Russ.).
22. Konishcheva E. V. Regulation of interactions of subjects of the educational space of the university in situations of professional and life difficulties: abstract of the candidate of sociology dissertation. Belgorod, 2023. 21 p. (In Russ.).
23. Kravchenko S. A. “Normal anomie”: contours of the concept. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2014;(8):3–10. (In Russ.).
24. Rezaev A. V., Tregubova N. D. From the sociology of algorithms to the social analysis of artificial sociality: an analysis of API and ChatGPT cases. *Public opinion monitoring: economic and social changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2023;(3):3–22. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2023.3.2384](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2384).
25. Esposito E. Artificial communication? The production of contingency by algorithms. *Zeitschrift für Soziologie*. 2017;46(4):249–265. DOI [10.1515/zfsoz-2017-1014](https://doi.org/10.1515/zfsoz-2017-1014).
26. Esposito E. Artificial communication: how algorithms produce social intelligence. Cambridge: The MIT Press; 2022. 200 p. ISBN 978-0-262-04666-4. DOI [10.7551/mitpress/14189.001.0001](https://doi.org/10.7551/mitpress/14189.001.0001).

Information about the Authors

V. P. Babintsev

Doctor of Philosophy, Professor
Professor
ResearcherID: ABD-1868-2020
Scopus AuthorID: 23975595200

G. N. Gaidukova

Candidate of Sociology, Associate Professor
Associate Professor
ResearcherID: N-5679-2016
Scopus AuthorID: 56039301000

Y. I. Serkina

Doctor of Sociology, Professor
Associate Professor
ResearcherID: O-4544-2017
Scopus AuthorID: 57190881205

Zh. A. Shapoval

Candidate of Sociology, Associate Professor
Associate Professor
ResearcherID: ABC-8698-2020
Scopus AuthorID: 57202379507

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 19.04.2026; approved after reviewing 10.05.2026; accepted for publication 16.07.2026.

УДК 316.7

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.3.6

EDN: OSYEIK

Научная статья

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Нина Анатольевна Селиверстова¹

Юлия Альбертовна Зубок²

^{1, 2}ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

^{1, 2}СПбГУ,

Санкт-Петербург, Россия

¹nina.seliverstova@spbu.ru,

ORCID 0000-0001-9691-3020

²y.a.zubok@spbu.ru,

ORCID 0000-0002-3108-2614

Для цитирования: Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А. Ценностно-смысловая саморегуляция социальной активности в молодёжной среде // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 3. С. 97–127. DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.6. EDN OSYEIK.

Аннотация. В статье анализируются проявления социальной активности молодёжи и социокультурных оснований, определяющих их саморегуляцию. Включение молодёжи в институциональные формы социальной активности сравнивается с практиками гражданского активизма и активностью, направленной на саморазвитие. Соотношение в молодёжной среде институциональных форм разных по направленности активностей показало, что молодёжь более всего интегрируется в деятельность по физическому саморазвитию, по реализации творческой активности и в систему религиозных практик. Тренд на выбор индивидуализированных форм активности и на явный приоритет самореализации в молодёжной среде устойчиво сочетается с просоциальными, направленными на общее благо активностями, что диалектически усложняет и одновременно разнообразит пути интеграции молодых людей в общество. Приоритетными для молодёжи сферами социальной активности и гражданского активизма является деятельность благотворительных или гуманитарных, профсоюзных, молодёжных организаций, экологических и национально-патриотических движений. Установлено, что вовлечённость молодых людей в ту или иную институциональную форму активности, а также совмещение ими разных типов занятости повышают их включённость и в другие виды активности – независимо от их направленности, формируя множественные социальные связи. В ядре ценностно-смысловых оснований саморегуляции рассмотренных форм активностей преобладают ценности современной культуры в однозначном («чистом») варианте либо в гибридном. Деятельность на общественное благо поддерживается не только ориентацией на интересную работу (имплицитно на преодоление каждодневной рутины) и стремлением продемонстрировать яркую индивидуальность, но и реализацией политических прав и свобод, пониманием свободы

© Селиверстова Н. А., 2026

© Зубок Ю. А., 2026

как смысла жизни. Из традиционных ценностей проявились уважение к сложившимся традициям и установка на безусловное подчинение руководителю. Ценностно-смысловые элементы современной и традиционной культур сосуществуют в культурном пространстве молодёжи, делая социокультурную саморегуляцию её активности не только внутренне противоречивой, но и более вариативной.

Ключевые слова: молодёжь, ценностно-смысловая саморегуляция, социальная активность, саморазвитие, гражданский активизм, интеграционные процессы

Благодарности: работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 126022517962-3.

Введение

Обширный научный дискурс по проблеме социальной активности молодёжи является показателем её не снижающейся актуальности. Выступая одновременно синонимом деятельности и мерой её интенсивности, активность выражает способность молодых людей к различным социальным действиям, их инициированию, т. е. к проявлению себя как акторов и субъектов социальных действий и взаимодействий в пространстве социальных отношений.

Включаясь в социальные структуры и различные виды деятельности, молодёжь воспроизводит их своей активностью. Направленность активности и её интенсивность регулируются объективными социальными условиями, задающими её институциональные стимулы и рамки, а также субъективными представлениями самих молодых людей о целях и способах активности, их стремлениями и интенциями. Как социальные условия, формирующиеся в пространстве жизнедеятельности, так и социальные установки на те или иные формы активности могут носить целенаправленный или спонтанный характер. Если целенаправленное формирование условий и установок на активность молодёжи предполагает интервенции институтов, вырабатывающих и транслирующих ценностно-смысловые и организационные образцы, определяющие то, на какие основания она могла бы опираться, то спонтанное связано с пониманием активности самими молодыми людьми, привнесением в неё смыслов, вырабатываемых в интересующих взаимодействиях. Как институционально сформированные, так и спонтанно сложившиеся смыслы занимают своё место в социокультурной саморегуляции. Но поскольку формирование ценностно-смысловых оснований социальной активности – это процесс взаимодействия целенаправленно конструируемых и хаотично возникающих в пространстве культуры идей и представлений, этому социокультурному феномену присущи множественность и многомерность. Они же предопределяют и ряд противоречий. Во-первых, противоречия между ценностно-смысловыми доминантами, заложенными в основание институциональной регуляции (нормы, социальные ожидания), и субъектным выбором разных групп молодёжи. Такое противоречие может быть следствием отчуждения и нонконформизма молодёжи, субкультурного протеста, но чаще – следствием объективного изменения потребностей, интересов и ценностей молодых людей,

их социокультурных экспериментов и поиска новых смыслов и способов жизнедеятельности. Так, неудовлетворённость прежними формами политической активности, особенно в больших, обезличенных коллективных формах, стремление наполнить свою жизнь живыми смыслами привели к переосмыслению общественно значимой, просоциальной активности, её смещению в неполитическую сферу. Небольшие коллективы с максимально приближенными к реальности, понятными большинству идеями заботы и помощи вызывали больше доверия, чем политические организации. Это же противоречие выражается и в разном понимании целей активности, в критическом соотнесении общественных целей с личными, снижении значения для молодых людей так называемой общественной активности и усилении активности как самореализации.

Во-вторых, противоречия между ценностно-смысловым выбором разных групп молодёжи, обусловленные социальной дифференциацией. Различия в социальных условиях и опыте жизнедеятельности обуславливают различия потребностей, представлений и ожиданий как регуляторов активности. Расхождение этих регуляторов свидетельствует о «цветущем многообразии» культурного пространства современной молодёжи, множестве действующих групповых акторов, чья разнонаправленная активность отражает различия отношения к реальности. Предельным выражением ценностно-смысловых расхождений этих акторов становится противостояние «свой-чужой» как признак глубокой социальной дезинтеграции.

В-третьих, противоречие между общественной потребностью в активизации молодёжи, проявлении ею более выраженного вдохновения и энтузиазма в решении её жизненных проблем, и различного рода препятствиями: от объективно существующих социальных барьеров до пассивности самой молодёжи, неготовности принимать решения и нести за них ответственность. На уровне целенаправленного регулирования дело скорее в институциональных дисфункциях, а на уровне саморегуляции – в ситуативном разочаровании или сформировавшемся габитусе активной или пассивной жизненной позиции.

Не ставя задачу подробного обзора публикаций, охватывающих этот круг проблем, выделим исследования, в результате которых были выявлены те или иные социокультурные факторы социальной активности молодёжи. Так, сочетание в установках молодёжи солидарности, эмпатии и доверия к окружающим увеличивает включённость в социальную активность, а расчётливость, индивидуализм, сопровождаемые обобщённым недоверием, сопряжены с социальной пассивностью [1]. Важным результатом анализа является положительная связь общественно-полезной деятельности молодёжи с социальной ответственностью за происходящее в пространстве её повседневности (от многоквартирного дома до города) [2; 3]. Наиболее детальный анализ такой связи проведён на выборке, абсолютное большинство которой составили школьники Москвы и Казани от 15 лет [4]. Ключевым регулятором перехода молодёжи от установок к общественной деятельности определена социальная ответственность за социальный контекст (речь о происходящем в сферах экологии, социального неравенства и политики). Фактором роста социальной активности молодёжи является

осознание ею несоответствия между воспринимаемым «реальным» и ожидаемым «идеальным» социальными контекстами [4].

Обнаружена положительная связь между социальной активностью и видами социальной идентичности. Молодёжь с высоким уровнем гражданской идентичности активно проявляет себя в помощи ближним, в улучшении экологической ситуации и развитии гражданского общества, а отождествление себя с жителями региона выступает фактором обустройства пространства своей жизнедеятельности [5].

Как показали исследования, структура мотивов социальной активности по их направленности имеет смешанный характер: альтруистические побуждения (помощь другим) сосуществуют с инструментальными (накопление социального капитала, компетентностного потенциала, личностный рост и т. д.) [6; 7; 8; 9]. В гендерном аспекте равно важны мотивы саморазвития и самореализации, поиска нового, молодых женщин, кроме того, мотивирует положительное общественное мнение [5].

Рассмотрение ценностно-смысловых оснований социальной активности молодёжи, дифференцированное по её формам, показало их гибридность. Уровень гражданской активности повышается, а неполитическая общественно-полезная деятельность расширяется при выраженной осознанности жизненных предназначений и их реализации [10]. Саморегуляцию гражданской активности дополняют ценностные ориентации на гедонизм и любовь, а неполитической общественно-полезной деятельности – на стремление к свободе в принятии решений, внутренний локус контроля, поддержку других людей и одновременно установки на соответствие социальным ожиданиям и традициям [10]. Однако наибольшая ценностная обусловленность характерна для активности, направленной на саморазвитие через образование (профессиональное, дополнительное), что является косвенным показателем значимости самореализации для молодёжи.

Комплексный анализ мотивов и ценностных регуляторов социальной активности молодёжи в сравнении с другими социально-демографическими группами выявил основные и общие для них мотивы (защита своих прав; общение с единомышленниками, разделяющими те же ценности, взгляды; борьба за идеалы, стремление сделать мир лучше), преобладающие ценностные ориентации на неконформизм, инициативность и предприимчивость, поддержку конкуренции [11].

Цель нашего исследования состоит в выявлении ценностно-смысловых оснований институциональных форм социальной активности, гражданского активизма и активности молодёжи, направленной на её саморазвитие в контексте интеграционных процессов.

Теоретико-методологическая оптика исследования

Исходными теоретико-методологическими основами исследования социальной активности молодёжи, её оснований и направленности являются ключевые положения концепции социокультурного механизма саморегуляции

жизнедеятельности молодёжи [12] и концепции социальной интеграции молодёжи как субъекта общественного воспроизводства [13; 14].

Под социокультурной саморегуляцией мы понимаем процесс упорядочивания жизнедеятельности на основе значимых смыслов и ценностей, формируемых в процессе социализации, взаимодействия институциональной среды и личности, а также конструируемых в интересующих взаимодействиях молодых людей. Социальная активность – осмысленная социальная деятельность, осуществляемая в широком контексте самореализации, поддерживаемая и регулируемая множественными ценностями и смыслами. Регулятивные основания активности задаются пониманием молодыми людьми её смысла и значения для себя и для других: от осознания общественных потребностей как высших смыслов и целей активности до личных, вытекающих из понимания собственной уникальности и индивидуальности, осознания себя и своих интересов как главной ценности, самореализации как цели активности. Отсюда амбивалентная направленность социальной активности на других и на себя [15].

Смыслы, как аргументирует Д. А. Леонтьев, используя метафору «грибница», не существуют изолированно. Формируясь в определённом культурном контексте, они являются частью ценностно-смысловой системы не только на микроуровне, но и на уровне социальной группы [16]. Процессы воспроизводства и распространения ценностно-смысловых образцов обеспечиваются действием социокультурного механизма, основанного на противоречивом единстве осознаваемого и неосознанного, инерционно повторяющегося и изменённого вследствие соотнесения индивидами и группами значимого социального объекта с их собственным жизненным контекстом. Диалектика преемственности и инновационности, заложенная, таким образом, в социокультурном механизме, воплощается в культурном контексте и формирующихся ценностно-смысловых системах, поддерживая их онтологическую гибридность.

Социальная активность выступает средством освоения молодёжью социальной реальности и расширения жизненного контекста, приобретения новых навыков, опыта целедостижения и проявления себя, самоощущения субъектности и управляемости собственной жизни, инструментом преодоления неопределённости. Посредством активности создающая и преобразующая социальная функция молодёжи реализуется в отношении себя и внешнего мира, и её участие в разных формах социальной активности выступает фактором интеграции в общество. Поэтому такая деятельность социально одобряема и поощряема.

Наиболее предпочтительными сферами активизации молодёжи неизменно выступают образование, саморазвитие, труд, общественно значимые инициативы. В них тесно переплетаются институциональные и неинституциональные форматы, отражающие проявление целенаправленных и спонтанных форм в социальной саморегуляции. Как особый вид социальной активности выделяется деятельность в сфере общественно-гражданских отношений – гражданский активизм, выраженный в разнообразных формах: от электорального участия и присоединения к инициативам местного уровня до выраженного стремления

молодых людей влиять на принятие и изменение управленческих решений. В деятельности по охране окружающей среды, благоустройству территорий, помощи социально уязвимым группам, защите прав человека и в решении многих других проблем, выступающих предметом гражданского активизма, часто наблюдается выход молодёжи за пределы конкретных низовых практик участия на более высокий уровень осмысления механизмов социально-политического устройства и их соответствия общественным потребностям. Поскольку этот вид социальной активности молодёжи связан со стремлением к реформированию [17], отношение к нему общества и его институтов менее однозначное. Здесь наиболее выражено базовое противоречие между преемственностью и новаторством, характеризующее один из специфически молодёжных конфликтов [13]. С одной стороны, осознаётся высокая потребность в такой преобразовательной активности молодёжи, с другой – её потенциальная угроза. Посягательство пассионариев, меняющих мир, на действующие формальные и неформальные нормы создаёт риски, связанные с изменением привычного миропорядка, заставляя систему реагировать предохранительными мерами. Поэтому такая активность подвергается более выраженному институциональному контролю, вследствие которого формируется целенаправленно регулируемый активизм. Степень открытости системы и активность самой молодёжи определяют пределы институционального давления.

Обладая выраженным своеобразием, социальная активность молодёжи и её гражданский активизм являются частью социальных интеграционных процессов.

Под социальной интеграцией понимаются процессы объединения социальных групп и индивидов на основе совпадения их целей и интересов. Интеграция характеризует как внутригрупповые взаимодействия молодёжи, так и её взаимодействия с обществом как части с целым. Интеграция молодёжи в общество предполагает включение в его структуры и деятельность в этих структурах, указывающую на направленность интеграции, а принятие соответствующих смыслов и ценностей обеспечивает устойчивость интеграции.

Целенаправленное стимулирование молодёжи к выражению себя в определённых видах общественно-полезной деятельности и проявлению социальной активности в заданных параметрах в целом отражает включение её в разветвлённую систему социальных отношений. При условии разделения молодыми людьми ценностно-смысловых оснований конкретной деятельности и совпадения представлений о целях и средствах её реализации достигается самоотождествление молодыми людьми себя с этой деятельностью и, как следствие, высокий уровень социальной активности. Этот её вариант связан с моделью интеграции в форме конформизма и отражает процессы принятия и преемственности в общественном воспроизводстве ценностно-смысловых оснований саморегуляции. Социальная активность, основанная на ревизии ценностно-смысловых образцов и новых способах самоорганизации, сопряжена, во-первых, с инновационной моделью интеграции молодёжи в общество, когда для достижения разделяемых общественно значимых смыслов и ценностей

используются новые средства; во-вторых – с заменой смыслов активности на новые при ритуальном сохранении институциональных средств; в-третьих – с заменой ценностей-целей и средств одновременно. Две из форм социальной активности по своему генезису исключают формализм в деятельности, другие – напротив, располагают к нему. Дифференциация ценностно-смысловых оснований активности определяет различия путей интеграции молодёжи в общество.

Активность молодёжи, направленная на саморазвитие, хотя и выражает характерные для неё индивидуалистские тренды, но не только не противоречит её интеграции в общество, а выступает одним из её условий в современном меняющемся мире с высоким уровнем неопределённости и риска [14]. Во-первых, саморазвитие связано с повышением личной эффективности, что само по себе расширяет возможности успешного включения и продвижения в различных, в том числе новых видах деятельности. Во-вторых, современная парадигма личной эффективности, включающая в качестве необходимых элементов про-активность и целенаправленное самосовершенствование, предусматривает также и рефлекссию способов их достижения, т. е. вопрос о ценностно-смысловых регуляторах, дополняя стратегии саморазвития такими элементами, как ответственность, принципиальность. Этот дискурс непосредственно связан с соотношением коллективного и индивидуального в социальной активности.

Сравнение как самой вовлечённости молодёжи в институциональные формы социальной активности, гражданского активизма и активности по саморазвитию, так и их ценностно-смысловых оснований покажет соотношение коллективного/индивидуального в социальной активности разных групп молодёжи, а также направленность их саморегуляции в контексте социальной интеграции в общество.

Эмпирическая основа исследования

Социальная активность, гражданский активизм и активность молодёжи по саморазвитию измерялись через показатели участия/неучастия в деятельности различных организаций, объединений¹. В анализе гражданского активизма кроме показателя участия в деятельности общественных объединений использовались показатели одобрения их деятельности и осведомлённости/неосведомлённости об их существовании. Ценностно-смысловые регуляторы операционализированы через пары альтернативных суждений: «Равенство возможностей для проявления способностей каждого человека важнее, чем равенство доходов и условий жизни **или** Равенство доходов, положения и условий жизни важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей каждого человека»; «Свобода – это возможность быть самому себе хозяином **или** Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах»; «Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл **или** Главное в жизни – материальное

¹ Индикаторы приведены в таблице 1.

благополучие, а свобода второстепенна» и т. д. Эти дихотомии соотносятся как смыслы традиционной и современной культур.

Эмпирическая база исследования – данные формализованного персонального интервьюирования молодёжи (май – июнь 2025 г.). Опрос проведён Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 40 субъектах страны¹. Руководители – М. К. Горшков, Ю. А. Зубок. Тип выборки – многоступенчатая, репрезентативная, квотная, n = 3 500.

Соотношение социальной активности молодёжи и активности, направленной на саморазвитие, их связь с социально-демографическими показателями

Анализ эмпирических данных показал, что границы проявления активности в институциональных формах задаются от 4% активно участвующих и участвующих от случая к случаю в деятельности политических партий респондентов до 24%, занимающихся спортом (табл. 1). Пределы активного участия и того меньше: 9% респондентов состоят в спортивных организациях и 1% – в политических партиях. Преобладание в 2–3 раза во всех распределениях нерегулярного участия над активным может быть объяснено и отсутствием доступной инфраструктуры, и непринятием молодёжью институциональных форм конкретных видов деятельности. Дезинтеграция с ними даёт ощущение свободы выбора, возможность «пробовать» разные формы активности.

Таблица 1

Участие респондентов в различных формах активности, 2025, %

Организации	Активно участвуют в её работе	Участвуют от случая к случаю	Сумма долей участвующих	Не являются участниками
<i>Институциональные формы активности, направленной на саморазвитие</i>				
Спортивная организация	9	15	24	76
Художественное, музыкальное или культурно-просветительское объединение	6	10	16	84
Церковная или религиозная организация	4	12	16	84

¹ Регионы исследования: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская, Архангельская, Астраханская, Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Воронежская, Ивановская, Иркутская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Тверская, Томская, Тульская, Тюменская, Челябинская и Ярославская области, Республики Башкортостан, Бурятия, Коми, Крым и Татарстан, Краснодарский, Красноярский, Ставропольский, Пермский, Приморский и Хабаровский края. Полевой этап осуществлён Институтом социального прогнозирования и маркетинга (рук. Ф. Э. Шереги).

Окончание табл. 1

Организации	Активно участвуют в её работе	Участвуют от случая к случаю	Сумма долей участвующих	Не являются участниками
<i>Институциональные формы социальной активности</i>				
Гуманитарная или благотвори- тельная организация	5	13	18	82
Молодёжные общественные организации, объединения	4	8	12	88
Профсоюз	4	8	12	88
Профессиональная ассоциация (учителей, врачей, учёных, работников с/х и т. д.)	3	6	9	91
Организация по защите окружающей среды	2	6	8	92
Общество защиты прав потребителей	2	5	7	93
Политическая партия	1	3	4	96

По сумме участвующих в различных организациях молодёжь устойчиво деятельнее в саморазвитии: причастность к спортивным организациям демонстрируют 24% респондентов, интеграцию в деятельность церковных или религиозных организаций, художественных, музыкальных или культурно-просветительских объединений – по 16% в обоих случаях. Приоритет спортивной активности обусловлен тотальным распространением культуры физического развития в молодёжной среде, включающей установки на здоровый образ жизни и следование модным стандартам красоты [18], хотя известны и факты преобразования себя с рисками для здоровья. Саморазвитие в творчестве согласуется с молодёжным трендом на проявление индивидуальности, со стремлением быть непохожими на остальных, а также с откликом на ещё один модный образец – креативность. Другой тренд – на самореализацию через духовные поиски – сопряжён как с верой в сверхъестественное, так и «пробами» себя через «входы» в разные религиозные практики [19], а также попытками психологической саморегуляции и стабилизации внутреннего состояния в условиях неопределённости.

Интеграция молодёжи в общество через включение в деятельность благотворительных или гуманитарных организаций (в них состоят 18% респондентов), как наиболее значимая из анализируемых, традиционна для российского культурного контекста, глубоко связана с милосердием и отчасти с его современной версией – жалостливостью, которая сопровождается символически значимым действием своевременного сочувствия. Следующими по распространению являются включённости в молодёжные объединения и профсоюзы (в них состоят по 12% опрошенных в обоих случаях). Оба вида деятельности

имеют схожий историко-культурный генезис. В советский период эти организации имели устойчивые статусы, обладали финансовыми ресурсами, выполняли функции лифтов социальной мобильности. В постсоветский – их число многократно увеличилось, а статус понизился, в современных условиях молодёжные организации хотя и переживают институциональное возрождение «сверху», но пользуются авторитетом лишь у части молодёжи.

Доли респондентов менее 10% зафиксированы в отношении членства в профессиональных ассоциациях (учителей, врачей, учёных, работников сельского хозяйства и т. д.), в организациях по защите окружающей среды, обществе защиты прав потребителей.

Анализ сопряжённостей между включённостью опрошенной молодёжи в деятельность по саморазвитию и наиболее распространённой включённостью в деятельность общественных организаций (благотворительные и гуманитарные, молодёжные объединения и профсоюзы) с применением статистики χ^2 показал наличие связи на статистически значимом уровне (во всех случаях $p = 0,000$). Это означает, что разные активности пересекаются или одна активность влечёт за собой другую. Более того, саморазвитие не исключает участие в деятельности общественных организаций. Так, среди активных «спортсменов» – 36% включённых в деятельность гуманитарных или благотворительных организаций¹, 34% – в деятельность молодёжных объединений и 20% – в деятельность профсоюзов; среди активных участников церковных и религиозных организаций – 45, 26 и 29% соответственно; среди активных участников художественных, музыкальных или культурно-просветительских объединений – 51, 45 и 31% соответственно. Этот феномен «множественных» активностей релевантен и для совмещения неполитической и политической активностей, т. е. и они не конкурируют, а дополняют друг друга [11].

Рассмотрим проявления социальной активности и активности, направленной на саморазвитие², в разных группах молодёжи, опираясь на анализ сопряжённостей с применением статистики χ^2 . Полученные данные говорят о том, что только тип занятости дифференцирует молодёжь по её включённости во все перечисленные выше организации. Наиболее высокая спортивная активность характерна для совмещающих учёбу и работу, причём между ними существуют различия по уровню активности – в зависимости от того, какая из этих деятельностей является основной, а какая – вторичной. Так, среди студентов со вторичной занятостью суммарная доля активно и нерегулярно участвующих в работе спортивных организаций составляет 52%; среди тех, кто работает и учится, – 42% (см. табл. 2). Высокие показатели и в группе учащейся молодёжи – 37% опрошенных. *Студенты вузов и техникумов совпадают по участию во всех институциональных*

¹ Здесь и ниже приведены суммы долей активно и нерегулярно участвующих.

² В статье описан анализ связей между социальной и направленной на саморазвитие активностями и социально-демографическими показателями только по формам активностей, распространённым от 10% и более.

формах активностей – независимо от их направленности¹. Среди работающей молодёжи доля включённых в саморазвитие посредством спорта составляет 21%.

Таблица 2

Сопряжённость между социально-демографическими показателями и институциональными формами социальной активности и активности, направленной на саморазвитие, 2025, %

Социально-демографические показатели		Церковная или религиозная организация			Спортивная организация			Художественное, музыкальное или культурно-просветительское объединение		
		Активно участвуют	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками
возраст, лет	18–22	5	11	84	14	19	67	9	13	78
	23–26	3	11	86	10	17	73	6	10	84
	27–31	4	13	83	7	13	80	4	9	87
	32–35	3	13	84	5	13	82	4	8	88
пол	муж.	3	9	88	10	16	74	4	6	90
	жен.	4	15	81	7	15	78	7	13	80
тип занятости	работают	4	12	84	7	14	79	5	9	86
	учатся	3	10	87	18	19	63	11	13	76
	учатся и работают	7	15	78	23	29	48	9	21	70
	работают и учатся	9	17	74	15	27	58	14	16	70
	временно не работают и не учатся	6	6	88	2	6	92	3	7	90
	безработные	0	7	93	0	17	83	2	5	93
тип поселения	мегаполисы	6	11	83	12	14	74	6	7	87
	областные, краевые, республиканские центры	3	11	86	9	17	74	6	11	83
	районные центры, города, не являющиеся районными	3	11	86	8	15	77	6	10	84
	ПГТ	5	16	79	10	13	77	6	7	87
	село	5	14	81	6	15	79	4	10	86

¹ Между дифференцированными группами студентов и формами институциональной активности связь на статистически значимом уровне отсутствует.

Окончание табл. 2

Социально-демографические показатели		Гуманитарная или благотворительная организация			Молодёжные общественные организации, объединения			Профсоюз		
		Активно участвуют	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками
возраст, лет	18–22	5	16	79	8	16	76	3	7	90
	23–26	4	12	84	4	9	87	4	8	88
	27–31	4	12	84	2	5	93	3	7	90
	32–35	6	14	80	2	6	92	5	9	86
пол	муж.	4	12	84	4	8	88	4	7	89
	жен.	5	14	81	4	9	87	4	8	88
тип занятости	работают	4	13	83	3	6	91	4	8	88
	учатся	5	17	78	10	19	71	2	2	96
	учатся и работают	7	22	71	11	24	65	2	20	78
	работают и учатся	4	16	80	10	14	76	5	11	84
	временно не работают и не учатся	2	12	86	2	5	93	2	2	96
	безработные	3	4	93	0	5	95	2	5	93
тип поселения	мегаполисы	9	9	82	7	10	83	1	3	96
	областные, краевые, республиканские центры	4	15	81	3	10	87	4	9	87
	районные центры, города не являющиеся районными	4	13	83	5	7	88	4	8	88
	ПГТ	3	16	81	3	7	90	5	8	87
	село	3	13	84	3	8	89	4	7	89

Примечание. Цветом залиты ячейки, между показателями которых связь на статистически значимом уровне отсутствует.

Причастность к художественным, музыкальным или культурно-просветительским объединениям выделяет одарённую молодёжь и/или пытающуюся раскрыть свой талант. Эти активности связаны с творческой самореализацией, но и здесь обнаруживается значимость совмещения учёбы и работы. Среди тех, кто совмещает работу с учёбой, и студентов со вторичной занятостью доли

по сумме активно и нерегулярно участвующих в этих организациях составляют треть. Среди тех, кто только учится, – около четверти. Среди работающих каждый седьмой респондент находит время на участие в художественных, музыкальных и культурно-просветительских объединениях.

Духовные поиски, проявляющиеся в посещении церковных или религиозных организаций, также более распространены в группах молодёжи с совмещённой занятостью. Так, доля участников этих организаций среди работающих и одновременно получающих образование составила 26%, среди тех, кто учится и работает, – 24%, от них значительно отличаются работающие и учащиеся респонденты, их доли составили 16 и 13% соответственно. Включённость в большее количество социальных отношений связана с более высокой активностью молодёжи в саморазвитии.

Невключённость молодёжи в структуру занятости (временно не работающие и не учащиеся, безработные) за редким исключением ведёт к самой низкой активности или неучастию в измеренных её институциональных формах.

Иную иерархию задаёт тип занятости по участию в деятельности гуманитарных или благотворительных организаций: среди студентов со вторичной занятостью – 29%, среди учащихся – 22%, среди тех, кто работает и учится – 20%, среди работающих – 17%. В этой иерархии просматривается институциональное воздействие на студентов разных форм обучения, которое в сочетании с трудовой занятостью обеспечивает наибольшую включённость в социальную жизнь, интеграцию в общество через благотворительную деятельность и гуманитарные проекты.

Множественные социальные связи, опосредованные совмещением разных типов занятости, и в профсоюзной деятельности ведут к большей включённости молодёжи в неё. Так, в группе респондентов, совмещающих учёбу и работу – 22% причастных к работе профсоюзов, среди тех, кто работает и учится – 16%, а среди работающих – 12%, среди учащейся молодёжи – всего 4%. Но только среди студентов со вторичной занятостью доля участвующих «от случая к случаю» в 10 раз больше доли активных членов профсоюза, что может означать ограничение активности участием в спортивных и досуговых мероприятиях, организованных профсоюзами.

Явное воздействие института образования обнаруживается и в сопряжённости типа занятости и участия в деятельности молодёжных общественных организаций и объединений. Респонденты, так или иначе связанные с получением образования, наиболее активны. Среди тех, кто работает и учится – 35% участников этих организаций, среди тех, кто только учится, – 29%, среди тех, кто учится и работает, – 24%, среди работающих – 9%.

С типом занятости отчасти связан возраст. В большинстве случаев с возрастом вовлечённость молодёжи в общественные и иные организации снижается. Так, спортивные организации среди 18–22-летних и 23–26-летних посещают 33 и 27% респондентов соответственно, а среди 27–31-летних и 32–35-летних – 20 и 18%; художественные, музыкальные и культурно-просветительские объединения посещают 22 и 16% и 13 и 12% респондентов соответственно.

Эта тенденция характерна и для включённости в молодёжные организации. В их деятельности участвуют среди 18–22-летних и 23–26-летних 24 и 13% респондентов соответственно, а среди 27–31-летних и 32–35-летних – 7 и 8%. Между включённостью в религиозные организации и возрастом связь на статистически значимом уровне отсутствует.

Возраст менее резко дифференцирует молодёжь по включённости в деятельность профсоюзов: среди 18–22-летних и 23–26-летних в этих организациях состоят 10 и 12% респондентов соответственно, а среди 27–31-летних и 32–35-летних – 10 и 14%. Хотя при этих процентных соотношениях объём выборки позволяет говорить о бóльшей представительности самых «старших» в профсоюзах, что закономерно с погружением в трудовую/профессиональную занятость.

Вовлечённость в деятельность благотворительных или гуманитарных организаций в большей степени сближает 18–22-летних (21%) и 32–35-летних (20%), от них отличаются меньшей активностью обе «средние» группы (по 16%). Сходство проявления «младших» и «старших» по рассмотренному показателю скорее всего имеет различные основания, можно предположить, что это стремление быстро увидеть конкретный результат, желание выделиться первых и социальная ответственность вторых. Но в целом данные позволяют сделать вывод об относительной устойчивости вовлечённости молодёжи в благотворительную деятельность.

Анализ взаимосвязи гендера и рассматриваемых видов активности показал, что молодые женщины более активны, чем молодые мужчины. Так, среди женщин участвуют в благотворительности 19%, среди мужчин – 16%. Более значимые различия проявились в активностях по саморазвитию: в систему институциональных религиозных практик включены 19% женщин и 12% мужчин, творческие способности совершенствуют 20% женщин и 10% мужчин. Различия между мужчинами и женщинами по участию в религиозных организациях, с одной стороны, традиционны, с другой стороны, могут объясняться тем, что мужчины удовлетворяют духовные потребности вне институциональных практик. Различия в причастности к художественным, музыкальным или культурно-просветительским объединениям скорее всего – проявление инерции стереотипного мышления: достаточно долго эта сфера считалась преимущественно женской. Исключение составляет спортивная активность. Среди мужчин 26% занимаются спортом, среди женщин – 22%. Но и здесь нужно учитывать, что речь идёт об институциональных формах этой активности. Гендер не дифференцирует молодёжь по включённости в деятельность молодёжных организаций и профсоюзов.

Тип поселения в активности, направленной на саморазвитие, дифференцирует молодёжь только в связи с духовными поисками, религиозными практиками. В меньшей степени эта деятельность свойственна молодёжи из областных, краевых и республиканских центров и малых городов (по 14% причастных к религиозным организациям). В остальных группах – жителей сёл, мегаполисов и ПГТ – вовлечённость в религиозные организации составляет 17, 19 и 21%

соответственно. Фиксация подобной дифференциации требует дополнительных исследований и объяснения.

Что касается социальной активности, то наиболее значительно типы поселения различают молодёжь по включённости в деятельность профсоюзов.

Самими низкими показателями участия выделяются молодые жители мегаполиса (всего 4% состоят в профсоюзах). Вероятно, шансы трудоустройства в мегаполисах, наличие большого количества крупных компаний, как и склонность новых поколений к частой смене организаций, не способствуют формированию потребности в защите своих трудовых прав. Эти данные показывают и низкий уровень вовлечённости молодёжи мегаполисов в мероприятия, организуемые профсоюзами, что может свидетельствовать об удовлетворённости её потребностей в активном досуге городской инфраструктурой. Молодые жители остальных поселений, выделяясь на фоне молодёжи мегаполисов более высокими показателями активности (11–13%), не имеют таких возможностей и чаще используют ресурсы профсоюзов. Исключением в этой группе является молодёжь областных, республиканских и краевых центров, чья активность не может быть интерпретирована внешними факторами. Следовательно, это вопрос для разрешения в последующих исследованиях.

Ценностно-смысловые регуляторы институциональных форм активности

Специфика саморегуляции участия опрошенной молодёжи в институциональных формах активности позволяет выделить две группы. В *первой группе* – «спортсмены», участники деятельности благотворительных или гуманитарных и молодёжных организаций. В основаниях их активностей преобладают *смыслы современной культуры*. Во *второй группе* – причастные к деятельности художественных, музыкальных и культурно-просветительских, церковных и религиозных организаций, а также профсоюзов, основания их участия в этих организациях *гибридны, сочетают смыслы современной культуры с вкраплением традиционных ориентаций*.

Итак, подробнее о первой группе респондентов в соотношении активностей с ценностно-смысловыми основаниями. «Спортивная» активность, не только самая распространённая из анализируемых видов, но и наиболее ценностно обусловленная: характеризуется связью на статистически значимом уровне с 9 из 10 пар показателей ценностей¹ (см. табл. 3). Это ещё и косвенный показатель приоритетности здоровья и хорошей физической формы в молодёжной среде.

¹ Статистика χ^2 , во всех случаях $p = 0,000$.

Таблица 3

**Сопряжённость между альтернативными ценностными суждениями
и институциональными формами социальной активности, а также активности,
направленной на саморазвитие, 2025, %**

Альтернативные ценностные суждения	Церковная или религиозная организация			Спортивная организация			Художественное, музы- кальное или культур- но-просветительское объединение		
	Активно участвуют в её работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют в её работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют в его работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками
1 Равенство возмож- ностей для прояв- ления способностей каждого человека важнее... или	4	13	83	10	15	75	6	9	85
Равенство доходов, положения и усло- вий жизни каждого человека важнее...	3	11	86	6	15	79	4	9	87
2 Свобода – это воз- можность быть са- мому себе хозяином или	3	12	85	8	16	76	5	9	86
Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах	4	12	84	11	17	72	8	12	80
3 Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл или	4	12	84	9	17	74	7	10	83
Главное в жизни – материальное благо- получие, а свобода второстепенна	5	11	84	7	12	81	4	8	88
4 Главное – это уваже- ние к сложившимся традициям... или	6	11	83	8	12	80	5	10	85
Главное – это иници- атива, предприимчи- вость...	2	12	86	10	18	72	6	10	84

Продолжение табл. 3

Альтернативные ценностные суждения		Церковная или религиозная организация			Спортивная организация			Художественное, музы- кальное или культур- но-просветительское объединение		
		Активно участвуют в её работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют в её работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют в его работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками
5	Уверен, что смогу обеспечить себя и свою семью сам... <i>или</i>	3	12	85	10	16	74	6	9	85
	Без материальной поддержки со сто- роны государства мне и моей семье выжить сложно	4	13	83	7	15	78	5	12	83
6	Руководителям нужно подчиняться, независимо... <i>или</i>	4	12	84	8	13	79	6	9	85
	Руководителям нужно подчиняться, только если ...	2	14	84	9	17	74	6	10	84
7	Только на интерес- ную работу можно потратить значи- тельную часть жизни <i>или</i>	3	14	83	11	19	70	7	13	80
	Главное в работе – это сколько за неё платят	4	10	86	6	13	81	4	8	88
8	Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше... <i>или</i>	3	12	85	11	17	72	7	10	83
	Жить как все лучше...	4	12	84	6	14	80	4	9	87

Продолжение табл. 3

Альтернативные ценностные суждения		Церковная или религиозная организация			Спортивная организация			Художественное, музы- кальное или культур- но-просветительское объединение		
		Активно участвуют в её работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют в её работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют в его работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками
9	В решении своих проблем молодые люди должны преимущественно рассчитывать на свои силы... или	3	12	85	10	17	73	6	10	84
	Молодые люди не могут решить свои проблемы самостоятельно...	4	12	84	7	14	79	4	11	85
10	Для достижения успеха в жизни надо рисковать... или	5	13	82	9	16	75	6	11	83
	Лучше не рисковать, а постепенно...	3	10	87	9	16	75	5	10	85

Альтернативные ценностные суждения		Гуманитарная или благотворительная организация			Молодёжные общественные органи- зации, объединения			Профсоюзы		
		Активно участвуют в её работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют в их работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют в их работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками
1	Равенство возможностей для проявления способностей каждого человека важнее... или	5	14	81	4	9	87	4	8	88
	Равенство доходов, положения и условий жизни каждого человека важнее...	4	11	85	4	7	89	3	8	89

Продолжение табл. 3

Альтернативные ценностные суждения		Гуманитарная или благотворительная организация		Молодёжные общественные органи- зации, объединения			Профсоюзы			
		Активно участвуют в её работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют в их работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют в их работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками
2	Свобода – это воз- можность быть са- мому себе хозяином <i>или</i>	4	13	83	4	7	89	4	7	89
	Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах	6	15	79	5	10	85	5	10	85
3	Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл <i>или</i>	5	14	81	4	10	86	4	9	87
	Главное в жизни – материальное благо- получие, а свобода второстепенна	4	11	85	3	6	91	3	6	91
4	Главное – это уваже- ние к сложившимся традициям... <i>или</i>	5	13	82	3	7	90	4	9	87
	Главное – это иници- атива, предприимчи- вость...	4	13	83	5	9	86	3	6	91
5	Уверен, что смогу обеспечить себя и свою семью сам... <i>или</i>	5	14	81	5	8	87	4	8	88
	Без материальной поддержки со сто- роны государства мне и моей семье выжить сложно	4	13	83	3	9	88	4	9	87
6	Руководителям нужно подчиняться, независимо... <i>или</i>	5	12	83	4	8	88	4	8	88
	Руководителям нужно подчиняться, только если ...	4	15	81	4	9	87	4	8	88

Окончание табл. 3

Альтернативные ценностные суждения		Гуманитарная или благотворительная организация			Молодёжные общественные органи- зации, объединения			Профсоюзы		
		Активно участвуют в её работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют в их работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками	Активно участвуют в их работе	Участвуют от случая к случаю	Не являются участниками
7	Только на интерес- ную работу можно потратить значи- тельную часть жизни <i>или</i>	5	16	79	6	11	83	5	10	85
	Главное в работе – это сколько за неё платят	4	11	85	2	5	93	3	6	91
8	Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше... <i>или</i>	5	15	80	5	11	84	4	8	88
	Жить как все луч- ше...	4	11	85	3	6	91	4	6	90
9	В решении своих проблем молодые люди должны пре- имущественно рас- считывать на свои силы... <i>или</i>	5	13	82	4	8	88	4	7	89
	Молодые люди не могут решить свои проблемы са- мостоятельно...	3	14	83	4	8	88	4	9	87
10	Для достижения успеха в жизни надо рисковать... <i>или</i>	5	14	81	4	8	88	4	8	88
	Лучше не рисковать, а постепенно...	3	14	83	4	9	87	4	8	88

Примечание. Цветом залиты ячейки, между показателями которых связь на статистически значимом уровне отсутствует.

«Спортивная» активность базируется: 1) на приоритете равенства возможностей для проявления способностей каждого человека (среди разделяющих это суждение – 25% респондентов, состоящих в спортивных организациях¹), в меньшей

¹ Здесь и ниже приводится сумма долей активных и «нерегулярных» участников.

степени на представлении о равенстве доходов, положения и условий жизни каждого человека (21%); 2) на современном представлении о том, что свобода человека реализуется в его политических правах и свободах (28%), по сравнению с представлением о том, что свобода – это возможность быть самому себе хозяином (24%); 3) на свободе как смысле жизни (26%) по сравнению с приоритетом материального благополучия и второстепенности свободы (19%); 4) на предпочтении инициативы, предприимчивости, поиска нового в работе и в жизни, готовности к риску оказаться в меньшинстве (28%) по сравнению с уважением к сложившимся традициям, обычаям, со следованием привычному, принятому большинством (20%); 5) на уверенности в том, что смогут обеспечить себя и свою семью сами и потому не нуждаются в материальной помощи со стороны государства (26%), по сравнению с представлением о том, что без материальной поддержки со стороны государства им и их семьям выжить сложно (22%); 6) на представлении, что руководителям нужно подчиняться, только если в целом согласен с их требованиями (26%), в сравнении с представлением о беспрекословном подчинении руководителям (21%); 7) на убеждении, что только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни (30%), по сравнению с установкой на то, что главное в работе – это сколько за неё платят (19%); 8) на предпочтении быть яркой индивидуальностью (28%) по сравнению с представлением «Жить как все лучше, чем выделяться среди других» (20%); 9) на убеждении, что в решении своих проблем молодые люди должны преимущественно рассчитывать на свои силы и не ждать помощи от государства (27%), по сравнению с представлением о том, что молодые люди не могут решить свои проблемы самостоятельно и нуждаются в помощи государства (21%). Единственный показатель, с которым спортивная активность не связана на статистически значимом уровне, – представления о риске и стабильности и об отношении к ним.

Общими ценностно-смысловыми основаниями участия молодёжи в деятельности благотворительных или гуманитарных организаций (7 связей из 10) и молодёжных объединений (5 связей из 10) являются следующие: представление о свободе человека как реализации его политических прав и свобод (его разделяют 21% участников в деятельности благотворительных или гуманитарных организаций и 15% причастных к молодёжным объединениям), свобода как смысл жизни (19 и 14%); убеждение, что только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни (21 и 17%); стремление выделяться, быть яркой индивидуальностью (20 и 14%). Дифференциация по альтернативным представлениям в обоих случаях – 4–5 п. п., т. е. смыслы традиционной культуры менее чем смыслы современной культуры, поддерживают эти активности. Более выражены различия среди респондентов, участвующих в деятельности благотворительных организаций и молодёжных объединений в принятии смыслов, противоположных «интересной работе» и стремлению «выделиться, быть яркой индивидуальностью». Дифференциация по ним в связи с благотворительностью составила 6 и 5 п. п. соответственно, а с включённостью в молодёжные объединения – 10 и 7 п. п.

Ценностные основания включённости в деятельность молодёжных организаций дополняет ориентация на инициативность и предприимчивость (14% респондентов-участников этих организаций её разделяют). В свою очередь, активность в благотворительной деятельности поддерживают ценностная ориентация на равенство возможностей для проявления способностей каждого человека (свойственна 19% опрошенной молодёжи, причастной к благотворительности), установка на подчинение руководителям только при условии согласия с их требованиями (19%), ориентация на свои силы в решении своих проблем, не ожидая помощи от государства (18%). Дифференциация по альтернативным ориентациям в порядке упоминания составляет 4, 2 и 1 п. п.

Таким образом, в первой группе респондентов, объединённых саморегуляцией спортивной, благотворительной активностей и участия в деятельности молодёжных организаций, зримо проявляются *смыслы современной культуры*. Укоренение этих смыслов в культурном пространстве молодёжи ведёт к тому, что они успешно регулируют и традиционные активности, такие как занятия спортом и благотворительность.

Саморегуляция активностей во второй группе опрошенной молодёжи, как уже подчёркивалось выше, представлена гибридными ценностно-смысловыми основаниями, с выраженным преобладанием элементов современной культуры. Так, причастных к творческому саморазвитию (6 связей), духовным поискам (4 связи) и деятельности профсоюзов (4 связи) объединяет современная ориентация на интересную работу. Определение «интересная» применительно к работе включает множество её качеств: от разнообразия функционала, креативной составляющей до взаимодействия с экзотическими объектами и экстрима. Эта ориентация на действие, нисходящая к потребности самореализации в профессиональной деятельности, регулирует и другие деятельностные проявления. Среди причастных к творческому саморазвитию на 8 п. п. больше респондентов, предпочитающих интересную работу, по сравнению с носителями альтернативной ценности, ориентированных на размер её оплаты. Такие различия зафиксированы и по саморегуляции участия в деятельности профсоюзов (6 п. п.), менее значительно – по участию в деятельности религиозных и церковных организаций (3 п. п.).

В основании саморазвития в творчестве и участия в деятельности профсоюзов – современные представления о реализации свободы человека в политических правах (их разделяют 20 и 15% респондентов соответственно) и свободе как смысле жизни (17 и 13%). Среди респондентов, ориентированных на альтернативные ценности, на 6 и 5 п. п. соответственно, меньше тех, кто активно проявляется в творческом саморазвитии, и на 4 п. п. – в деятельности профсоюзов. Вместе с тем участие в деятельности профсоюзов поддерживается традиционной ориентацией на уважение к сложившимся традициям (выбор 13% респондентов). Среди носителей альтернативной ориентации на предприимчивость, инициативность на 4 п. п. меньше причастных к деятельности профсоюзов.

Саморазвитие в творчестве ожидаемо регулирует стремление выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью (среди выразивших эту

установку – 17% «креативщиков»), среди ориентированных на альтернативную ценность «жить как все...» их меньше на 4 п. п. Полагание на материальную помощь со стороны государства ведёт к поддержке этой активности несколько в большей степени, чем уверенность в том, что можно самостоятельно обеспечить себя и свою семью, 17 и 15% соответственно. Следующий результат иллюстрирует более сбалансированную гибридность в саморегуляции творческой активности молодёжи: при наличии связи на статистически значимом уровне различия в активности, обусловленной, альтернативными ориентациями, имеют меньшие значения. Так, среди респондентов, убеждённых в том, что молодые люди в решении своих проблем должны рассчитывать на свои силы – 16% «креативщиков», а среди разделяющих противоположное суждение о том, что молодые люди не могут решить свои проблемы самостоятельно – 15%.

Гибридность ценностно-смысловых оснований в саморегуляции религиозной активности молодёжи обнаруживает парадоксальное сочетание. Среди респондентов, имеющих установки на риск в достижении успеха, 18% находятся в духовных поисках, среди ориентированных на уважение к традициям – 17%. Дифференциация по противоположным ориентациям – на 5 и 3 п. п. соответственно меньше. По установкам на самообеспечение и ожидание помощи от государства при наличии связи на статистически значимом уровне суммы долей активных и «нерегулярных» участников совпадают и составляют 16%.

Гражданский активизм российской молодёжи

Признанным актором социальных изменений являются общественные движения и объединения. Их деятельность организуют и осуществляют так называемые пассионарии – убеждённые и осознанные преобразователи социальной системы, а иногда и глобального мира. Однако и это не исключает для молодых людей возможности совместного времяпровождения и, для кого-то, очередной «тусы» с друзьями и/или новыми знакомыми как мотива участия в деятельности таких движений.

Границы участия в общественных движениях и объединениях задаются значениями от < 1% (по более чем половине движений) до 4% (экологические движения) (см. табл. 4).

Таблица 4

*Участие респондентов в различных общественных движениях
и объединениях, отношение к ним, 2025, %*

Общественные движения	Слышали о таких движениях	Одобрят их деятельность, но сами в ней не участвуют	Участвуют в их деятельности	Не слышали
Экологические	46	36	4	14
Национально-патриотические	47	25	3	25

Окончание табл. 4

Общественные движения	Слышали о таких движениях	Одобрят их деятельность, но сами в ней не участвуют	Участвуют в их деятельности	Не слышали
Оппозиционные	54	8	1	37
Националистические	49	5	1	45
Антиглобалистские	36	5	0,5	58
Проправительственные	38	6	0,5	55
Правозащитные	45	27	1	26

Как видно из таблицы 4, 3% молодёжи причастны к национально-патриотическим объединениям. Бóльшая вовлечённость молодёжи в эти движения связана с их планомерной институциональной поддержкой (от информационной до событийной). В деятельности правозащитных объединений участвует 1% респондентов. Доля молодых людей, одобряющих, но не участвующих в экологических движениях, составляет 36%, в правозащитных – 27%, в национально-патриотических – 25%. Остальные движения получили одобрение от 5% (националистические и антиглобалистские) до 8% (оппозиционные) респондентов.

Наиболее высокую осведомлённость опрошенная молодёжь проявила по отношению к оппозиционным (54% респондентов) и националистическим (49%) движениям, что, скорее всего, связано с интенсивным освещением их деятельности в электронных СМИ. Об экологических, правозащитных и национально-патриотических движениях осведомлена также значительная часть респондентов, их доля составляет 46, 47 и 45% соответственно. Менее других известны в молодёжной среде антиглобалистские и проправительственные движения, о них осведомлены 36 и 38% опрошенных соответственно.

Фокус более детального анализа направлен на участие молодёжи в экологических и национально-патриотических объединениях¹. В экологические движения в большей степени вовлечена молодёжь 18–26 лет². С возрастом осведомлённость об этих движениях и одобрение их деятельности растут, а участие в них снижается, что обусловлено динамикой жизненного цикла, например – вступлением в брак, изменением ценностной структуры и экзистенциальных целей молодого человека.

В отношении национально-патриотических объединений ситуация несколько другая: участие в них и одобрение их деятельности с возрастом растут, а осведомлённость об их существовании колеблется в возрастных группах в пределах 2–3%. Это связано с действием социального опыта, осознанием себя не только как индивидуальности, но и как представителя этнической группы, гражданина.

Гендерные различия обнаружены в отношении причастности к деятельности экологических движений. Среди женщин больше и участниц этих движений,

¹ Это объясняется бóльшим участием молодёжи в них по сравнению с другими движениями.

² Анализ сопряжённостей с применением статистики χ^2 , $p < 0,05$.

чем среди мужчин (5 женщин и 2% мужчин), и одобряющих их деятельность (40 и 32% соответственно), но меньше осведомлённых об их деятельности (42 и 50%). Возможно, это связано с предрасположенностью женщин к обустройству пространства жизнедеятельности и большей ответственностью за жизнь потомков.

Влияние типа занятости на участие в экологических движениях проявилось следующим образом: более активны совмещающие учёбу с работой (9% опрошенных) и учащиеся (8%), менее – сочетающие работу с учёбой (5%), среди них доли одобряющих деятельность этих движений составляют 39, 36 и 30% соответственно. Студенты вузов и техникумов не дифференцируются в рассматриваемом случае. Среди тех, кто связан с учёбой, более всего осведомлены об экологических движениях совмещающие работу с учёбой (53% опрошенных). Показатели участия в этих движениях работающих респондентов близки к средним значениям по массиву. Внутри этой большой группы на уровне участия более активны руководители среднего и низшего звена (7% опрошенных), предприниматели (6%) и самозанятые (6%).

Участием в национально-патриотических движениях выделились совмещающие работу с учёбой (8% опрошенных) и учащиеся (4%). В этих группах, доли одобряющих деятельность таких движений составили 24 и 22%, а осведомлённых о существовании таких объединений – 46 и 50% соответственно. *В группе учащихся респондентов больше участников национально-патриотических движений и одобряющих их деятельность среди студентов техникумов (7 и 28% опрошенных) по сравнению со студентами вузов (3 и 19% соответственно).* Респонденты, совмещающие учёбу и работу, выделяются уровнем одобряющих деятельность национально-патриотических движений (34%), и уровнем осведомлённых о них (51%), а доля участвующих в этих движениях среди них ничтожно мала. И в этом случае показатели отношения к движению работающей молодёжи остаются на уровне средних распределений по массиву. В этой группе более активным участием отличаются руководители, заместители руководителей предприятий, учреждений (12% респондентов), предприниматели (6%). Незанятая молодёжь выделяется меньшими долями участия в этих движениях и большей частью неосведомлённых об их существовании.

Анализ ценностных регуляторов проявления активности молодёжи в экологических движениях и национально-патриотических объединениях показал, что при наличии между некоторыми показателями связи на статистически значимом уровне различия по показателю участия составили 1–2% между респондентами, ориентированными на современные или традиционные ценности и смыслы, а по показателю одобрения деятельности общественного движения значения чаще всего совпадают.

Более других поддерживают своим участием экологические и национально-патриотические движения респонденты, разделяющие представления о реализации свободы человека в его политических правах, об интересной работе, стремящиеся выделяться, быть яркой индивидуальностью. Ценностные

основания участия в «зелёных» движениях дополняются ориентацией на свободу как смысл жизни, а участия в национально-патриотических – приоритетностью равенства возможностей для проявления способностей каждого человека, расчётом на собственные силы в решении своих проблем и традиционной установкой на безусловное подчинение руководителю. И здесь в саморегуляции участия и отношения – доминирование современных ценностей. Однако минимальные различия между носителями современных и традиционных смыслов свидетельствуют об устойчивой гибридности социокультурных оснований участия молодёжи в экологических и национально-патриотических движениях.

Заключение

Соотношение в молодёжной среде институциональных форм социальной активности, гражданского активизма и деятельности, направленной на саморазвитие, показало, что молодёжь более всего интегрируется в деятельность по физическому саморазвитию, по реализации творческой активности и в систему религиозных практик. При этом тренд на выбор индивидуализированных форм активности и на явный приоритет самореализации в молодёжной среде устойчиво сочетается с просоциальными активностями, направленными на общее благо. Основания интеграции молодёжи в общество, таким образом, тоже расширяются.

Активность, независимо от её направленности, продуцирует другую активность, и множественные социальные связи, как это показало совмещение разных типов занятости, увеличивают шанс включённости молодёжи в ту или иную институциональную форму активности или активизма. Следовательно, взаимосвязь между активностью, нацеленной на саморазвитие, и включённостью в институциональные формы социальной активности, их сопряжённости с множественными социальными связями дают положительные результаты, а значит – заслуживают не просто продолжения институциональной поддержки, а развития. Осознание активности как многосоставного феномена и стимулирование синергии разных видов активностей являются одной из значимых задач молодёжной политики, нацеленных на расширение каналов интеграции молодёжи в общество.

Концентрация молодёжи на деятельности благотворительных или гуманитарных, профсоюзных, молодёжных организаций, экологических и национально-патриотических движений выявила приоритетные сферы социальной активности и гражданского активизма. Эта концентрация отражает совпадение потребностей молодёжи с институциональными возможностями включения в общественную жизнь. Однако реальное участие в этих организациях существенно дифференцировано по типам поселения, причём в отношении молодёжи краевых и республиканских центров дифференциацию не объяснить однозначно низким потенциалом инфраструктуры и недостатками организации жизненного пространства.

В ядре ценностно-смысловых оснований саморегуляции рассмотренных форм активностей преобладают ценности современной культуры либо в однозначном («чистом») варианте, либо в гибридном. Деятельность на общественное благо поддерживается не только ориентацией на интересную работу (имплицитно на преодоление каждодневной рутины), стремлением продемонстрировать яркую индивидуальность, но и реализацией политических прав и свобод, пониманием свободы как смысла жизни. Из традиционных ценностей проявились уважение к сложившимся традициям, установка на безусловное подчинение руководителю. Это отражает взаимодействие ценностно-смысловых элементов современной и традиционной культур в саморегуляции изучаемых активностей. Представляя собой противоречивое единство, каждая из культур по-своему поддерживает интеграционный процесс. Опора на синтез традиционных и современных смыслов в стратегиях молодёжной политики может оптимизировать условия для социальной активности разных групп молодёжи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Зубок Ю. А., Березуцкий Ю. В.* Социальная активность молодёжи: мировоззренческие основания саморегуляции // *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 2 (91). С. 89–105. DOI [10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105). EDN [UOMSPG](#).
2. *Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Гурарий А. Д.* Типологизация практик неполитической активности городской молодёжи: формы, мотивация, барьеры // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 1. С. 243–257. DOI [10.15838/esc.2022.1.79.13](https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.13). EDN [JLFUKZ](#).
3. *Костина Е. Ю., Орлова Н. А.* Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодёжи // *Вестник Института социологии*. 2022. Т. 13, № 1. С. 129–143. DOI [10.19181/vis.2022.13.1.778](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.778). EDN [QUKZSX](#).
4. Социальная активность российской молодёжи: концептуально-психологические факторы / П. А. Ефимова, З. Х. Лепшокова, А. Г. Яшина [и др.] // *Вопросы теоретической экономики*. 2025. № 1. С. 113–126. DOI [10.52342/2587-7666VTE_2025_1_113_126](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2025_1_113_126). EDN [AQADIP](#).
5. *Григорьева М. В., Шаров А. А., Заграничный А. И.* Структура и мотивация социальной активности и её соотношение с гражданским самосознанием молодёжи // *Социальная психология и общество*. 2022. Т. 13, № 1. С. 142–158. DOI [10.17759/sps.2022130109](https://doi.org/10.17759/sps.2022130109). EDN [RTJRNQ](#).
6. *Логинов Д. М., Янковская М. А.* Массовые практики социальной активности студенческой молодёжи // *Вопросы теоретической экономики*. 2023. № 1 (18). С. 100–113. DOI [10.52342/2587-7666VTE_2023_1_100_113](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_1_100_113). EDN [MHNQWF](#).
7. *Пилипенко А. Э., Пантелеев В. Г.* Социальная активность студенческой молодёжи: опыт исследования смысловых представлений // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2021. № 3 (284). С. 84–97. DOI [10.53598/2410-3691-2021-3-284-84-97](https://doi.org/10.53598/2410-3691-2021-3-284-84-97). EDN [PVFFIQ](#).
8. *Шаров А. А.* Структура мотивации молодых людей и их социальная активность в условиях функционирования общества // *Российский психологический журнал*. 2023. Т. 20, № 1. С. 20–32. DOI [10.21702/rpj.2023.1.2](https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.2). EDN [LYRSAA](#).

9. Щемелева И. И. Социальная активность студенческой молодёжи: факторный и кластерный анализ // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 133–141. DOI [10.31857/S013216250004594-6](#). EDN [ZQRMQP](#).
10. Арендачук И. В. Ценностно-смысловые факторы социальной активности молодёжи в разных условиях жизнедеятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, № 4. С. 346–358. DOI [10.18500/2304-9790-2018-7-4-346-358](#). EDN [YWMVID](#).
11. Седова Н. Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71. EDN [SJUOAN](#).
12. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях неопределённости. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодёжи. М. : Academia, 2008. 272 с. ISBN 978-5-87444-300-9. EDN [XSNCSZ](#).
13. Зубок Ю. А. Социальная интеграция молодёжи в условиях нестабильного общества. М. : Социум, 1998. 142 с. ISBN 5-85085-341-3. EDN [XREERT](#).
14. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодёжи. М. : Мысль, 2007. 288 с. ISBN 978-5-244-01085-5. EDN [VJCPYE](#).
15. Жизненные позиции молодёжи: смысловые основания формирования / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, А. С. Любутов, О. В. Сорокин // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 3. С. 79–98. DOI [10.19181/vis.2021.12.3.738](#). EDN [YXTHRJ](#).
16. Леонтьев Д. А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт // Мир психологии. 2014. № 1 (77). С. 104–117. EDN [SCXUZB](#).
17. Худавердян В. Ц. Активизм молодёжный // Социология молодёжи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М. : Academia, 2008. С. 11. EDN [SBXXMR](#).
18. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодёжь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М. : Юридическое издательство «Норма», 2020. 304 с. ISBN 978-5-00156-082-1. EDN [WLJWBA](#).
19. Кублицкая Е. А., Лютенко И. В. Традиционная религиозность и нетрадиционные религиозные учения в жизни российской молодёжи: социально-педагогические аспекты // ЦИТИСЭ. 2019. № 5 (22). С. 478–493. DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](#). EDN [BWYSYK](#).

Сведения об авторах

Н. А. Селиверстова

доктор социологических наук, профессор
главный научный сотрудник
главный научный сотрудник
SPIN-код: [8134-7636](#)

Ю. А. Зубок

доктор социологических наук, профессор
и. о. директора
главный научный сотрудник
SPIN-код: [2160-6341](#)

Вклад авторов:

Н. А. Селиверстова – 60% (разработка общетеоретической и методологической основы исследования; обзор научных публикаций по теме, анализ данных и их визуализация; написание текста статьи, его редактирование;

оформление текста по требованиям журнала);
Ю. А. Зубок – 40% (определение социальной и научной проблемы; разработка
общетеоретической и методологической основы исследования;
написание текста статьи, его редактирование).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила в редакцию 12.07.2026; одобрена после рецензирования 20.07.2026;
принята к публикации 15.08.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.3.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.6)

VALUE-SEMANTIC SELF-REGULATION OF YOUTH SOCIAL ACTIVITY

Nina Anatol'evna Seliverstova¹
Yuliya Albertovna Zubok²

^{1, 2} FCTAS RAS,
Moscow, Russia

^{1, 2} SPbSU,
Saint Petersburg, Russia

¹ nina.seliverstova@spbu.ru,
ORCID [0000-0001-9691-3020](https://orcid.org/0000-0001-9691-3020)

² y.a.zubok@spbu.ru,
ORCID [0000-0002-3108-2614](https://orcid.org/0000-0002-3108-2614)

For citation: Seliverstova N. A., Zubok Yu. A. Value-semantic self-regulation of youth social activity. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):97–127. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.3.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.6).

Annotation. This article analyzes the manifestations of youth social activity and sociocultural regulation of them. The inclusion of youth in institutional forms of social activity is compared with practices of civic activism and activities aimed at self-development. Young people are most integrated into activities focused on physical self-development, creative pursuits, and religious practices. The trend toward individualization and a clear priority for self-realization among youth consistently coexists with prosocial activities aimed at the common good, which dialectically complicates and simultaneously diversifies the paths of their integration into society. Areas of social activity of youth include humanitarian/charitable, trade union, youth organizations, environmental, and national-patriotic movements. Involvement in various institutional forms of activity, as well as combination of different types of employment, increases young people's participation also in other activities. The core value-meaning foundations of self-regulation are represented by contemporary cultural values, either by their "pure" or hybrid form. Activities for common good are supported by a focus on the following: interesting work (implicitly, overcoming the daily grind), a desire to demonstrate a vibrant individuality, the realization of political rights and freedoms, and an understanding of freedom as the meaning of life. Among traditional values, respect for established traditions and a commitment to unconditional obedience to leadership emerged. The value-meaning elements of modern and traditional cultures as regulators of activity contradict but also complement each other, making sociocultural self-regulation more variable.

Keywords: youth, value-based self-regulation, social activity, self-development, civic activism, integration processes

Acknowledgments: the authors acknowledge Saint-Petersburg State University for a research project 126022517962-3.

REFERENCES

1. Zubok Yu. A., Berezutskiy Yu. V. Social activity of youth: ideological foundations of self-regulations. *Power and administration in the East of Russia=Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2020;2(91):89–105. (In Russ.) DOI [10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105).
2. Antonova N. L., Abramova S. B., Gurarii A. D. Classification of non-political participation practices of urban youth: Forms, motivation, barriers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast=Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2022;15(1):243–257. (In Russ.) DOI [10.15838/esc.2022.1.79.13](https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.13).
3. Kostina E. Y., Orlova N. A. Social activity and social responsibility in the ideas and practices of modern youth. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik Instituta sotziologii*. 2022;13(1):129–143. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2022.13.1.778](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.778).
4. Efimova P. A., Lepshokova Z. Kh., Iashina A. G., [et al.] The social activity of Russian youth: contextual and psychological factors. *Issues of Economic Theory=Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2025;(1):113–126. (In Russ.). DOI [10.52342/2587-7666VTE_2025_1_113_126](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2025_1_113_126).
5. Grigoryeva M. V., Sharov A. A., Zagranichniy A. I. The structure of social activity and its correlation with the civic Consciousness of young people. *Social Psychology and Society=Sotsial'naja psikhologiya i obshchestvo*. 2022;13(1):142–158 (In Russ.). DOI [10.17759/sps.2022130109](https://doi.org/10.17759/sps.2022130109).
6. Loginov D. M., Yankovskaya M. A. Student youth' social activity mass practices. *Issues of Economic Theory=Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2023;1(18):100–113. (In Russ.) DOI [10.52342/2587-7666VTE_2023_1_100_113](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_1_100_113).
7. Pilipenko A. E., Pantelev V. G. Social activity of students: experience in research of semantic ideas. *Bulletin of the Adyge State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies=Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filsofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. 2021;(3):84–97. (In Russ.). DOI [10.53598/2410-3691-2021-3-284-84-97](https://doi.org/10.53598/2410-3691-2021-3-284-84-97).
8. Sharov A. A. The structure of motivation of young people and their social activity in the complicating conditions of society functioning. *Russian Psychological Journal=Rossiiskij psixologicheskij zhurnal*. 2023;20(1):20–32. (In Russ.). DOI [10.21702/rpj.2023.1.2](https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.2).
9. Shchemeleva I. I. Social activity of the student youth: factor and cluster analysis. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019;(4):133–141. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250004594-6](https://doi.org/10.31857/S013216250004594-6).
10. Arendachuk I. V. Value-based Meaningful Factors of Social Activity of Youth under Different Conditions of Life Activities. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology=Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Filosofiya, Psikhologiya, Pedagogika*. 2018;7(4):346–358 (In Russ.). DOI [10.18500/2304-9790-2018-7-4-346-358](https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-346-358).
11. Sedova N. N. Civic activism in modern Russia: forms, factors, social base. *Sociological Journal=Sotsiologicheskii zhurnal*. 2014;(2):48–71. (In Russ.).
12. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth [Sotsial'naya regul'yatsiya v usloviyakh

- neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy v issledovanii molodezhi]. Moscow: Academia; 2008. 272 p. (In Russ.). ISBN 978-5-87444-300-9.
13. Zubok Yu. A. Social integration of youth in conditions of unstable society [Sotsial'naya integratsiya molodezhi v usloviyakh nestabil'nogo obshchestva]. Moscow: Sotsium; 1998. 142 p. (In Russ.).
 14. Zubok Yu. A. Risk as phenomenon in sociology: Experience of youth research [Fenomen riska v sotsiologii: Opyt issledovaniya molodezhi]. Moscow: Mysl'; 2007. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-244-01085-5.
 15. Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Lyubutov A. S., Sorokin O. V. Life positions in self-regulation of life activity of the youth. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik Instituta sotziologii*. 2021;12(3):79–98. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2021.12.3.738](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.738).
 16. Leont'ev D. A. Meaning-formation and its contexts: life, structure, culture, experience. *World of Psychology=Mir psikhologii*. 2014;1(77):104–117. (In Russ.).
 17. Khudaverdyan V. Ts. [Youth activism]. In: Zubok Yu. A., Chuprov V. I., eds. *Sociology of youth. Encyclopedic dictionary [Sotsiologiya molodezhi. Entsiklopedicheskij slovar']*. Moscow: Academia; 2008. p. 11. (In Russ.).
 18. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth in cultural space: self-regulation of life activity [Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti]. Moscow: Norma; 2020. 304 p. (In Russ.) ISBN 978-5-00156-082-1.
 19. Kublitskaya E. A., Lyutenko I. V. Traditional religious and non-traditional religious teachings in the life of the Russian youth: socio-pedagogical aspects. *TSITISE*. 2019;(5):478–493. (In Russ.). DOI [10.15350/24097616.2019.5.44](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.44).

Information about the Authors

N. A. Seliverstova

Doctor of Sociology, Professor
Main Researcher
ResearcherID: [AHC-6981-2022](https://orcid.org/0009-0001-9212-9212)
Scopus AuthorID: [56728740000](https://orcid.org/0009-0001-9212-9212)

Yu. A. Zubok

Doctor of Sociology, Professor
Acting Director
Main Researcher
ResearcherID: [H-7357-2016](https://orcid.org/0009-0001-9212-9212)
Scopus AuthorID: [6506822869](https://orcid.org/0009-0001-9212-9212)

Contribution of the authors:

- N. A. Seliverstova – 60% (development of the general theoretical and methodological basis of the study; review of scientific publications on the topic, data analysis and visualization; writing and editing the article; formatting the text according to the journal's requirements);
- Yu. A. Zubok – 40% (definition of the social and scientific problem; development of the general theoretical and methodological basis of the study; writing and editing the article).

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 12.07.2026; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 15.08.2026.

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ЕКАТЕРИНБУРГА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Екатерина Васильевна Зайцева¹

Ирина Борисовна Бритвина²

Полина Андреевна Шумилова³

^{1, 2, 3} Институт экономики и управления
Уральского федерального университета,
Екатеринбург, Россия

¹ e.v.zaitceva@urfu.ru,
ORCID 0000-0003-2112-3029

² irina.britvina@urfu.ru,
ORCID 0000-0003-2862-4408

³ polina.shumilova@urfu.ru,
ORCID 0000-0001-8899-8546

Для цитирования: Зайцева Е. В., Бритвина И. Б., Шумилова П. А. Миграционные установки студенческой молодёжи Екатеринбурга в условиях социально-экономической неопределённости // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 3. С. 128–154. DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.7. EDN MZKJXU.

Аннотация. В статье анализируются миграционные установки и намерения студентов Екатеринбурга в условиях социально-экономической неопределённости. Теоретическим фундаментом исследования выступают концепции «общества риска» У. Бека, прекаризации Г. Стэндинга и рискологическая концепция Ю. А. Зубок, обосновывающая индивидуализацию ответственности молодёжи за жизненный старт. Цель работы заключается в выявлении связи между миграционными интенциями студентов и их субъективной оценкой перспектив самореализации в России. Эмпирическую базу составили результаты опроса студентов шести крупнейших вузов города ($n = 1\,188$), проведённого методом анкетирования на бумажных носителях. Данные обработаны в программе «Вортекс» с применением методов одномерного и двумерного статистического анализа (критерий χ^2 Пирсона), а также качественного анализа ответов на открытые вопросы. Результаты исследования показали, что 62,4% студентов выражают намерение остаться в Екатеринбурге – месте обучения, рассматривая его как «стабилизирующий хаб». Установлено, что накопленный образовательный капитал выступает значимой детерминантой оседлости: магистранты более интегрированы в локальный рынок труда. Ключевым удерживающим фактором является социальный капитал (77%), в то время как основными выталкивающими силами выступают поиск высокой оплаты труда за рубежом (45,3%), негативная оценка экономической ситуации и геополитическая нестабильность. Аргументировано,

что зафиксированное замораживание жизненных проектов из-за недоступности жилья (79%) обусловлено не только материальными барьерами, но и ростом запроса молодёжи на жизненную автономию и независимость от родительской семьи. Выявленный интерес к поддержке науки и образования интерпретируется как отражение актуального публичного дискурса и высокой институциональной включённости респондентов.

Ключевые слова: миграционные установки, миграционные намерения, студенческая молодёжь, общество риска, индивидуализация ответственности, социально-экономическая неопределённость, социальный капитал, Екатеринбург

Введение

В условиях глобальной трансформации социальных институтов и социально-экономической турбулентности проблема миграции студенческой молодёжи приобретает качественно иное измерение. В парадигме «общества риска» У. Бека процесс завершения образования становится критической точкой биографической навигации. Миграционные установки и намерения трансформируются из классической модели максимизации дохода в сложную биографическую стратегию навигации, направленную на поиск экзистенциальной безопасности и компенсацию рисков прекаризации.

Екатеринбург, являясь крупнейшим научно-образовательным и промышленным центром Уральского федерального округа, выступает в данном контексте как амбивалентное пространство. С одной стороны, город обладает мощным потенциалом притяжения человеческого капитала, выступая «стабилизирующим хабом» для молодёжи. С другой стороны, региональный центр сталкивается с угрозой «утечки мозгов» наиболее квалифицированных кадров, ориентированных на глобальные рынки труда.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления того, как субъективное восприятие неопределённости будущего и оценка состояния институционального фундамента – сферы науки и образования – трансформируют традиционные миграционные паттерны. Целью работы является изучение миграционных намерений выпускников вузов г. Екатеринбурга и выявление их связи с оценкой перспектив самореализации и социально-экономической стабильности в России. В статье исследуются гипотезы о влиянии уровня накопленного человеческого капитала на склонность к оседлости, а также анализируется гендерная специфика факторов удержания и выталкивания в контексте поиска молодёжью «жизнестойких» пространств для реализации своих жизненных проектов.

Методология, методы сбора и анализа эмпирических данных

Для реализации поставленных задач в работе был использован интегративный подход, сочетающий макросоциологические теории системных рисков

с микросоциологическим анализом рационального выбора и жизненных траекторий. Методологическую основу исследования составили фундаментальные положения теории «общества риска» У. Бека и концепция прекаризации Г. Стэндинга, позволяющие рассматривать миграцию как инструмент управления персональными рисками в условиях институциональной нестабильности. Анализ факторов мобильности опирается на классическую модель «Push-Pull» детерминант Э. Ли, дополненную теорией человеческого капитала Г. Беккера, что позволило интерпретировать образовательный статус выпускника как «ликвидный актив» в условиях глобальной конкуренции.

Для обеспечения валидности выводов в работе проведено терминологическое разграничение ключевых понятий. Под миграционной установкой (аттитюдом) понимается эмоционально-оценочное отношение студента к возможности переезда, сформированное под влиянием внешней среды и личных ценностей. Миграционное намерение (интенция) рассматривается как субъективно оцениваемая вероятность и декларация готовности сменить место жительства в обозримом будущем. В отличие от них, миграционный план предполагает наличие конкретной операциональной стратегии – определённых сроков, выбранного места назначения и последовательности действий. В связи с тем, что в условиях социально-экономической неопределённости горизонт планирования молодёжи сужен, в данной статье акцент сделан на анализе миграционных установок и намерений как индикаторов потенциальной мобильности.

Эмпирическую базу исследования составили результаты социологического опроса, проведённого авторами в 2025 году среди студенческой молодёжи г. Екатеринбурга. Сбор первичной информации осуществлялся методом анкетирования на бумажных носителях, что позволило обеспечить высокую степень контроля за заполнением инструментария и минимизировать процент выпадающих ответов. Общий объём выборочной совокупности составил $n = 1\,188$ человек. Применена квотная выборка, репрезентирующая структуру студенчества по уровню обучения (бакалавриат, специалитет, магистратура) и профилю подготовки. Опрос охватил шесть крупнейших вузов¹. Данная методическая стратегия обеспечила анализ данных, позволив соотнести объективные показатели институциональной среды с субъективными горизонтами ожиданий студентов.

В качестве независимых переменных (предикторов) выступили: институциональный статус: бакалавриат, специалитет, магистратура; пол. Зависимые переменные включали: миграционные намерения; факторы выталкивания и удержания (дихотомические шкалы, сформированные на основе номинальных переменных с множественным выбором).

¹ В исследовании приняли участие студенты следующих образовательных организаций: Уральский федеральный университет (УрФУ), Уральский государственный медицинский университет (УГМУ), Уральский государственный экономический университет (УрГЭУ), Уральский государственный юридический университет (УрГЮУ), Уральский государственный педагогический университет (УрГПУ), Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС).

Для перевода первичных данных в аналитический формат была проведена процедура укрупнения и группировки в сводные аналитические матрицы. Процесс включал три этапа:

- формирование базы данных: ввод данных с бумажных носителей в электронный массив;
- тематическая кластеризация: на основе качественного анализа ответов на открытые вопросы (позиция «другое») и семантической близости отдельных индикаторов была проведена перекодировка первичных переменных в укрупнённые категории (кластеры). Так, первичные показатели «коррупция», «нестабильность» и «отсутствие правовых гарантий» были объединены в аналитическую матрицу «Факторы институционально-политического риска». Аналогичным образом была сформирована структура таблицы 1;
- вычисление частотных распределений по укрупнённым группам по признакам пола и уровня обучения.

Статистическая обработка данных выполнена в программе «Вортекс» (Vortex 10). Для выявления статистически значимых различий между группами и проверки гипотез о связи образования с миграционными установками использовался критерий Хи-квадрат (χ^2) Пирсона. Уровень значимости связи установлен на отметке $p < 0,05$, что подтверждает неслучайный характер выявленных различий в намерениях выпускников. Качественные данные открытых вопросов использовались для конкретизации и детализации количественных показателей.

Использованная процедура укрупнения первичных данных и их группировка в сводные аналитические матрицы позволили рассмотреть миграционные интенции не как изолированные реакции, а как комплексные стратегии, детерминированные одновременно институциональными (уровень обучения) и социально-демографическими (пол) факторами¹.

Обзор литературы

В современной социологической науке миграция молодёжи интерпретируется не просто как механическое перемещение рабочей силы, а как сложный процесс конструирования персональной идентичности и биографического проектирования в условиях радикальной трансформации социальных институтов.

Социально-экономическая неопределённость: рамки «общества риска» и прекаризации. Главной аналитической категорией исследования выступает социально-экономическая неопределённость, которая в фундаментальных работах У. Бека и Э. Гидденса рассматривается как имманентное свойство

¹ Здесь и далее под миграционные намерения (интенции) операционализируются на основе ответов респондентов на блок вопросов: «Планируете ли Вы после учёбы устроиться на работу в городе, где окончите вуз?», «Планируете ли Вы работать в другом городе России или в другой стране?» и «В какой стране вы планируете работать, когда окончите вуз?».

«второй модерности». Согласно теоретической модели У. Бека, современное общество совершает переход от индустриальной логики распределения богатства к логике распределения рисков, которые становятся самопроизводящимися результатами техноэкономических решений [1; 2]. В условиях рефлексивной модернизации риск перестаёт быть внешней угрозой и превращается в «производимую неопределённость», за которую несут ответственность социальные и политические институты [3, с. 178]. Для выпускника вуза вступление в трудовую жизнь в этой парадигме означает разрушение традиционных линейных траекторий «обучение – гарантированное трудоустройство – карьерный рост». Институционализированная индивидуализация переносит ответственность за системные сбои на выпускника, порождая феномен «организованной безответственности» [4, с. 320; 5, с. 44].

Важным теоретическим расширением данной проблемы в контексте российского студенчества выступает рискологическая концепция Ю. А. Зубок. Исследователь обосновывает, что в условиях транзитивного общества риск становится имманентным свойством процесса социальной интеграции молодёжи. Ключевым аспектом здесь является радикальная индивидуализация ответственности молодого человека за собственные жизненные выборы [6]. В ситуации, когда социальные институты (государство, система образования, рынок труда) утрачивают функцию гарантов стабильности, бремя преодоления системных рисков полностью ложится на плечи индивида. Согласно концепции, молодёжь вынуждена самостоятельно конструировать стратегии безопасности, опираясь на доступные ресурсы. Это положение имеет принципиальное значение для интерпретации наших эмпирических данных: миграционная установка (или отказ от неё) рассматривается выпускником не только как смена локации, а как способ управления персональными рисками. В условиях, когда личная ответственность за успех жизненного старта максимальна, а институциональная поддержка (например, в жилищной сфере) минимальна, замораживание брачно-семейных проектов и профессиональная мобильность становятся рациональными способами саморегуляции и самозащиты молодёжи в пространстве риска.

Ситуация усугубляется процессом прекаризации, который в контексте «общества риска» проявляется через разрушение традиционных параметров индустриального труда. Растворение якорей в виде устойчивых классов и семейных ролей приводит к тому, что выпускник оказывается в эпицентре борьбы с неопределённостью. Миграционные установки и намерения в этих условиях трансформируются из рационального акта выбора оптимальной точки приложения труда в сложную биографическую стратегию минимизации рисков. Как подчёркивают исследователи, высокая степень осознанности рисков и «хроническое беспокойство о будущем» становятся определяющими факторами поведения [5, с. 42; 7, с. 142]. В результате молодой специалист вынужден оценивать город будущего трудоустройства не только по уровню потенциальной заработной платы, но и через призму «жизнестойкости» пространства. Выбор локации становится попыткой найти «убежище» в условиях, когда

традиционные системы социальной защиты утрачивают надёжность, а сама реальность воспринимается через дихотомию «безопасность/опасность» [3, с. 175]. Таким образом, миграционные намерения будущих выпускников вузов отражают попытку конструирования личной безопасности в мире, где неопределённость становится «горизонтом ожиданий» [7, с. 143]. Согласно работам уральской социологической школы, ситуация окончания учебного заведения является для выпускника точкой бифуркации, в которой пересекаются выборы места жительства, карьерных планов и семейно-брачных отношений [8, с. 69]. Социально-экономическая неопределённость будущего в данном контексте выступает как катализатор: она либо заставляет молодёжь «замирать» и оставаться в привычной среде (стратегия выживания), либо провоцирует на риск переезда в поисках более устойчивых социальных систем (стратегия развития) [8, с. 85].

Теория человеческого капитала и рациональный выбор. Классическая экономическая социология рассматривает миграцию как форму инвестиций в человеческий капитал. В рамках этой парадигмы выпускник вуза выступает как рациональный агент, стремящийся максимизировать отдачу от своих знаний, навыков и способностей [9, с. 15; 10, с. 30]. Однако в условиях современной социально-экономической неопределённости концепция «рационального выбора» претерпевает существенную трансформацию: человеческий капитал начинает трактоваться не только как экономический актив, но и как многовекторная социокультурная категория, включающая интеллектуальную, психофизиологическую и цифровую составляющие [10, с. 31; 11, с. 94]. Как отмечают исследователи, в ситуации неопределённости выпускники стремятся в мегаполисы не только ради конкретного рабочего места, но и ради накопления социального и символического капиталов [10, с. 31]. Город работы выбирается как площадка, предоставляющая доступ к развитым образовательным и культурным сетям, что в долгосрочной перспективе страхует индивида от потери профессиональной актуальности [12, с. 36]. Важным дополнением к теории человеческого капитала в контексте миграции является признание того, что решение о переезде зачастую перестаёт быть индивидуальным. Исследования в регионах ресурсного типа (например, в Кузбассе) показывают, что переход «школа–вуз» рассматривается как судьбоносный момент для всего домохозяйства. Образовательная миграция становится частью долгосрочной семейной стратегии мобильности, направленной на «негативную селекцию» – вымывание наиболее талантливых выпускников из ресурсных регионов в пользу центров с более высоким качеством жизни и институциональным престижем [11, с. 92, 104]. Таким образом, в условиях неопределённости будущего инвестиции в миграцию направлены на поиск среды, способной обеспечить сохранность и прирост «запасов человеческого капитала» [13, с. 20]. Выбор города работы становится актом биографического проектирования, где доступ к инфраструктуре и социальным лифтам мегаполиса выступает гарантом экзистенциальной безопасности молодого специалиста.

Модель «Push-Pull» факторов в региональном контексте. Классическая теоретическая конструкция Э. Ли, постулирующая дихотомию выталкивающих (push) и притягивающих (pull) факторов, в современных условиях требует реконцептуализации. В рамках нашего исследования миграция рассматривается не как механическое перемещение, а как результат сложного взаимодействия структурных детерминант и индивидуальной мотильности (motility) – способности индивида к перемещению в социальном и географическом пространстве [14]. Для крупного регионального центра, такого как Екатеринбург, характерна амбивалентность: город одновременно выступает мощным аттрактором для мигрантов из периферии Уральского федерального округа и точкой выталкивания для наиболее амбициозных выпускников, ориентированных на глобальные рынки труда.

Детерминанты «выталкивания» в условиях системной нестабильности. Ключевыми выталкивающими факторами в российском контексте остаются стагнация локальных рынков труда и наличие «стеклянного потолка» для молодых специалистов, не обладающих значительным социальным капиталом или протекцией [15]. Однако в условиях неопределённости эти факторы дополняются экзистенциальными рисками. Для «цифрового поколения» выпускников критически значимыми становятся не только текущие показатели (низкая оплата труда), но и отсутствие долгосрочных перспектив карьерного роста [16]. В контексте теории Э. Ли выталкивание усиливается за счёт негативной оценки будущего развития региона. Если выпускник оценивает текущую ситуацию как нестабильную, а институциональную среду как коррумпированную, его мотивация к миграции возрастает экспоненциально [17]. При этом важную роль играет фактор информированности: студенты, не имеющие чёткого представления о местах трудоустройства в своём регионе, в два раза чаще демонстрируют установки на трудовую миграцию, воспринимая домашний регион как пространство ограниченных возможностей [16].

Факторы притяжения мегаполиса. Притягивающие факторы мегаполиса традиционно делятся на экономические и неэкономические. С одной стороны, согласно неоклассической модели, миграция – это реакция на разрыв в уровнях доходов и ВВП на душу населения между регионами [18]. С другой стороны, в ситуации неопределённости на первый план выходят факторы «мягкой силы». Мегаполис обеспечивает анонимность и свободу социальных лифтов – возможность реализации талантов вне зависимости от первичных социальных связей; развитую инфраструктуру и досуговые практики, что критически важно для молодёжи, ориентированной на постматериалистические ценности и качество жизни; эффект «интервенирующих возможностей» (согласно модели С. Стоуффера, объём миграции определяется не только расстоянием, но и количеством доступных возможностей в пункте назначения) [17].

Интеллектуальная миграция студентов. Особое место в системе «Push-Pull» занимает образовательная миграция. Как показывают данные зарубежных авторов, решение о миграции или возвращении (в случае возвратной

миграции) существенно коррелирует с академической успеваемостью (GPA)¹, финансовым положением семьи и субъективной оценкой будущего страны [19]. В российском контексте наблюдается «западный дрейф» – устойчивое стремление человеческого капитала перемещаться в сторону более развитых институциональных систем. Мы предполагаем, что социально-экономическая изменчивость выступает катализатором, усиливающим действие общенациональных выталкивающих факторов. В этой ситуации локальные преимущества Екатеринбурга могут вступать в противоречие с глобальными рисками, заставляя выпускников выбирать стратегии внешней миграции или переезда в федеральные центры (Москву, Санкт-Петербург) как более устойчивые «убежища» в условиях штормовой экономики.

Концепция жизненных траекторий и субъективное благополучие.

Концепция жизненного пути, развитая в работе Г. Элдера и М. Джонсон позволяет рассматривать миграционные установки и намерения как элемент «биографического проектирования» в условиях взаимодействия личностных и институциональных факторов [20, с. 49]. В. Хайнц и Х. Крюгер подчёркивают, что в условиях ускоряющихся социальных трансформаций биографии выпускников теряют жёсткую структурную укоренённость, превращаясь в объект активного «биографического планирования» [21]. Ключевым аспектом здесь выступает сопряжение профессионального выбора с репродуктивными установками через призму принципа «связанных жизней» [22, с. 28]. В ситуации неопределённости миграция становится инструментом реализации субъектности для достижения «стандартов взрослости» – автономии и жилья. Однако стремление к мобильности часто ограничивается потребностью в сохранении психологического комфорта и сетевой поддержки родительской семьи, выступающей мощным якорем в кризисные периоды.

От парадигмы материализма к экзистенциальной безопасности.

Трансформация миграционных установок выпускников вузов отражает фундаментальный ценностный сдвиг от парадигмы выживания к стратегии благополучия, концептуализированный Р. Инглхартom [23]. В условиях неопределённости материальные факторы утрачивают роль доминирующего драйвера мобильности, уступая место постматериалистическим приоритетам. Для поколения Z критическую значимость приобретают параметры «экзистенциальной безопасности»: психологический комфорт, социальная устойчивость и возможность реализации «work-life balance». Выпускник выбирает городскую среду как пространство, минимизирующее экзистенциальную тревогу и обеспечивающее субъективное благополучие, даже при условии снижения потенциальных финансовых амбиций. Таким образом, миграция становится инструментом конструирования защищённого жизненного пути в «обществе риска».

¹ В российской системе образования аналогом GPA является просто «средний балл диплома» (по 5-балльной шкале). Решение о миграции коррелирует с GPA, а это значит, что чем лучше учится студент, тем выше вероятность того, что он планирует уехать (или, наоборот, вернуться, если видит перспективы дома).

Результаты исследования

Важной частью инструментария стали открытые вопросы (позиция «другое»), позволившие респондентам самостоятельно артикулировать значимые для них проблемы. Доля активных респондентов, воспользовавшихся этой опцией, составила в среднем 8,4% от общего объёма выборки (по разным блокам вопросов – от 5,2% до 12,1%). Несмотря на количественное превосходство закрытых вариантов ответа, качественный анализ открытых суждений позволил детализировать и иллюстрировать статистические показатели, выявив скрытые смысловые пласты, не предусмотренные изначальным списком индикаторов. В разделе «Результаты» приводится интерпретация как количественных данных, так и анализа смыслового содержания ответов на открытые позиции вопросов.

Институциональные и социально-демографические детерминанты миграционных установок и намерений выпускников. Распределение миграционных интенций выпускников обнаруживает значимую зависимость от их институционального статуса¹. Готовность к закреплению в локальном пространстве («планы на закрепление») нарастает по мере повышения уровня образования, достигая максимума в группе магистрантов (70,3%). Анализ миграционных намерений студентов показал, что несмотря на использование в анкете формулировки «Планируете ли вы?», ответы респондентов отражают прежде всего их субъективные интенции и готовность к закреплению в локальном пространстве, а не наличие операциональных планов с конкретными сроками реализации (см. рис. 1).

Рис. 1. Миграционные намерения выпускников различного уровня обучения и пола, %

¹ Распределение на рисунке 1 сформировано на основе агрегации ответов на вопрос: «Планируете ли Вы после учёбы устроиться на работу в городе, где окончите вуз?». Вариант «да» интерпретирован как планы на закрепление, «нет» – как миграционная установка, «не знаю» – как неопределённость.

Вопреки распространённому стереотипу о большей мобильности мужчин, наши данные показывают практически идентичные показатели готовности остаться. Статистическая значимость ($p = 0,558$) подтверждает, что пол (так же, как и возраст студентов, по нашим данным) не является фактором, разделяющим выпускников на «мигрантов» и «оседлых». Екатеринбург сохраняет ядро лояльных выпускников (более 60%); при этом магистранты выступают приоритетной целевой аудиторией программ удержания. Влияние институциональной среды вуза и уровня образования на миграционные аттитюды оказывается весомее первичных демографических характеристик.

Анализ детерминант потенциальной миграции выпускников (выталкивающие факторы, push-факторы) и связь с социально-экономической неопределённостью. Основное внимание авторами уделяется факторам нестабильности (геополитика, экономика) как главным триггерам отъезда. Для анализа массив ответов был классифицирован по шести смысловым группам (см. табл. 1)¹.

Таблица 1

Комплексная структура детерминант социально-экономического неблагополучия как факторов выталкивания респондентов разного уровня обучения и пола, доля выбора детерминанты в каждой группе, %

Факторы-дестабилизаторы	Уровень обучения			Пол	
	Бакалавриат	Магистратура	Специалитет	Женский	Мужской
Экономическая дестабилизация (кризис)	68,3	69,2	61,2	68,1	67,0
Социальная неопределённость будущего	65,1	70,8	61,2	67,1	63,3
Критическая недоступность жилья	59,9	69,7	57,9	63,3	58,2
Риски безработицы	32,9	23,8	35,5	32,1	31,1
Политическая нестабильность	36,1	30,3	26,4	35,4	32,4
Дефицит государственной поддержки	16,7	17,3	24	19,6	14,5

Результаты анализа позволяют идентифицировать магистрантов как группу наиболее выраженного социального беспокойства: именно в этом сегменте зафиксированы пиковые значения восприятия неопределённости будущего (70,8%) и жилищной проблемы (69,7%). Вероятно, накопление человеческого капитала обостряет чувствительность к системным барьерам, превращая

¹ Использована формулировка вопроса «Если бы Вы приняли решение покинуть Россию, то по каким причинам? (Отметьте не более трёх вариантов ответа)», а также вопроса «Какое из социальных явлений оказывает наибольшее влияние на решение человека создать семью?».

их в триггеры выталкивания. Полученные данные показывают гендерную симметрию в экономических страхах: оценка экономического кризиса практически идентична (68,1% у женщин и 67,0% у мужчин). Однако женщины статистически значимо выше оценивают риски, связанные с недоступностью жилья (разрыв 5,1%) и неопределённостью будущего (разрыв 3,8%). Интересен высокий запрос студентов специалитета на господдержку (24% против 16,7% у бакалавров). Это может быть связано с тем, что программы специалитета часто готовят кадры для госсектора (педагоги, врачи, инженеры), где зависимость от государства выше. Синтез с открытыми ответами показателя «Политическая ситуация» (около 34% в среднем) в этой таблице подтверждается и детализируется качественным анализом.

Статистические показатели дестабилизации (см. табл. 1) находят своё содержательное наполнение и конкретизацию в результатах семантического анализа открытых ответов по позиции «другое». Выделенное семантическое ядро «безопасность и риск» позволяет иллюстрировать тренды в массиве количественных, так как в ответах бакалавров и специалистов частотно встречаются лексемы: «мобилизация», «смерть на войне», «опасно», «ядерная война». Это подтверждает, что для молодёжи выталкивание носит экзистенциальный характер. Ещё один блок – «институциональное недоверие»: респонденты указывают на «коррупцию», «кумовство», «неправовое государство» и «ограничение инфопространства». Особое место занимает критика системы образования: «образование можно использовать для подставки под пиво», «низкие зарплаты учёных». Ярким маркером экономической прекаризации выступает суждение об ипотеке: «оплата за студию обходится в полторы зарплаты инженера». Суждения респондентов свидетельствуют о том, что среди представителей этой группы молодёжи имеется мнение, что даже при наличии работы, базовые жизненные цели остаются недостижимыми.

Проведённый кросс-табуляционный анализ позволил установить статистически значимую связь между типом миграционной установки и доминирующими факторами среды. Так, для группы «потенциальных мигрантов» (тех, кто намерен уехать) ключевым фактором выталкивания выступает поиск высокой оплаты труда за рубежом (45,3%, $\chi^2 = 8,4$, $p < 0,01$), в то время как для группы «оседлых» студентов, даже в условиях негативной оценки политической ситуации, определяющими остаются локальные якоря. Такое распределение подтверждает, что выбор стратегии миграции детерминирован не только внешними рисками, но и субъективной оценкой собственной конкурентоспособности на глобальном рынке.

Данные кросс-анализа также показывают, что базовыми детерминантами, препятствующими реализации жизненных стратегий большинства выпускников, выступают экономический кризис и жилищная недоступность, причём их значимость усиливается к моменту завершения обучения в магистратуре. Анализ показывает, что женщины более чувствительны к факторам макроструктурной неопределённости (геополитика и общее состояние экономики),

в то время как мужчины чаще акцентируют внимание на институциональных дефектах (коррупция – 30,5%). Таким образом, экономическая выгода (45,3%) и политическая нестабильность (30,4%) являются главными выталкивающими силами. При этом экономические причины часто интерпретируются через невозможность долгосрочного планирования (ипотека, инфляция). Контент-анализ выявил специфику «цифрового поколения»: для выпускников критически важна свобода информации и правовая защищённость. Упоминания блокировок Роскомнадзора и отсутствия «правового государства» в открытых ответах указывают на ценностный конфликт между молодёжью и текущей институциональной средой. Высокая значимость коэффициентов ($p < 0,01$) позволяет утверждать, что выявленные различия в мотивации отъезда между группами не являются случайными и отражают реальную дифференциацию стратегий выживания в условиях неопределённости.

Факторы, удерживающие выпускников в России и Екатеринбурге (аттрактивные факторы, или «якоря»). Исследована роль социального капитала (семья, друзья) и связь уровня обучения с факторами удержания как основных стабилизаторов миграционных намерений. Анализ причин нежелания сменить место проживания респондентов разных уровней обучения показывает взаимосвязь академического статуса и длительности пребывания в образовательной среде города со структурой «якорей» (см. рис. 2)¹.

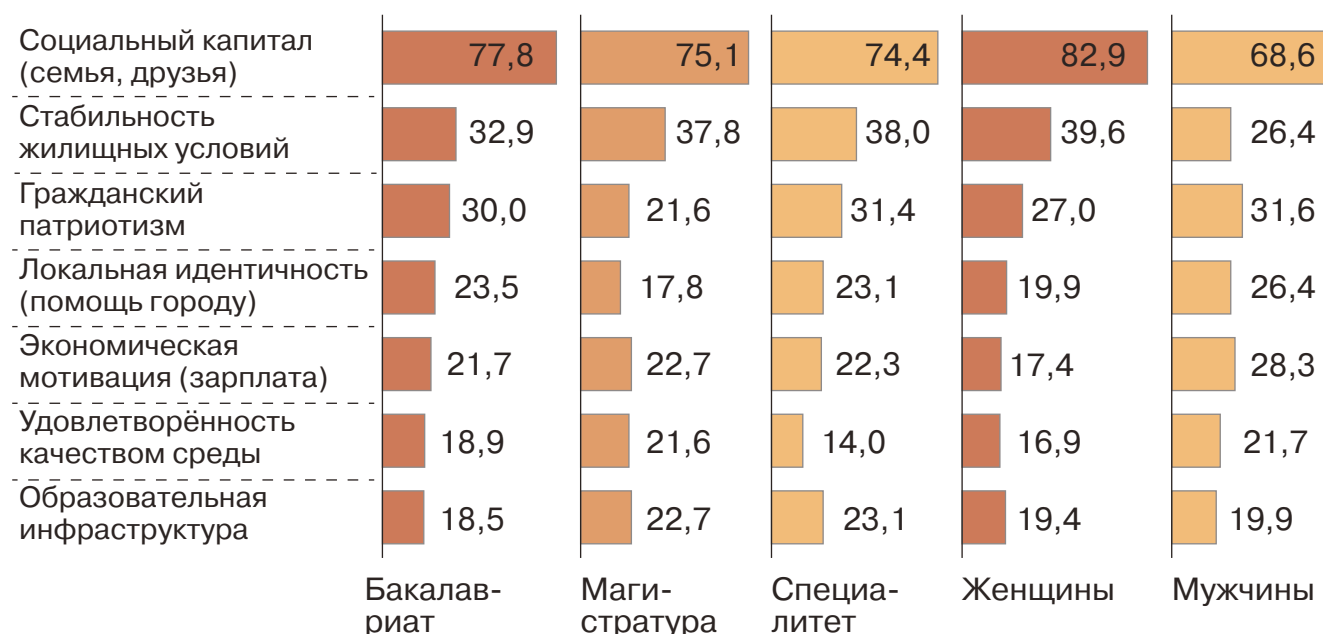

Рис. 2. Сводная структура факторов территориального укоренения («якорей») респондентов, %

Полученные данные подтверждают доминирующую роль социального капитала: для всех групп «якорем» номер один является привязанность к близкому

¹ Использована формулировка вопроса «На Ваш взгляд, каковы причины того, что Вы не хотели бы уехать из России? (Отметьте не более трёх вариантов ответа)».

окружению. Экономические факторы, такие как наличие жилья, становятся более значимыми для магистрантов и учащихся специалитета по сравнению с бакалаврами, что объясняется их более высокой возрастной и социальной зрелостью. Интересен тренд «патриотического разрыва»: магистранты демонстрируют самый низкий уровень привязанности по мотивам патриотизма (21,6%) и желания развивать город (17,8%), в то время как у бакалавров и учащихся специалитета показатели выше на 8–10%. Это может свидетельствовать о том, что высшая ступень образования формирует прагматичный, «космополитичный» взгляд на карьеру, где профессиональная реализация превалирует над идеологическими установками.

Анализ выявил значительные различия в том, как мужчины и женщины оценивают причины, по которым они готовы остаться в городе, где получают образование (см. рис. 2). Согласно полученным данным, женщины значительно сильнее привязаны к социальным «якорям» (семья, друзья); также для них критически важным является стабильность в виде решённого жилищного вопроса. Мужчины, напротив, находят стимулы остаться в профессионально-экономической плоскости: они чаще женщин указывают на наличие хорошо оплачиваемой работы как причину не уезжать; кроме того, мужчины демонстрируют более высокие показатели патриотизма и гражданской ответственности за развитие города. Таким образом, женская стратегия удержания строится на «безопасности и связях», а мужская – на «реализации и долге». Визуализация структуры «якорей» (рис. 2) подтверждает доминирование социального капитала. Привязанность к семье и дружеским сетям выступает абсолютным стабилизатором, особенно для женской части респондентов (82,9%). Примечательно наличие «патриотического разрыва» у магистрантов: минимальный уровень лояльности по мотивам гражданского долга (21,6%) указывает на формирование у интеллектуальной элиты прагматичной, космополитичной модели жизненного проектирования.

Обратимся к качественному анализу открытых ответов («другое») и возрастным характеристикам. Возрастной профиль «оседлых» выпускников (средний возраст 20,8–21,0 лет) характеризуется высокой степенью гомогенности. Однако семантический анализ ответов респондентов по позиции категории «другое» добавляет важные штрихи к составу удерживающих факторов:

- «культурно-языковая идентичность»: респонденты отмечают «родной язык», «любовь к культуре», «понятные законы» и даже мемы, что указывает на существование мягких «якорей», связанных с ментальным комфортом;
- «институциональные преимущества»: здесь упоминаются «бесплатное образование», «доступная медицина», «развитый IT-сектор» и «удобство госуслуг»;
- «барьеры миграции»: часть ответов носит вынужденный характер удержания – «нет денег на переезд», «языковой барьер», «страх перемен».

Таким образом, социальный капитал выступает главным стабилизатором: «семья и друзья» являются абсолютным лидером среди удерживающих факторов (77%). Это подтверждает тезис о том, что в условиях неопределённости молодёжь склонна замыкаться в первичных социальных группах.

Доминирование социального капитала как основного «якоря» удержания вступает в противоречие с институциональной слабостью среды. Это формирует специфический запрос молодёжи к государству как субъекту, ответственному за минимизацию системных рисков и создание условий для реализации жизненных проектов и «экзистенциальной безопасности»¹. В этом разделе фокус смещается на конструктивные требования к среде, способные трансформировать Екатеринбург и Россию в целом из пространства неопределённости в пространство развития. Для анализа массив ответов был структурирован по четырём семантическим кластерам: базовые материальные условия (доступное жильё, уровень благосостояния); развитие человеческого капитала (образование, трудоустройство, карьерные лифты); социальная защищённость и среда (здравоохранение, экология, безопасность); институционально-политические реформы (сменяемость власти, прекращение военных действий, правовое государство).

Анализ выявляет критическую значимость жилищного вопроса для всех категорий, однако у бакалавров этот запрос достигает пика (80,5%). Магистранты в большей степени ориентированы на качественные параметры социальной инфраструктуры (медицина – 56,2%), что подтверждает их переход к стратегии благополучия. Статистическая значимость указывает на то, что уровень образования жёстко дифференцирует ожидания от государства: чем выше статус, тем сложнее и многограннее становится запрос к среде. Установлена гендерная специфика ожиданий: анализ выявил различия в интенсивности запроса на социальные гарантии: женщины предъявляют более высокий запрос на материальную стабильность (жильё – 84,1%) и социальную инфраструктуру; мужчины чаще акцентируют внимание на реформе системы образования (50,2%). Это коррелирует с выводами о том, что женская стратегия укоренённости базируется на безопасности, а мужская – на инструментах профессионального роста.

Анализ приоритетных требований к городской среде (см. табл. 2) выявляет глубокое противоречие между ценностными ориентациями молодёжи и материальными условиями их реализации. Критическая значимость жилищного вопроса у женщин (84,1%) в сочетании с запросом на реформу системы образования у мужчин (50,2%) маркирует зоны институциональной слабости, провоцирующие прекаризацию жизненного старта. Мужчины чаще видят в реформе образования инструмент улучшения среды (50,2%), чем женщины (44,3%), что подтверждает их «инструментальный» подход к профессионализации.

¹ Данные получены на основе синтеза ответов на вопросы «Какие улучшения сделали бы Россию более комфортным местом для жизни?» и «В решение каких проблем, на Ваш взгляд, должно в большей степени включаться государство?».

Таблица 2

Приоритетные направления улучшения городской среды в оценках респондентов, %

Направления улучшений среды	Бакалавриат	Магистратура	Специалитет	Женщины	Мужчины
Обеспечение доступ- ным жильём	80,5	78,4	68,6	84,1	71,5
Развитие медицины и социальной сферы	46,8	56,2	53,7	51,1	45,9
Реформирование си- стемы образования	47,7	41,1	47,9	44,3	50,2
Расширение шансов на трудоустройство	39,7	23,2	34,7	39	33,2
Личная безопасность и правопорядок	33,4	29,7	29,8	33,4	31,1
Экология и качество среды	30,6	30,8	28,9	31	29,7
Механизмы карьер- ного роста/самораз- вития	27,7	21,1	30,6	37,9	32,4

Контент-анализ и семантика институционального недовольства открытых ответов позволили выделить семантические доминанты, отражающие глубинный конфликт между ожиданиями студенческой молодёжи и реальностью. Во-первых, респонденты отмечают проблему отсутствия «устойчивых демократических институтов», «политической конкуренции» и «независимых судов». Это свидетельствует о том, что для части выпускников комфорт невозможен без правовых гарантий. Во-вторых, студенты проявляют экономический прагматизм: их суждения о «стабильности курса валюты», «реальном импортозамещении» и «регуляции цен на жизнь» показывают, что инфляционные риски являются мощным дестабилизатором. Выявленный запрос на «поддержку науки и образования» как фактор привлекательности среды требует взвешенной интерпретации. Вероятно, активность респондентов в этом семантическом кластере частично обусловлена присутствием в выборке студентов педагогических специальностей, для которых данные вопросы имеют высокую профессиональную значимость. Кроме того, нельзя исключать влияние актуального публичного дискурса о технологическом суверенитете и необходимости привлечения молодых кадров в науку. В этой связи данные ответы могут интерпретироваться как отражение институциональной включённости респондентов и трансляция общественно одобряемых ценностей, нежели как аналитическое открытие.

Для выпускников вузов Екатеринбурга образовательная среда является маркером жизнеспособности всей страны. Для потенциальных студентов-мигрантов низкое финансирование и падение статуса преподавателя выступают

выталкивающими факторами для отъезда (они ищут более качественные «инкубаторы» для своих талантов). Для «лояльных» студентов развитие технических наук и инвестиции в школы – это обязательное условие, при котором они готовы связать своё будущее с Россией. Студенты воспринимают сферу образования не как услугу, а как гарантию экзистенциальной безопасности, т. е. девальвация статуса преподавателя считается ими как отсутствие у государства стратегии на будущее, что прямо конвертируется в миграционные настроения. Таким образом, запрос на доступное жильё (79%) является универсальным и доминирующим. Отсутствие эффективных механизмов решения этой проблемы государством выступает главным фактором, подрывающим якоря привязанности. Семантический анализ показал, что значительная часть выпускников связывает комфорт не с косметическими улучшениями, а с радикальной трансформацией общества.

В следующем блоке рассмотрим, как эти ожидания и страхи трансформируются в конкретные карьерные ориентации и выбор между государственным и частным секторами экономики.

Анализ профессиональных установок выпускников, их уверенности в собственной конкурентоспособности и предпочтения относительно секторов экономики. Профессиональные ориентации опрошенных студентов свидетельствуют о высокой степени рыночной адаптивности на фоне дистанцирования от государственных институтов. Характерно, что лишь 11% выпускников рассматривают госсектор как приоритетную зону занятости. Коммерческие структуры воспринимаются молодёжью города Екатеринбурга как более жизнестойкие пространства, обеспечивающие экзистенциальную безопасность в условиях «общества риска» (см. табл. 3).

Таблица 3

Профессиональные ориентации респондентов: субъективная оценка конкурентоспособности и отраслевых предпочтений, доли показателя в каждой группе, %

Показатели	Уровень обучения			Пол	
	Бакалавриат	Магистратура	Специалитет	Женский	Мужской
<i>Оценка шансов на трудоустройство:</i>					
Высокая (немедленное трудоустройство)	34,6	43,2	51,2	34,1	42,6
Умеренная (потребуется некоторое время)	46,5	36,8	33,9	47,7	37,9
Низкая (длительный, сложный поиск)	13,8	15,1	7,4	13,6	13,1
Неопределённость прогноза	5,1	4,9	7,5	4,6	6,4

Окончание табл. 3

Показатели	Уровень обучения			Пол	
	Бакалавриат	Магистратура	Специалитет	Женский	Мужской
<i>Предпочтительный сектор занятости:</i>					
Коммерческий сектор (частный бизнес)	46,6	39,5	39,7	45,7	43,4
Государственный сектор/бюджетная сфера	10,7	14,1	11,6	10,9	11,9
Адаптивная стратегия (любой из секторов)	34	41,6	39,6	35,1	36,7
Неопределённость выбора	8,7	4,8	9,1	8,3	8,0

Магистранты реже бакалавров выбирают «строго» частный сектор (39,5% против 46,6%), но значительно чаще демонстрируют адаптивную стратегию (41,6%). Это говорит о том, что более высокий уровень образования делает выпускника более гибким и готовым рассматривать разные ниши, хотя частный сектор всё равно остаётся в приоритете. Студенты специалитета – самые оптимистичные (51,2% из них не видят проблем с работой). Это объясняет их низкий интерес к длительным поискам и ориентацию на быстрое вхождение в рынок. Только каждый десятый выпускник осознанно выбирает государственную службу или бюджетные учреждения. Этот показатель практически не зависит от пола, что свидетельствует об универсальном характере данной установки. Несмотря на то, что магистранты немного лояльнее к госсектору (14,1%), общий показатель по всем группам крайне низок (в среднем 11–12%). Даже накопление человеческого капитала в магистратуре не компенсирует низкую привлекательность государственных институтов как работодателей.

В контексте ранее выделенного семантического кластера «Поддержка науки и образования», такой результат закономерен – девальвация статуса педагога и учёного превращает госсектор в глазах молодёжи в зону прекаризации и низкого престижа. Частный сектор воспринимается как более надёжный «инкубатор» для реализации талантов. Таким образом, мужчины более ориентированы на агрессивное вхождение в рынок труда, в то время как женщины проявляют бóльшую осторожность, что может быть связано с их ориентацией на социальные гарантии, которые в текущих условиях воспринимаются как дефицитные. Выпускники демонстрируют устойчивое нежелание связывать карьеру с государственными институтами. Это прямое следствие деградации фундамента человеческого капитала: если сфера образования и науки (государственная по преимуществу) воспринимается как стратегия проигрыша, молодёжь выбирает коммерческие структуры как пространство экзистенциальной безопасности. Повышение уровня образования

конвертируется в субъективное ощущение профессиональной устойчивости, однако не меняет общего вектора на уход из-под опеки государства. Низкая уверенность бакалавров в сочетании с их нежеланием работать в госсекторе создаёт мощный потенциал для «западного дрейфа» или внутренней миграции в федеральные центры, где рынок частного капитала более развит. Мужчины на 8,5% чаще женщин уверены в своих силах при поиске работы, однако в выборе сектора (бизнес/госсектор) гендерный разрыв практически нивелируется. Это подтверждает тезис о том, что профессиональные ценности молодёжи «цифрового поколения» становятся более универсальными. Карьерный выбор выпускника – это попытка найти «убежище» в частном бизнесе, компенсируя тем самым институциональную слабость и низкий престиж государственных структур. В следующем блоке мы увидим, как эти профессиональные страхи и амбиции проецируются на личные жизненные траектории и ценности семьи.

Сопряжение профессиональных планов выпускников с их частными жизненными целями. Создание семьи рассматривается как элемент «биографического проектирования», который в условиях социально-экономической неопределённости может выступать либо как дополнительный риск, либо как «экзистенциальное убежище». Анализ намерений создать семью в ближайшем будущем выявил наиболее сильную статистическую зависимость по гендерному признаку (см. табл. 4).

Таблица 4

Матрица жизненного проектирования: репродуктивные намерения и смысловые доминанты семьи респондентов разного уровня обучения и пола, %

Показатели и семантические кластеры	Пол		Уровень обучения		
	Женский	Мужской	Бакалавриат	Магистратура	Специалитет
<i>Установки на создание семьи:</i>					
Намерение в краткосрочной перспективе	49,7	37,1	41,7	57,8	44,6
Стратегия откладывания («пока нет»)	41,7	48,4	46,9	31,4	46,3
Неопределённость жизненных планов	8,6	14,5	11,4	10,8	9,1
<i>Смысловое значение семьи:</i>					
Психозоциональная сфера (любовь и доверие)	70,3	76	73,2	70,3	72,7
Экзистенциальное убежище (безопасность)	18,3	5,9	13,2	15,7	9,9
Экономический союз (материальная база)	3,4	4,7	3,7	4,9	4,1
Традиционно-нормативный институт	0,2	0,2	0,2	0,5	0,3

Сумма по блоку «Смысловое значение семьи» может быть менее 100%, так как не указаны варианты «не знаю» и единственные ответы из категории «другое».

Жизненное проектирование современных студентов базируется на парадоксе «отложенной жизни». При доминирующем понимании семьи как психоэмоционального пространства (около 73%) и экзистенциального убежища значительная часть молодёжи вынуждена выбирать стратегию прокрастинации брачно-семейных планов (особенно в мужской подгруппе – 48,4%). Этот процесс детерминирован не ценностным сдвигом в сторону одиночества, а невозможностью преодоления социально-экономических барьеров. Статистически значимый разрыв в восприятии семьи как безопасности (18,3% у женщин против 5,9% у мужчин) подчёркивает поиск молодёжью компенсаторных механизмов в условиях институциональной нестабильности.

Показатели «традиционного института» (менее 1%) говорят о том, что для студентов семья утратила статус общеобязательной нормы или «ячейки общества», превратившись в сугубо приватный проект самореализации. Гендерная асимметрия жизненных стратегий проявляется в более высокой лояльности женщин региону при условии наличия мер поддержки. Для 87% респондентов семья выступает главным источником экзистенциальной устойчивости, что объясняет статус привязанности к семье как ведущего удерживающего фактора. Крайне низкий интерес к формальным атрибутам (брак, продолжение рода – менее 1%) указывает на трансформацию семьи в сторону партнёрства, основанного на взаимном доверии, а не на социальном долге. При этом установлена связь с миграцией. Высок процент тех, кто не планирует семью сейчас (44,4%), и в сочетании с требованиями к государству это говорит о том, что молодёжь «замораживает» свои жизненные проекты до момента достижения базовой безопасности.

Обсуждение результатов

Полученные в ходе исследования результаты позволяют интерпретировать миграционные намерения выпускников вузов Екатеринбурга не просто как реакцию на экономические стимулы, а как комплексную личную стратегию управления рисками в условиях высокой неопределённости.

Город как «стабилизирующий хаб» в обществе риска. Согласно теории У. Бека, в условиях «второй модерности» индивид вынужден искать локальные зоны стабильности. Тот факт, что 62,4% респондентов планируют остаться в городе, подтверждает статус Екатеринбурга как «убежища». В ситуации, когда глобальные и национальные горизонты ожиданий размыты геополитической нестабильностью (30,4% выталкивающих голосов) и инфляцией, город обучения становится пространством, где накопленный социальный капитал (семья и друзья – 77%) выступает главным гарантом экзистенциальной безопасности. Уровень образования выпускников вузов прямо коррелирует с глубиной интеграции в локальные институциональные сети. Для магистров город перестаёт

быть временной учебной локацией и превращается в площадку реализации накопленного человеческого капитала. Однако их лояльность носит прагматичный характер: низкий уровень патриотической мотивации в этой группе (21,6%) указывает на то, что при ухудшении институциональных условий этот «ликвидный капитал» может легко переориентироваться на внешние рынки.

Кризис «фундамента». Важным вектором в структуре ожиданий студентов стал семантический кластер «Поддержка науки и образования». Студенты воспринимают состояние образовательной среды как маркер жизнеспособности всей государственной системы. Девальвация статуса педагога («статус опущен ниже плинтуса») и бюрократизация вузов считаются выпускниками как проявление «организованной безответственности» институтов. В терминах Г. Стэндинга, это ведёт к прекаризации будущего специалиста – риск получения «пустого диплома», не подкреплённого реальным престижем профессии, заставляет наиболее талантливую молодёжь рассматривать миграцию как способ поиска более качественных «инкубаторов» для своих талантов. Таким образом, образовательная среда в России сегодня выступает не якорем, а скорее точкой выталкивания для интеллектуальной элиты.

Гендерная дифференциация стратегий выживания. Результаты демонстрируют классический разрыв в «биографическом проектировании». Мужчины в условиях неопределённости выбирают стратегию рыночной экспансии, ориентируясь на высокую оплату труда и карьерные лифты. Женщины демонстрируют стратегию социального укоренения, где приоритет отдаётся безопасности, доступности медицины и сохранению родственных связей. Этот разрыв подчёркивает, что в «обществе риска» нагрузка по воспроизводству социальной стабильности ложится на женщин, в то время как мужчины чаще берут на себя риски, связанные с мобильностью и поиском новых экономических ниш.

Парадокс ценностей: между любовью и ипотекой. Трансформация ценностей по Р. Инглхарту находит своё отражение в доминировании «любви» (40,2%) и «доверия» (32,4%) над «материальной стабильностью» (4%), что свидетельствует о переходе к постматериалистическим приоритетам. Семья для выпускника – это не экономический союз, а «экзистенциальное убежище». Фундаментальное противоречие между высоким запросом на семейные ценности и замораживанием репродуктивных планов обусловлено не только ценовым барьером на рынке недвижимости. Критическая недоступность жилья (79%) в оценках молодёжи тесно связана с ростом притязаний на качество жизни и психологическую автономность. В отличие от стратегий выживания предыдущих поколений, современная молодёжь в большинстве своём не рассматривает проживание в составе «расширенной семьи» на территории родителей как приемлемый вариант. Стремление к суверенности жизненного пространства делает жилищный вопрос не просто материальной проблемой, а экзистенциальным условием перехода во взрослость.

Таким образом, миграционные установки и намерения выпускников Екатеринбурга – это не просто поиск лучшей жизни, а попытка разрешить

конфликт между потребностью в экзистенциальной безопасности и институциональной слабостью среды. Город удерживает молодёжь «якорями» социального капитала, но выталкивает рисками профессиональной деградации и материальной недоступности базовых благ.

Выводы

Проведённое исследование позволило комплексно рассмотреть миграционные установки выпускников екатеринбургских вузов в контексте современной социально-экономической турбулентности. Резюмируя результаты анализа, можно констатировать, что миграционные намерения молодёжи представляют собой сложный социокультурный конструкт, детерминированный не только рациональными экономическими расчётами, но и субъективным восприятием экзистенциальной безопасности.

В ходе работы были получены следующие обобщающие выводы.

Подтверждена гипотеза о связи уровня накопленного образовательного капитала на склонность к оседлости: институциональный статус выпускника выступает значимым фактором территориального закрепления. Однако количественное доминирование стратегий оседлости (62,4%) не должно маскировать хрупкость этой лояльности. Установлено, что социальный капитал остаётся единственным безусловным «якорем», в то время как государственные институты и образовательная среда зачастую воспринимаются как факторы выталкивания. Таким образом, текущая оседлость носит скорее вынужденный, компенсаторный характер в условиях внешней неопределённости.

Выявлено фундаментальное противоречие между высоким запросом молодёжи на семейные ценности и вынужденным замораживанием репродуктивных планов. Критическая недоступность жилья (79%) выступает барьером, за которым стоят не только финансовые ограничения, но и качественный рост притязаний на психологическую автономию. Современные выпускники ориентированы на суверенность жизненного пространства и в большинстве своём не готовы к модели «расширенной семьи» (совместному проживанию с родителями). Это формирует риск превращения региона в пространство «отложенной жизни», где невозможность достижения стандартов «взрослости» трансформируется в долгосрочный миграционный потенциал.

Особое значение имеет зафиксированный кризис доверия к сфере науки и образования. Девальвация социального статуса педагога и бюрократизация вузовской среды считываются молодёжью как проявление «организованной безответственности» институтов. В терминах рискологической концепции Ю. А. Зубок, в условиях индивидуализации ответственности молодёжь рассматривает миграцию не как поиск лучшей жизни, а как стратегию спасения накопленных компетенций от прекаризации и рисков профессиональной деградации («пустого диплома»).

Выявленный запрос на поддержку науки и образования, наряду с требованиями политической стабильности, маркирует зоны наиболее острого социального беспокойства. Миграционный потенциал молодёжи Екатеринбурга подпитывается стремлением минимизировать системные риски среды, которые не могут быть компенсированы личными усилиями индивида. Следовательно, для минимизации «утечки мозгов» необходим переход от декларативных мер к реальной реабилитации престижа интеллектуального труда и созданию доступных механизмов обеспечения жилищной автономности молодёжи.

Таким образом, корректировка региональной молодёжной политики должна быть направлена на трансформацию Екатеринбурга из «стабилизирующего хаба» в пространство реализации жизненных проектов, обеспечивающее не только экзистенциальную безопасность, но и социальные лифты для наиболее квалифицированных кадров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Thesis. 1994. № 5. С. 161–168.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. ISBN 5-89826-059-5. EDN [RAYTKJ](#).
3. Якуничев Д. А. Общество риска: возможная модель развития современного общества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 174–182. DOI [10.17223/1998863X/68/17](#). EDN [LHSBIK](#).
4. Гаврилов К. А. От общества риска к метаморфозам мира: памяти Ульриха Бека // Социологический ежегодник 2015–2016 : сб. науч. тр. М. : РАН, ИНИОН, 2016. С. 317–330. EDN [YFWZZN](#).
5. Долгов А. Ю. Жизнь в обществе риска: обзор специального выпуска Journal of Risk Research, посвящённого интеллектуальному наследию Ульриха Бека // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2022. № 4. С. 37–55. DOI [10.31249/rsoc/2022.04.03](#). EDN [SANKEY](#).
6. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодёжи. М. : Мысль, 2007. 288 с. ISBN 978-5-244-01085-5. EDN [VJCPYE](#).
7. Ланг П. П. Перспективы свободы индивида в условиях общества риска // Kant. 2022. № 4. С. 141–145. DOI [10.24923/2222-243X.2022-45.23](#). EDN [NYNJDG](#).
8. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Что ждёт студентов после... // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 67–91. DOI [10.14515/monitoring.2022.3.2142](#). EDN [IYABWU](#).
9. Казакова М. В. Концепция человеческого капитала и механизмы его влияния на экономический рост. М. : РАНХиГС, 2022. 59 с. URL: <https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/80585/ssoar-2022-kazakova-.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-2022-kazakova-.pdf> (дата обращения: 15.06.2026).
10. Бородкин М. А. Концептуализация человеческого капитала: традиционные теории и современные подходы // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 10. С. 29–33. DOI [10.24158/spp.2024.10.3](#). EDN [FUFCLW](#).
11. Образовательная миграция в регионах ресурсного типа / М. В. Курбатова, И. В. Донова, Е. А. Кранзеева, М. Г. Леухова // Мир России. 2022. Т. 31, № 1. С. 91–112. DOI [10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112](#). EDN [ZDBHOE](#).

12. Шекера Е. А. Факторы миграции молодёжи периферийного региона (на примере дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге) // *Caucasian Science Bridge*. 2024. Т. 7, № 1 (23). С. 35–56. DOI [10.18522/2658-5820.2024.1.3](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.3). EDN [QIDMHH](#).
13. Ткаченко А. А. Человеческий капитал как национальное богатство // *Экономика. Налоги. Право*. 2022. Т. 15, № 6. С. 20–32. DOI [10.26794/1999-849X-2022-15-6-20-32](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-6-20-32). EDN [PPTTPD](#).
14. Lee E. S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. Vol. 3, № 1. P. 47–57. URL: <https://emigratecaportuguesa.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/04/1966-a-theory-of-migration.pdf> (дата обращения: 15.06.2026).
15. Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 5 (159). С. 130–153. DOI [10.14515/monitoring.2020.5.1619](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619). EDN [KWBLKY](#).
16. Апенько С. Н., Лукаш А. В. Постдипломные стратегии молодёжи цифрового поколения: трудоустройство и миграция // *Вестник университета*. 2024. № 6. С. 100–111. DOI [10.26425/1816-4277-2024-6-100-111](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-6-100-111). EDN [EIQYJY](#).
17. Vats R., Bhardwaj R. Genesis of Migration and its Theories // *Review Journal Philosophy & Social Science (RJPSS)*. 2022. Vol. XLVII, № 2. P. 246–254. DOI [10.31995/rjpss.2022.v47i02.029](https://doi.org/10.31995/rjpss.2022.v47i02.029). EDN [GJKRGZ](#).
18. Экономические последствия и эффекты международной миграции рабочей силы / Е. А. Сурина, А. А. Тошпулотов, Е. А. Марилян, И. В. Матвеева // *Journal of Monetary Economics and Management*. 2025. № 4. DOI [10.26118/2782-4586.2025.23.68.048](https://doi.org/10.26118/2782-4586.2025.23.68.048). EDN [KAHWLM](#).
19. Student Migration: Evidence from Chinese Students in the US and China / W. Li, S. Zhao, Zh. Lu, W. Yu, X. Li // *International Migration*. 2019. Vol. 57, № 3. P. 334–353. DOI [10.1111/imig.12466](https://doi.org/10.1111/imig.12466).
20. Elder G. H., Johnson M. K. The Life Course and Aging: Challenges, Lessons, and New Directions // *Invitation to the Life Course: Towards New Understandings of Later Life*. London ; NY : Routledge, 2018. P. 49–81.
21. Heinz W. R., Krüger H. Life Course: Innovations and Challenges for Social Research // *Current Sociology*. 2001. Vol. 49, № 2. P. 29–45. DOI [10.1177/0011392101049002004](https://doi.org/10.1177/0011392101049002004). EDN [JRMOT](#).
22. Ежов О. Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. Т. 8, № 3. С. 22–33. EDN [OWJPBD](#).
23. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Политические исследования*. 1997. № 4. С. 6–32. EDN [ESCOIL](#).

Сведения об авторах

Е. В. Зайцева

кандидат социологических наук

доцент

SPIN-код: [8618-6729](#)

И. Б. Бритвина

доктор социологических наук

профессор

SPIN-код: [8650-6509](#)

П. А. Шумилова

кандидат социологических наук
старший преподаватель
SPIN-код: 3318-1661

Вклад авторов в подготовку публикации:

Е. В. Зайцева – 50% (формулирование идеи и общей концепции статьи, разработка логической структуры, обоснование методологических подходов к анализу результатов, анализ и интерпретация эмпирических данных, написание первого варианта текста статьи).

И. Б. Бритвина – 40% (разработка теоретических и методологических основ исследования, дизайн исследования, сбор и первичная обработка эмпирической информации, участие в редактировании и оформлении окончательного текста статьи).

П. А. Шумилова – 10% (участие в разработке инструментария для сбора данных, помощь в сборе и обработке эмпирической информации).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 16.07.2026.

Original article

DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.7

YEKATERINBURG STUDENT YOUTH' MIGRATION ATTITUDES IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC UNCERTAINTY

Ekaterina Vasil'evna Zaitseva¹

Irina Borisovna Britvina²

Polina Andreevna Shumilova³

^{1, 2, 3} Institute of Economics and Management
of the Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

¹ e.v.zaitseva@urfu.ru,

ORCID 0000-0003-2112-3029

² irina.britvina@urfu.ru,

ORCID 0000-0003-2862-4408

³ polina.shumilova@urfu.ru,

ORCID 0000-0001-8899-8546

For citation: Zaitseva E. V., Britvina I. B., Shumilova P. A. Yekaterinburg student youth' migration attitudes in the context of socio-economic uncertainty. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):128–154. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.7.

Abstract. The article analyzes the migration attitudes and intentions of university students in Yekaterinburg amidst socio-economic uncertainty. The theoretical framework is built upon U. Beck's concept of the "risk society", G. Standing's theory of "precarization", and Yu. A. Zubok's sociological concept of risk, which justifies the individualization of youth responsibility for their life starts. The study aims to identify the relationship between students'

migration intentions and their subjective assessment of self-realization prospects in Russia. The empirical data consists of survey results from students at six major city universities ($n = 1\,188$), conducted via paper-based questionnaires. The data were processed using Vortex software, applying univariate and bivariate statistical analysis (Pearson's χ^2 test) alongside qualitative analysis of open-ended responses. The findings indicate that 62.4% of students express an intention to remain in the city of their studies, perceiving it as a "stabilizing hub". It was established that accumulated educational capital serves as a significant determinant of residency: Master's students demonstrate a higher degree of integration into the local labor market. Social capital (attachment to family and friends) remains the primary retaining factor (77%), while the main "push" factors are the pursuit of high wages abroad (45.3%), negative assessments of the economic situation, and geopolitical instability. The conclusion argues that the recorded freezing of life projects due to the lack of affordable housing (79%) is driven not only by material barriers but also by an increasing demand for residential autonomy and independence from the parental family. The identified interest in supporting science and education is interpreted as a reflection of current public discourse and the respondents' high level of institutional involvement.

Keywords: migration attitudes, migration intentions, student youth, risk society, individualization of responsibility, socio-economic uncertainty, social capital, Yekaterinburg

REFERENCES

1. Beck U. From industrial society to the risk society [Ot industrial'nogo obshchestva k obshchestvu riska]. *THESIS (Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems)*. 1994;(5):161–168. (In Russ.).
2. Beck U. Auf dem Weg in eine andere Moderne [Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu]. Moscow: Progress-Tradiciya; 2000. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-89826-059-5.
3. Iakunichev D. A. Risk society: a possible model for the development of modern society. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science=Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2022;(68):174–182. (In Russ.). DOI [10.17223/1998863X/68/17](https://doi.org/10.17223/1998863X/68/17).
4. Gavrilov K. A. From risk society to the metamorphosis of the world: in memoriam Ulrich Beck. In: *Sociological yearbook 2015–2016: collection of scientific papers*. Moscow: RAS, INION; 2016. P. 317–330. (In Russ.).
5. Dolgov A. Yu. Living in a risk society: a review of the special issue of the Journal of risk research on Ulrich Beck's intellectual legacy. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology=Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya*. 2022;(4):37–55. (In Russ.). DOI [10.31249/rsoc/2022.04.03](https://doi.org/10.31249/rsoc/2022.04.03).
6. Zubok Yu. A. The phenomenon of risk in sociology: Experience in youth research [Fenomen riska v sotsiologii: Opyt issledovaniya molodezhi]. Moscow: Mysl; 2007. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-244-01085-5.
7. Lang P. P. Perspectives for individual freedom in a risk society. *Kant*. 2022;(4):141–145. (In Russ.). DOI [10.24923/2222-243X.2022-45.23](https://doi.org/10.24923/2222-243X.2022-45.23).
8. Ambarova P. A., Zborovsky G. E. What awaits students after... *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2022;(3):67–91. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2022.3.2142](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2142).
9. Kazakova M. V. Human capital concept and mechanisms of its influence on economic growth. Moscow: RANHiGS; 2022. 59 p. (In Russ.). Available at: <https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/80585/ssoar-2022-kazakova-.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-2022-kazakova-.pdf> (accessed: 15.06.2026).

10. Borodkin M. A. Conceptualization of human capital: traditional theories and modern approaches. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics=Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*. 2024;(10):29–33. (In Russ.). DOI [10.24158/spp.2024.10.3](https://doi.org/10.24158/spp.2024.10.3).
11. Kurbatova M. V., Donova I. V., Kranzeeva E. A., Leukhova M. G. Educational migration in resource-extracting regions. *Universe of Russia=Mir Rossii*. 2022;31(1):91–112. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112).
12. Shekera E. A. Factors of migration of peripheral region youth (using example of Dagestan youth living in St. Petersburg). *Caucasian Scientific Bridge*. 2024;7(1):35–56. (In Russ.). DOI [10.18522/2658-5820.2024.1.3](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.3).
13. Tkachenko A. A. Human capital as national wealth. *Economics, Taxes & Law=Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2022;15(6):20–32. (In Russ.). DOI [10.26794/1999-849X-2022-15-6-20-32](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-6-20-32).
14. Lee E. S. A theory of migration. *Demography*. 1966;3(1):47–57. Available at: <https://emigratecaportuguesa.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/04/1966-a-theory-of-migration.pdf> (accessed: 15.06.2026).
15. Mkrtchyan N. V., Florinskaya Y. F. Why some people leave certain regions in favor of others: motives behind interregional migration in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020;(5):130–153. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.5.1619](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619).
16. Apenko S. N., Lukash A. V. Postgraduation strategies for youth of the digital generation: employment and migration. *Bulletin of the University=Vestnik universiteta*. 2024;(6):100–111. (In Russ.). DOI [10.26425/1816-4277-2024-6-100-111](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-6-100-111).
17. Vats R., Bhardwaj R. Genesis of migration and its theories. *Review Journal Philosophy & Social Science (RJPSS)*. 2022;XLVII(2):246–254. DOI [10.31995/rjpss.2022.v47i02.029](https://doi.org/10.31995/rjpss.2022.v47i02.029).
18. Surina E. A., Toshpulotov A. A., Marikyan E. A., Matveeva I. V. Economic consequences and effects of international labor migration. *Journal of Monetary Economics and Management*. 2025;(4). (In Russ.). DOI [10.26118/2782-4586.2025.23.68.048](https://doi.org/10.26118/2782-4586.2025.23.68.048).
19. Li W., Zhao S., Lu Zh., Yu W., Li X. Student migration: evidence from Chinese students in the US and China. *International Migration*. 2019;57(3):334–353. DOI [10.1111/imig.12466](https://doi.org/10.1111/imig.12466).
20. Elder G. H., Johnson M. K. The life course and aging: challenges, lessons, and new directions. In: *Invitation to the life course: towards new understandings of later life*. London; NY: Routledge; 2018. P. 49–81.
21. Heinz W. R., Krüger H. Life course: Innovations and challenges for social research. *Current Sociology*. 2001;49(2):29–45. DOI [10.1177/0011392101049002004](https://doi.org/10.1177/0011392101049002004).
22. Ezhov O. Life course paradigm in western sociology. *The Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2005;8(3):22–33. (In Russ.).
23. Inglehart R. Postmodernity: changing values and changing societies [Postmodern: menyayushchiesya cennosti i izmenyayushchiesya obshchestva]. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1997;(4):6–32. (In Russ.).

Information about the authors

E. V. Zaitseva

Candidate of Sociology

Associate Professor

ResearcherID: [AAD-7875-2019](https://orcid.org/0009-0001-9210-8000)

Scopus AuthorID: [57220778399](https://orcid.org/0009-0001-9210-8000)

I. B. Britvina

Doctor of Sociology

Professor

ResearcherID: **N-9616-2013**

Scopus AuthorID: **56766050400**

P. A. Shumilova

Candidate of Sociology

Senior Lecturer

ResearcherID: **Q-1831-2016**

Contribution of the authors:

E. V. Zaitseva – 50% (formulation of the idea and general concept of the article, development of a logical structure, justification of methodological approaches to the analysis of results, analysis and interpretation of empirical data, writing the first version of the text of the article).

I. B. Britvina – 40% (development of theoretical and methodological foundations of research, research design, collection and primary processing of empirical information, participation in the editing and design of the final text of the article).

P. A. Shumilova – 10% (participation in the development of data collection tools, assistance in collecting and processing empirical information).

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.04.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 16.07.2026.

МОРФОЛОГИЯ ПРИФРОНТОВОГО ГОРОДА: ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, (ПЕРЕ)ДВИЖЕНИЕ, ШУМ

Мария Александровна Подлесная

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

yamap@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-2159-4958

Для цитирования: Подлесная М. А. Морфология прифронтового города: пространство, время (пере)движение, шум // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 3. С. 155–177. DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.8. EDN OSEMHH.

Аннотация. Исследование автора посвящено анализу морфологии прифронтового города не как суммы разрушений и ограничений, а как динамической системы, в которой пространственные, временные и акустические факторы находятся в отношениях взаимной конституции. На материале полевого включённого наблюдения, с элементами этнографического подхода, проведённого в Северодонецке (октябрь 2025 г.), в статье разрабатывается методологическая концепция «режима присутствия». Методика содержит включённое наблюдение, ведение полевого дневника, фото- и видеодокументирование, неформализованные интервью с жителями и волонтёрами (n = 21), акустический мониторинг. Теоретическая рамка выстраивается на пересечении социальной морфологии (М. Хальбвакс, Э. Дюркгейм), концепции производства пространства (А. Лефевр) и «нового военного урбанизма» (С. Грэм). Режим присутствия отличается от фукольдianской гетеротопии (М. Фуко) своей динамичностью, множественностью источников ограничений (военная комендатура, топография разрушений, акустическое поле угроз) и отсутствием единого центра власти. Он соотносится с де-серторовским (М. де Серто) различием стратегий и тактик, конкретизирует концепцию акустических территорий Б. Лабелля и открывает возможности для сравнительного анализа других кризисных пространств (зон ЧС, карантинных территорий и т. д.). В рамках режима присутствия жители вырабатывают механизм комплексной адаптации через четыре взаимосвязанных способа (пространственный, временной, акустический, социально-сетевой). Эти способы рассматриваются как пассивные тактики выживания. На их основе автором статьи сформулированы практические рекомендации для организаций, работающих с населением прифронтовых городов, нацеленные на постепенный переход к активным формам адаптации (обучение акустической разведке, создание совместных карт безопасных маршрутов, разработка локальных систем оповещения).

Ключевые слова: прифронтовой город, Северодонецк, социальная морфология, режим присутствия, военный конфликт, городское пространство, временные режимы, акустическое поле, адаптация населения, этнографический метод, гетеротопия, качество жизни прифронтовых территорий

Введение

Вопрос о том, что происходит с городом, когда фронт проходит в нескольких десятках километров от него, остаётся одним из наименее изученных в отечественной социологии. Если макросоциологические подходы описывают демографические потоки, экономические потери и институциональные разрывы, то микроуровень повседневной жизни – то, как жители ориентируются в пространстве без карт и связи, как воспринимают время под звук артиллерии, как говорят и о чём молчат, – остаётся за рамками систематического анализа. Предлагаемая коллегам статья представляет попытку восполнить эту лауну, обратившись к понятию социальной морфологии прифронтового города, применив его к нынешней повседневности в городе Северодонецке.

Актуальность темы определяется не только конкретным военным конфликтом, но ещё и тем, что с учётом развития беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и управляемых ракет дальнего действия статус прифронтового города в современной войне принципиально трансформировался. Во-первых, боевые действия всё глубже смещаются в тыл. Во-вторых, стратегически значимый город, даже при отдалении линии боевого соприкосновения, может длительно оставаться мишенью, то есть пребывать в положении «осаждаемого» не временно, а на протяжении всего конфликта. Это делает относительным само понятие «тыл» [1, с. 29–30] и превращает изучение морфологии прифронтового города в задачу общесоциологической значимости, так как в ситуации современной войны любой город может стать прифронтовым.

Теоретическая база исследования

Морфология в социологии – это прежде всего изучение структуры социальных явлений и устойчивых элементов социальной системы. Термин заимствован из биологии (через работу «Метаморфозы растений» И. В. Гёте), где морфологией принято называть учение о форме организмов и закономерностях их строения. В рамках социологического анализа (прежде всего, с подачи Э. Дюркгейма) морфология направлена на исследование формальных аспектов общественных структур – институтов, социальных групп, норм поведения, культурных моделей [2, с. 420–421]. Применение её инструментария позволяет выявить базовые элементы социального устройства, их взаимосвязи и взаимодействия. Не последнюю роль в сохранении инерции социальной морфологии играет коллективная (социальная) память, которая действует как рамка, ограничивающая и структурирующая поток социальных воспоминаний [3].

В качестве наиболее характерных морфологических фактов, по М. Хальб-ваксу, как правило, учитывают демографические показатели, инфраструктуру города, способы коммуникации, социальное расслоение. В данной работе автор намерен определить социальные константы, наиболее типичные для прифронтового города, те характеристики, которые позволяют отличать прифронтовой

город от любого другого. При этом критичные изменения, характерные для кризисной среды, порождают морфологические сдвиги всех социальных групп, что сказывается на преобразовании их места и роли в социальной структуре (см.: [4, с. 123–130]).

Сложность пространственного измерения человеческой жизни обусловлена не только объектом изучения, но и той генеалогией подходов, которая сложилась на пересечении антропологии, социальной географии, этнографии и археологии. К настоящему времени исследователи оперируют тремя ключевыми понятиями – *пространство, место, ландшафт*. Пространство, в отличие от места, имеет прежде всего социальный характер, поскольку производится человеческими телами и группами, историческими и политическими силами. Место – аналог пространства – наделяется личными и групповыми смыслами, эмоциями, чувственными интерпретациями и потому имеет в большей степени интерсубъективный характер, соотносимый с идентичностью [5, с. 117]. Ландшафт определяется как вводная точка для понимания человеческого опыта бытия-в-мире [5, с. 113], как система упорядочивания и означивания. В своей работе автор задействует все три понятия, считая целесообразным идти от общего, бытийного – ландшафт – к социологическим, конкретным – пространство, место.

Важным теоретическим источником для исследования представляют идеи А. Ф. Филиппова о пространстве и времени в социологии. Филиппов различает телесный аспект пространственного взаимодействия, то есть перемещение тела и связанные с ним отношения власти, и смысловой аспект, характерный для временной ориентации [6, с. 150]. Схема пространства и схема времени могут при изучении налагаться друг на друга: тело меняется во времени, а смысл имеет своё выражение в материальных носителях [6, с. 151].

Эта рамка продуктивна для описываемого исследования, однако полевой материал обнажает её предел, который проявлен в том, что А. Ф. Филиппов описывает тело, которое перемещается в пространстве как субъект взаимодействия и движения. Прифронтовой же город обнаруживает и обратную конфигурацию, где наблюдается тело, которое вынуждено не перемещаться, удерживаемое на месте акустической угрозой и темпоральным запретом. Там, где А. Ф. Филиппов предполагает движение как условие пространственного освоения, прифронтовой город порождает иммобилизацию как один из основных режимов телесного существования.

Именно здесь необходимо привлечь работы Мишеля де Серто, различавшего *стратегии*, то есть действия тех, кто обладает собственным местом и контролирует пространство, и *тактики* как действия тех, кто вынужден выживать в чужом пространстве, не владея им [7, р. xix]. Жители прифронтового города являются в этом смысле чистыми тактиками, они не управляют пространством, но искусно используют его промежутки (паузы между обстрелами, временные щели между патрулями, акустические «тихие» окна). Сочетание филипповской телесности с де-серторовской тактикой позволяет описать специфику адаптации в прифронтовом городе точнее, чем каждый из этих подходов

в отдельности. А. Ф. Филиппов даёт язык для анализа тела в пространстве-времени, М. де Серто – язык для анализа тактик выживания в пространстве, которое телу не принадлежит.

Приступая к изучению, автор рассматривал морфологию прифронтового города через одновременное включение пространственных и временных измерений, не концентрируясь исключительно на телесном или смысловом аспекте, а наблюдая явления прифронтового города в тесной пространственно-временной связке.

Британский исследователь Стивен Грэм фиксирует «новый военный урбанизм», где город превращается в постоянное поле боя с невидимыми врагами, требующими тотального контроля и слежки [8, р. 23]. В отличие от колониальных войн, современные конфликты проникают в повседневность и лабиринтные структуры мегаполисов и становятся ареной контрповстанческих операций [8, р. 187]. Именно в этой логике автору видится лакуна, а именно – отсутствие анализа российских прифронтовых городов в условиях специальной военной операции (СВО).

Акустическое измерение повседневной жизни изучается в рамках самостоятельного междисциплинарного направления акустических исследований (sound studies). Американский культуролог Б. Лабелль в работе «Акустические территории» показывает, что звук не просто сопровождает пространство но активно конституирует его, и через слуховой опыт формируются территориальность, идентичность и социальные границы [9]. Именно этот тезис о звуке как производителе пространства, а не его фоне, является для автора статьи теоретической основой анализа акустического поля Северодонецка. В связи с этим стоит вспомнить работу Дж. М. Дотри «Слушая войну», посвящённую звуковому опыту войны в Ираке¹, в которой показано, что военные звуки (выстрелы, взрывы, гул беспилотников² и др.) образуют специфическую «акустическую экологию выживания», в которой слух становится главным инструментом навигации и оценки угрозы [10, р. 4–7]. Это наблюдение прямо применимо к Северодонецку, где жители систематически используют звук для оценки безопасности маршрута и принятия решений о передвижении. Звуковое созерцание в мирном городском контексте, например – роль колоколов в городском и сельском пространстве, рассматривает С. Румянцев [11], однако акустика прифронтового города образует принципиально иной тип звуковой культуры, остающийся за рамками отечественной исследовательской традиции.

М. Фуко предложил понятие гетеротопии, то есть «иного места», выпадающего из нормативного пространственного порядка [12]. Прифронтовой город

¹ В своей работе Дотри указывает 2003–2011 гг., делая отсчёт от вхождения иностранных войск в марте 2003 г. и до вывода последних военных подразделений. Более того, он весь этот период называет не войной, а длительной военной оккупацией с сопротивлением.

² Интересно, что беспилотники уже воевали и Дотри описывает, как они влияли на акустическое поле. То есть война дронов прошла обкатку не на Украине, как принято думать, а уже в Ираке начала 2000-х.

представляет собой крайний случай такой среды, когда это не просто «другое пространство», а такое пространство, в котором тело постоянно пересчитывает своё положение относительно нескольких меняющихся координат одновременно. В настоящей статье предлагается уточнить это понятие, описав прифронтовой город как *гетеротопию выживания*, включив в него фрагментарно структурированную, нестабильную, рискогенную среду, в которой пространственные, временные и акустические ограничения взаимно конституируют друг друга, порождая специфические адаптационные модели.

Методы и позиция исследователя

Методика авторского исследования качественная, с элементами этнографического подхода, с выездом и проживанием в прифронтовом городе в октябре 2025 г. Этнографический метод позволяет зафиксировать «военную морфологию» [8, р. 45], где пространство, время и акустика структурируют выживание, то есть то, что недоступно макроанализу.

Конкретные методы: включённое наблюдение (полевой дневник, 40 страниц); фото- и видеодокументация (около 120 снимков, кодирование по темам: «пространство», «время», «шум»); неформальные интервью (n = 21) с жителями, волонтёрами, кураторами добровольческих направлений и смен; акустический мониторинг (ежедневная фиксация звуковых событий в течение 14 дней).

Выборка формировалась методом снежного кома, в качестве основных информантов выступали координаторы волонтёрского направления и смен, сами волонтёры с продолжительным опытом помощи в прифронтовых городах и так называемые «подопечные» – местные жители, которым оказывается помощь волонтёрскими организациями. Анализ данных производился на основе тематического кодирования. В тексте статьи представлены фотоматериалы исследования и выдержки из полевого дневника.

Данное исследование предполагало нахождение исследователя непосредственно в прифронтовом городе на протяжении нескольких недель, что неизбежно породило специфические эпистемологические и этические условия работы. С одной стороны, включённость обеспечивает доступ к «проживаемому опыту», недостижимому дистанционными методами. Например, телесное ощущение звука артиллерии, навигация в пространстве без связи, участие в неформальных беседах – всё это становится аналитическим ресурсом. С другой стороны, эта же погруженность создаёт риск «уйти» в эмпатию с одной из групп, утратив аналитическую дистанцию. Осознавая это, автор статьи намеренно фиксировала в дневнике собственные реакции и интерпретации наравне с наблюдаемыми фактами, рассматривая их как материал для рефлексии, а не как объективные данные.

Ключевая этическая дилемма состояла в анонимности информантов в условиях, когда их высказывания касались политически чувствительных тем (идеологическое разделение, отношение к СВО). Имена не указываются,

социально-демографические характеристики обобщены до минимума, необходимого для аналитики. Часть наблюдений, способных идентифицировать конкретных лиц, намеренно опущена или изменена. Исследование не ставит целью политическую оценку происходящего, оно направлено на фиксацию исключительно социологических закономерностей в экстремальных условиях.

Научная проблема, цель и задачи

Научная проблема авторского исследования заключается в необходимости выявления социальной морфологии прифронтового города как динамической системы взаимодействия трёх базовых измерений – пространства (лабиринтная структура улиц, места укрытия), времени (комендантский час как механизм контроля и мифологизации) и акустического поля (шум боевых действий как инструмент власти). В отличие от традиционных исследований военных конфликтов, фокусирующихся на макроуровне, данная работа анализирует микрологию повседневной жизни в условиях СВО как форму гетеротопии. Рабочая гипотеза исследования формулируется следующим образом: социальная морфология прифронтового города представляет собой адаптивную систему, в которой идеологическое разделение и временные режимы взаимосвязаны через акустическое воздействие, создавая уникальные практики выживания. Цель изучения состоит в эмпирическом выявлении морфологии прифронтового города на примере Северодонецка для разработки мер социальной поддержки и восстановления. Сопутствующие этому задачи: зафиксировать пространственные трансформации (лабиринтность, места памяти, процесс криминализации); проанализировать временные режимы (комендантский час, мифологизация ночи); изучить акустическое воздействие и его психосоциальные последствия; выявить модели адаптации населения как интегрированный ответ на системное давление всех трёх измерений.

Результаты

История Северодонецка и его социальный контекст. Северодонецк расположен на западе Луганской Народной Республики (ЛНР), на границе исторических регионов Донбасса и Слобожанщины. Современный Северодонецк основан в 1934 году как посёлок Лисхимстрой при строительстве Лисичанского азотно-тукового химкомбината («Северодонецкое объединение «Азот»»). В 1958 году получил статус города и стал крупным индустриальным и культурным центром Донбасса. По данным переписи 2001 года, население составляло около 120 тыс. человек (59% – украинцы, 39% – русские, из всего населения около 70% – русскоязычные). В феврале 2022 г. была объявлена эвакуация, и численность населения резко сократилась примерно до 8 тыс. человек. С середины 2022 года наблюдается обратный процесс – возвращение жителей: например, к 2024 году население выросло примерно до 40 тыс. человек, к 2025

году оценки варьируются от 99 до 130 тыс. человек. Эта демографическая динамика сама по себе морфологически значима, так как город переживает не восстановление в прежнем виде, а создание нового социального состава на руинах прежнего.

В 2014 году Северодонецк стал новым административным центром Луганской области Украины и оставался им с 22 сентября 2014 г. по 25 июня 2022 г. Этот факт определил специфическое идеологическое положение города: в отличие от других территорий ЛНР, Северодонецк долгое время оставался украинской территорией, что породило идеологическое разделение населения, сохраняющееся до сих пор.

Три измерения одного режима. Прежде чем перейти к анализу каждого из трёх измерений – пространства, времени и звука – необходимо обозначить принцип, который их объединяет. Ни одно из них не существует в прифронтовом городе автономно. Разрушенное пространство меняет темпоральный ритм: например, маршрут, который вчера занимал десять минут, сегодня занимает сорок, и это не просто потеря времени, это изменение самого ощущения города как обозримого и управляемого. Комендантский час, в свою очередь, не просто запрещает выходить после 21:00, но и превращает ночной звук артиллерии в акустически незащищённый опыт – стены квартиры лишь частично дают укрытие, тогда как движение по улице под обстрелом невозможно. Наконец, шум не только пугает, но и картографирует, так по интенсивности и направлению звука жители определяют, какие улицы сегодня безопасны, а какие нет. Это соответствует концепции Б. Лабелля об «акустических территориях», где звук конституирует территориальность, задавая невидимые границы доступного и недоступного. В прифронтовом городе шум буквально производит пространство, и не только в левефьевском смысле социального конструирования, но и в де-серторовском, когда звук определяет, где возможна тактика выживания и где она невозможна. Таким образом, пространство, время и акустическое поле образуют в прифронтовом городе единый режим присутствия, такую систему взаимных ограничений, через которую проходит каждое тело каждый день, каждую ночь.

Именно тело жителя является той точкой, где все три измерения сходятся в единый жизненный опыт. Добавляя акустическое измерение к пространственному и временному и опираясь на филипповское наблюдение о телесном аспекте пространственного взаимодействия [6, с. 150], получаем, что тело в прифронтовом городе одновременно движется в лабиринте (пространство), подчиняется расписанию страха (время) и «слышит» власть (шум). При этом, в отличие от мирной повседневности, тактики М. де Серто здесь не предполагают возможности стать стратегией, так как жители действуют исключительно в режиме реагирования, не приобретая однозначно устойчивого контроля над ситуацией.

Пространство прифронтового города

Военный ландшафт: от степи до лабиринта. В своей работе «Военный ландшафт» Курт Левин, основываясь на опыте службы в пехотной артиллерии, акцентирует внимание на том, как меняется восприятие пространства при переходе от мирных территорий через пограничные зоны к фронтовым позициям [13]. Он подчёркивает принципиальное различие между «круглым» мирным ландшафтом, который не имеет чётких границ («переда и зада»), и военным ландшафтом, для которого характерна предельность пространства. Он пишет: «за линией фронта местность каким-то образом заканчивается, ландшафт оказывается ограниченным» [13, с. 88]. Эта пространственная ограниченность возникает задолго до непосредственных боевых позиций. В итоге «местность предстаёт перед нами как имеющая «впереди» конец, за которым следует «ничто»» [13, с. 88].

При приближении к Северодонецку наблюдается сходное ощущение пограничной местности. Примерно за 80 км до города открывается картина южных степей с холмистым ландшафтом, внутри которого тёмные окна выбеленных домов и пустые улицы скрывают иное, эвакуированное и отчуждённое пространство. Это пространство, несмотря на отсутствие видимых разрушений, уже воспринимается как концентрированно замкнутое – с элементами неочевидного военного присутствия. Лефевровское «пространство всегда обладает значением» [14, с. 159] справедливо и тогда, когда оно обезлюдено в силу отчуждения территорий от людей.

Дальнейшее приближение к военным зонам сопровождается переходом к территории с явными признаками разрушений – выжженные леса, взорванные укрытия, разрушенные дома, застывшие в моменте насилия (рис. 1). Эта территория несёт иную смысловую нагрузку, а именно – отражение военной травмы и разрыва с мирным прошлым.

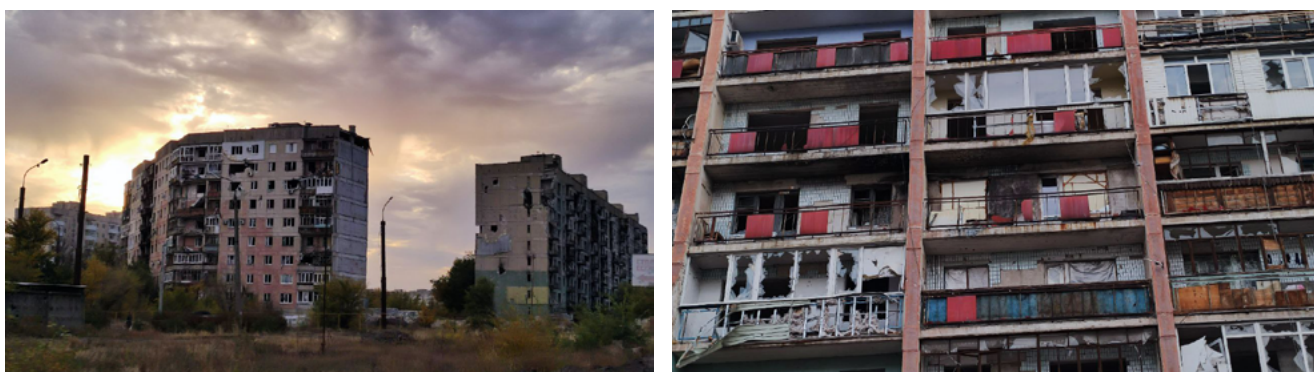

Рис. 1. Территории с признаками разрушения при въезде в прифронтовой Северодонецк, 2025 г.

Лабиринт и навигация без карты. Несмотря на внешнюю хаотичность и неопределённость при въезде в Северодонецк, жизнь в прифронтовом городе сохраняется и принимает причудливые формы. Дороги города разрушены, но частично восстанавливаются. Отсутствие привычных правил дорожного

движения и постоянное изменение маршрутов из-за строительной техники и военных событий формируют уникальную дорожную культуру с минимальными или отсутствующими ограничениями. Полномасштабное отсутствие интернета и мобильной связи усиливает значимость бумажных карт и локальной навигации со странной мобильностью – когда «мобильность превращается в свою противоположность» [6, с. 206]. При этом если в первые дни пребывания в прифронтовом городе машин на улицах было совсем немного, то в последнее – движение стало настолько заметным, что кое-где приходилось стоять в «пробке». Это было настолько необычно для уже привычно пустых дорог, что обращало на себя внимание: город оживает, в него возвращается мирная жизнь.

При этом пространство прифронтового города во все дни нашего пребывания в нём казалось неорганизованным вовсе, перестраивалось ежедневно и даже почасово, создавая ощущение лабиринта. Но одновременно в городе сохранялись отдельные узнаваемые места и объекты, отсылающие к первоначальной организации городского пространства, например – к его прошлому, которое теперь, после разрушений, было фрагментарным и неполным. Эта двойственность точно зафиксирована в одном интервью: *«Лабиринт полный. Была прямая дорога – теперь три круга через дворы. Карты не помогают. Хорошо, что нет камер, всё время нарушаю»* (муж., 32 г., волонтер, ИТ-специалист). В этой краткой реплике спрессованы несколько ключевых характеристик прифронтового пространства: во-первых, его непредсказуемость («три круга через дворы»), во-вторых, информационная слепота («карты не помогают») и, в-третьих, что парадоксально, освобождение от нормативного контроля («хорошо, что нет камер»). Лефевровское «производство пространства» здесь работает как будто в обратном направлении: пространство не производится планомерно, а перепроизводится хаотично, ежедневно обнуляя накопленные навигационные схемы. Если М. де Серто описывает тактику как «искусство делать» в чужом пространстве, то навигация без карты в прифронтовом городе есть тактика в чистом виде, где нарушение дорожных правил из девиации превращается в норму выживания, «мирная» нормативность подвешивается, а на её место приходит ситуативная рациональность.

Тело под контролем: от ремня безопасности до комендатуры. Особенно примечательно, что в прифронтовом городе соблюдение правил дорожного движения, принятых в мирное время, порой несло серьёзную опасность. Пристёгнутый ремень безопасности становился угрозой, и негласным правилом было несоблюдение этого правила, чтобы в случае удара БПЛА водитель и пассажиры могли вовремя покинуть машину. Таким образом, наряду с минимальным набором традиционных дорожных правил появлялись новые, характерные исключительно для специфики прифронтового пространства. Здесь уже просматривается системная природа трёх измерений: это решение – пространственное по форме – диктуется акустически (необходимость слышать звук БПЛА) и требует темпоральной мгновенности реакции. К этому вернёмся подробнее в разделе о системном анализе.

Пространство прифронтового города изменялось ежедневно не только из-за работы строительной техники, но и вследствие обстрелов и повреждений инфраструктуры. При движении по привычному маршруту приходилось искать объезд: например, если участок дороги был засыпан осколками или обрушениями. Эти обстоятельства формировали восприятие городской жизни как опасной, находящейся под постоянным наблюдением и контролем со стороны противника. Здесь возникает отсылка к концепции пространственной гегемональности [12], однако в данном случае речь идёт не об архитектуре как политической технологии, а о военных технологиях, направленных на формирование уязвимого тела в условиях боевых действий в городской среде.

Характерной чертой передвижения было то, что въезд и выезд регулировались особыми распоряжениями, часто требующими подтверждения военной комендатуры в виде списков въезжающих и выезжающих лиц. Если внутри города дорожные правила практически не соблюдались, то выход за его пределы сопровождался множеством согласований и дополнительных правил. Чем ближе были фронтовые позиции, тем сильнее ощущались напряжение и контроль, включая возможность наблюдения и прострела дорог с воздуха, со стороны так называемой «вертикальной топологической структуры», тем самым усиливая значение трёхмерности данного пространства [15]. Симптоматично, что жители зачастую предпочитали не распространяться о «ситуациях на дорогах», соблюдая молчание. Это являлось ещё одним из негласных правил: в прифронтовом городе на определённые темы накладывалось табу и считалось неэтичным обсуждать вражеские налёты в повседневной, свободной манере.

Связь как структурирующий ресурс. Одной из особенностей Северодонецка и прилегающих поселений было ограничение доступа к мобильной связи и интернету, доступных лишь в отдельных местах. В городе наблюдалась характерная картина: местные жители, находясь вблизи учреждений с Wi-Fi и зная пароль, активно ловили сеть для общения с родственниками. Ограничения связи диктовали свои правила, например, выезжая по делам, люди тщательно проверяли, имеют ли при себе всю необходимую информацию, которой обеспечивали себя заранее, а перед поездкой всё многократно перепроверяли, так как повторно связаться или уточнить что-либо было зачастую невозможно. Привычной становилась картина человека без телефона в руке, противоположная той, что характерна для территорий, удалённых от фронта. При этом ограничение связи не сказывалось на активности горожан, жизнь шла и люди были повсюду – на улицах, в магазинах, аптеках.

Ситуация могла измениться в течение пары дней, например: «ещё вчера автобусы не ходили, и на остановках не было людей». Это «вчера» – не просто временная отметка, оно обнажает специфическое качество прифронтового времени, в котором каждый день обнуляет предыдущий.

Особенности городской среды: контраст, символика, криминализация. Особенность городской среды прифронтового пространства заключалась в её контрасте. С одной стороны, можно наблюдать отремонтированные и яркие

фасады зданий, с другой – тёмные, уродливые разрушения. Пространство словно делилось на две части, одна из которых отсылала в будущее, другая удерживала в настоящем – всё ещё связанном с войной и недавними ужасами активных боевых действий.

О близости войны свидетельствовали также новые «места памяти» [16], стихийно возникшие, не оформленные официально захоронения. Они появлялись в отдельных дворах и вблизи некоторых храмов (рис. 2). Их отличительной особенностью было то, что вместо традиционных венков использовалась оборонительная сетка, а место креста занимали личные вещи погибших – военная перчатка, искорёженный автомат.

Рис. 2. Стихийно возникшие, новые «места памяти» в прифронтовом Северодонецке, 2025 г.

Особого разбора заслуживает феномен взаимодействия «человек – животное». Улицы прифронтового города трудно представить без собак, сбившихся в стаи и привыкших за время отсутствия человека к собственным способам выживания – эмпирически наблюдаемая «голая жизнь» [17]. Возвращение граждан с питомцами, прогулки хозяев с собаками во дворах, подкармливание бродячих животных – всё это символизирует ещё одно восстановление порядка и включение людей в привычное городское социальное пространство.

Отметим, что социальное пространство прифронтового города характеризуется также высокой степенью криминализации. Отдельного внимания заслуживает группа преимущественно пожилых женщин – собственниц городского жилья, фактически лишённых доступа в принадлежащие им помещения (в квартирах были заменены двери и замки, а в жилищно-эксплуатационной организации отказались предоставить ключи либо подтвердить право на вход). Поэтому в прифронтовом городе активно действуют частные юридические службы, юристы которых специализируются на помощи людям, оказавшимся фактически бездомными. В одном из таких эпизодов пришлось участвовать автору статьи, оказывая в качестве волонтера помощь «подопечной», чья история возвращения в родной город была связана с необходимостью восстанавливать право на потерянное жильё. Консультации, длительное общение с пострадавшей, беседы с юристами, оформление документов показали, что это не единичный случай и он является частью процесса криминализации среды,

где наблюдается правовая неопределённость, так называемое «исключение», как сказал бы итальянский философ Дж. Агамбен, посредством чего описывает именно такие ситуации, когда привычный правовой порядок оказывается приостановлен, а неопределённость закреплена.

Если говорить о пространстве как о метафоре или идее, то Северодонецк довольно слабо маркирован как город, связанный с Россией. По архитектуре, застройке, культурным маркерам – это детище СССР, в нём нет ничего из украинского этапа города, но и российское нынешнее присутствие пока слабо отражено. На уровне символов можно заметить редко встречаемый российский триколор, стелу при въезде в город, окрашенную в бело-сине-красный цвета, и отдельные муралы в промзоне с призывами: «Пожалуйста, спасите наш город от нацистов» (рис. 3). Пространство в данном случае понимается не просто как территория, но и как политическая сила [18, с. 81].

Рис. 3. Культурные маркеры пространства как идеи в прифронтовом Северодонецке, 2025 г.

Описанные пространственные трансформации – лабиринтообразность маршрутов, исчезновение знакомых ориентиров, контраст между восстановленными фасадами и разрушенными дворами – невозможно отделить от специфической темпоральности прифронтового города. Пространство здесь не просто изменено, но изменяется непрерывно, и эта непрерывность сама становится временным переживанием. Это «вчера» («ещё вчера автобусы не ходили») указывает на особое качество прифронтового времени, в котором, как уже отмечалось, каждый новый день обнуляет предыдущий. Механизмы этого обнуления, его институциональное оформление и переживание жителями – предмет анализа следующего раздела.

Время прифронтового города

Комендантский час как инструмент контроля и мифологизации. Время в прифронтовом городе обладает преимущественно не физической, а культурной и смысловой природой. Фактически оно проявляется через режим дня и комендантский час, который накладывает ограничение на передвижение в городе после 21:00. Этот временной режим дисциплинирует жителей,

регулирует их повседневные дела и встречи, а также формирует особый мифологический пласт. Существуют устоявшиеся мифы, основанные на формальных правилах комендантского часа и их преувеличениях, которые служат средством психологической защиты и социального контроля. Город начинает восприниматься как пространство темноты и опасности: *«В комендантский час лучше не выходить, можно на 14 дней попасть под арест. Но боишься, конечно, не времени, а шума. Дроны ночью – хуже всего, не спишь, сердце колотится»* (жен., 45 лет, местный житель, парикмахер). *«После 21:00 город другой, время останавливается. Идёт тяжёлая техника... И не дай бог встретиться с ней на дороге, особенно если ты без документов»* (муж., 34 г., волонтёр, водитель).

Первая цитата чрезвычайно аналитически ёмка, и информантка сама проговаривает логику взаимозависимости времени и шума – «боишься не времени, а шума». Комендантский час создаёт рамку ночного страха, но содержание этого страха определяется звуком. Именно поэтому ни пространство, ни время нельзя анализировать независимо от акустического поля.

Вторая цитата обнажает темпоральное воздействие на пространство, которое после 21:00 буквально становится «другим» – оно переконфигурируется, наполняется иными агентами (тяжёлая техника) и иными правилами (документы как пропуск).

Темпоральная неопределённость и изоляция. Важную роль в восприятии времени играет шум. Особенно характерна периодичность работы артиллерийских орудий – вспышка, четырёхсекундный отсчёт и звук взрыва, – что позволяет местным жителям подготовиться и не поддаваться панике. Несмотря на постоянное воздействие боевых действий, многие жители проявляют выдержку и вырабатывают механизмы адаптации, хотя полного привыкания к обстрелам не происходит.

Субъективное восприятие времени связано также с ощущением удалённости города от «большой земли», что порождает ощущение оторванности и изоляции. Это проявляется в лексическом пространстве через само выражение «с большой земли» – оно характеризует северодонецкий опыт как остаток, обрывок прежнего континуума, как пространство, которое сохранило связь с прошлым, но утратило устойчивую привязку к будущему и к «большому» пространству страны.

Акустическая морфология: данные мониторинга. В городе складывается своеобразная акустическая морфология (отрывок фиксации см. табл. 1). Психосоциальные последствия хронического акустического воздействия включают бессонницу (информанты 3, 7, 11, 15 – см. Приложение со списком и характеристиками информантов), гипервозбудимость: например, часть опрошенных острее реагируют на дроны, чем на артиллерию, а также патологизацию восприятия, при которой шум усиливает паранойю (*«Каждый звук для меня – угроза»*, жен., 54 г., местный житель, безработная). Установлено, что хроническое воздействие шума интенсивностью 80–120 дБ формирует паттерны посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и гиперacusии.

Таблица 1

Отрывок акустического дневника

Тип шума	Дата	Частота/сутки	Восприятие (цитаты из интервью)	Реакция жителей (n = 21)
Артиллерия	4–5.10.2025	20–40 мин, нач. около 20 или 19; время разнилось на 2–3 часа, как правило, вечер	«Закрывай окно. Началось. Чтобы не вздрагивать, считай от начала вспышки 4 раза – тогда звук удара будет не таким страшным»	Рабочий ритм, есть предсказуемость
			«Вчера начали стрелять ночью, а я одна в подъезде. Ноги нет, встать не могу. Укрыться? А куда? Так и просидела всю ночь, вздрагивая»	
ПВО, артиллерия	Не указана	В течение суток по 40 мин через каждые 4 ч.	«У деток моих начался тик. Я сначала не заметила, а потом, когда увидела, что дочка играет, а всю её дёргает, поняла, что надо уезжать. Хотя не знала, как оставить мужа, да и рожать надо было... Но этот тик поставил точку. И мы переехали в село»	Максимальный стресс
БПЛА	09.10.2025	1 ч. 40 мин. / нач. 12:10	«Встаньте под дерево. Слышите? Гудят же. Сегодня весь день кружат. Что-то будет...»	Привычно, но напряжённо
	Не указана	30 мин. / 19:25	«Еле увернулись. БПЛА врезался в дом. Мы ехали мимо, как только проехали – раздался позади взрыв, машину повело от ударной волны. Хорошо, что успели отехать, а то бы осколками посекло...»	

Акустическая морфология Северодонецка соответствует концепции С. Грэма, который фиксирует, что шум войны становится инструментом контроля, структурируя ритм жизни. В Северодонецке дроны и ПВО играют роль «невидимого врага», усиливающего паранойю, аналогично тому, что происходило в Багдаде в 2003 году [8, р. 234].

Комендантский час создаёт рамку, но содержание страха наполняется звуком. Дрон, который гудит в темноте, и артиллерия, начинающая работу приблизительно с восьми часов вечера, превращают ночные часы в акустически плотное, насыщенное угрозой время. Временной режим и акустическое поле не просто сосуществуют, а взаимно усиливают друг друга: комендантский час лишает жителя возможности переместиться в более безопасное место, а шум исключает его возможности игнорировать то, где он находится.

Шум прифронтового города

Акустика как система ориентации. Шум в прифронтовом городе – метафизическое понятие, объединяющее физические, социокультурные

и психологические аспекты, например, напряжённая тишина и вызывающая страх громкость задают противоположные, но равно значимые состояния восприятия. Главными источниками шума выступают выстрелы артиллерии, звуки летящих БПЛА и работа систем ПВО, они различаются по времени применения и по характеру звучания, формируя неоднородную акустическую среду. Способность улавливать эти звуки означает выживание, поэтому к звукам прислушиваются, учатся отличать один от другого, понимать, далеко или близко взрыв, выстрел, военный объект. Дж. М. Дотри назвал подобное состояние «акустической бдительностью» (*acoustic vigilance*), специфическим навыком, формирующимся у мирного населения в зонах активных боевых действий, когда слух берёт на себя функции зрения в условиях невидимых угроз [10]. В Северодонцке этот навык включает умение считать секунды между вспышкой и звуком взрыва («тогда звук удара будет не таким страшным»), отличать звук БПЛА от работы ПВО и оценивать удалённость источника шума по громкости и характеру звука. При этом БПЛА создаёт принципиально иную акустическую карту угрозы, нежели артиллерия: если орудийный выстрел имеет чёткую последовательность звуков (выстрел – пауза – взрыв), позволяющую выработать привычный ритм реагирования, то характерный гул беспилотника непредсказуем по траектории и финальной точке, что, как показывает полевой материал, вызывает более высокий уровень тревожности («гипервозбудимость на дроны, а не на артиллерию»). Именно в этом принципиальном различии акустических режимов и заключается специфика дронного урбанизма по сравнению с классическими формами военного городского конфликта, описанными Грэмом.

Обострение слуховой восприимчивости формирует особую внимательность, которая по-новому структурирует городское пространство, в зависимости от слышимых объектов и производимых ими шумовых эффектов. Город при этом дифференцируется на зоны по степени угрозы: сначала выделяются опасные районы, требующие избегания, затем относительно безопасные, пригодные для укрытия. Шум в такой перцептивной системе выполняет сигнальную функцию, маркируя зоны риска и тем самым предопределяя пространственное поведение. Таким образом акустическое поле буквально производит пространство – и в лефевровском смысле (пространство как социальный конструкт), и в смысле Лабелля (звук как материал, из которого сделана территориальность).

Молчание как социальная практика. Наряду с шумом в прифронтовом городе есть и молчание: заметим, не тишина, когда нет звуков, а состояние, при котором не говорят о чём-то, а это что-то замалчивают. В городе на определённые темы накладывалось табу: например, как уже отмечалось, считалось неэтичным обсуждать вражеские налёты в свободной и повседневной манере. Это молчание само является акустическим и социальным феноменом, так как структурирует взаимодействие, формирует невидимые границы дозволенного, производит особый режим публичного присутствия.

Отметим, что среди опрошенных информантов прослеживаются полярные идеологические позиции: часть жителей выражает ориентацию на реинтеграцию

с Украиной, причём это проявлялось именно в выразительном молчании на соответствующий вопрос о том, в какой стране хотелось бы жить, другая часть демонстрирует адаптацию к новым политическим условиям. Значимость каждой из позиций требует дальнейшего изучения, поскольку от неё зависит степень согласованности действий представителей обеих групп и качество их интеграции.

Заметим, что в этом контексте обсуждение политических вопросов остаётся табуированным, а темы о покинувших город родственниках часто не поднимаются, что создаёт ситуацию молчаливого социального напряжения. Важно, что помимо прочего, для части горожан пространство прифронтового города оказалось крайне концентрированным и одиноким, например, когда в подъезде остаётся лишь один пожилой человек, ограниченный рамками своей квартиры с видом на разрушенные здания. Это ещё один тип молчания, которое можно обозначить как вынужденное.

Таким образом, шум, тишина и молчание – одновременно физические явления и социокультурные практики, которые формируют уникальную акустическую и символическую среду прифронтового города. Взаимодействие человека с окружающим пространством и предметами, порождающими звук, оказывает значительное влияние на социальную организацию и психологическое состояние населения.

Пространство, время, шум: система, действующая через тело

Рассмотрев три измерения по отдельности, необходимо вернуться к вопросу об их системном единстве, иначе морфология прифронтового города рискует предстать не более чем суммой трёх независимых неудобств. Ниже показано, как эти измерения работают совместно на конкретных примерах из полевого материала.

Ремень безопасности как точка пересечения трёх измерений. Зафиксированное в полевом дневнике правило – не пристёгиваться в машине – на первый взгляд кажется пространственной практикой (передвижение в городе). Однако оно определяется одновременно тремя факторами. *Пространственно*: разрушенные дороги требуют объездов через дворы, маршрут непредсказуем. *Акустически*: водитель обязан слышать звук БПЛА и успеть покинуть машину – ремень этому мешает. *Темпорально*: реакция должна быть мгновенной, промедление в секунды становится критическим. Непристёгнутый ремень – это не нарушение правил, это телесная адаптация к системному давлению всех трёх режимов одновременно. Если воспользоваться языком де Серто, это тактика в чистом виде, при которой жест, невозможный в пространстве стратегии (мирного города), становится рациональным именно потому, что пространство не принадлежит тому, кто в нём движется.

Ночной обстрел и пожилая женщина без ноги. *«Вчера начали стрелять ночью, а я одна в подъезде. Ноги нет, встать не могу. Укрыться? А куда? Так и просидела всю ночь, вздрагивая»* (жен., 67 лет, местная жительница, пенсионерка).

Этот эпизод обнажает предельную точку, в которой три измерения смыкаются в единый опыт беспомощности. Пространство: укрытие недоступно физически – ни в подвале, ни у соседей. Время: комендантский час исключает помощь извне, ночь длится без возможности что-либо изменить. Шум: артиллерия работает непрерывно, превращая темноту в акустическую пытку. Ни одно из этих измерений не является главным, все они действуют системно, и именно их совпадение в одной точке создаёт ситуацию, которую невозможно разрешить никакой индивидуальной адаптацией.

Тик у ребёнка как диагноз системы. *«У деток моих начался тик. Я сначала не заметила, а потом, когда увидела, что дочка играет, а всю её дёргает, поняла, что надо уезжать. Хотя не знала, как оставить мужа, да и рожать надо было... Но этот тик поставил точку. И мы переехали в село»* (жен., 39 лет, местная жительница, жена священника). Тик как симптом хронического нервного перенапряжения, является здесь прямым продуктом акустического воздействия: постоянные взрывы формируют у ребёнка гиперакузию и рефлекторное вздрагивание. В терминах антрополога Дж. М. Дотри это телесная регистрация хронической «акустической бдительности», которая на физиологическом уровне переходит в патологическую форму [10, р. 92]. Но почему семья не уехала раньше? Потому что пространство «своего» дома удерживало – это место памяти, место идентичности. Потому что временной режим нормализовал происходящее – «привыкли, живём». Именно совпадение акустического давления (тик как физический симптом), пространственной привязанности (дом как якорь) и темпоральной нормализации (время притупляет реакцию) создало ситуацию, в которой семья оставалась в городе дольше, чем могла выдержать. И именно тик у детей как акустически спровоцированный симптом «поставил точку», по выражению матери. В итоге пространственная привязанность и темпоральная инерция оказались слабее телесного сигнала тревоги.

Эти три случая демонстрируют, что пространство, время и шум в прифронтовом городе – это не три разных контекста, а три оси одного и того же режима, действующего через тело. Именно тело, перемещающееся или лишённое возможности переместиться, слышащее или пытающееся не слышать, соблюдающее или нарушающее расписание, является той точкой, где все три измерения сходятся в единый жизненный опыт. Это позволяет конкретизировать понятие гетеротопии применительно к прифронтовому городу и сказать об этом не просто как о «другом пространстве» в фукольдланском смысле, а как о пространстве, в котором тело постоянно пересчитывает своё положение относительно трёх меняющихся координат одновременно.

Заключение

Исследование было построено на предположении, что морфология прифронтового города представляет собой не простую сумму разрушений, ограничений и опасностей, а динамическую систему, в которой пространственные,

временные и акустические факторы взаимно конституируют друг друга. Полевой материал, собранный в Северодонецке, подтверждает это предположение и позволяет его уточнить.

Гетеротопия, которую являет собой прифронтовой город, – не статичное «другое место», а среда, которая перестраивается ежедневно (маршруты меняются с каждым новым обстрелом, ночь наполняется тревожным звуком, а комендантский час лишает возможности найти спасение в укрытии, знакомые места превращаются в места памяти о потерях). Жители не просто «приспосабливаются» к этим изменениям, а непрерывно пересчитывают своё положение в трёхмерной системе координат: *где я нахожусь* (и безопасно ли это место прямо сейчас?), *когда я нахожусь* (и что разрешено в этот час?), *что я слышу* (и что мне нужно сделать в ответ на этот звук?).

Полученные результаты позволяют предложить понятие «режима присутствия» как аналитического инструмента для описания подобных сред. Автор статьи вводит это понятие как рабочую концептуальную рамку, требующую дальнейшей разработки в последующих исследованиях. Обозначим его контуры и операциональные признаки.

Режим присутствия – это конфигурация пространственных, временных и акустических ограничений, которая в каждый момент определяет, что тело может делать, куда оно может двигаться и что оно вынуждено слышать. В отличие от фукольдланской гетеротопии – статичного «другого места» с фиксированными границами и единым центром власти – режим присутствия представляет собой динамическую конфигурацию пространственных, временных и акустических ограничений, которые не синхронизированы между собой и не исходят из единого источника. В прифронтовом городе тело подчиняется одновременно военной комендатуре, топографии разрушений и акустическому полю обстрелов, и эти множественность, противоречивость и изменчивость отличают режим присутствия от классических форм пространственной организации.

Концептуально режим присутствия соотносится, с одной стороны, с де-серторовским различием стратегий и тактик, когда он описывает те структурные условия, в которых тактика является единственно возможным способом действия. С другой стороны, он конкретизирует концепцию акустических территорий Б. Лабелля, где звук не просто формирует территориальность, но является одной из трёх равноправных осей режима, через который проходит тело. Прифронтовой город является крайним, но не исключительным случаем режима присутствия, и по этой причине его изучение открывает возможности для сравнительного анализа других кризисных пространств, например – зон чрезвычайных ситуаций, карантинных территорий, районов активного полицейского контроля. Операциональная разработка понятия, включая его измерение и применение к сравнительным кейсам, составляет задачу последующих работ.

В рамках обозначенного выше режима присутствия жители прифронтового города вырабатывают механизм, который реализуется через четыре взаимосвязанных практики:

- в пространстве – непрерывная навигация в условиях нестабильной карты, где телесный опыт вытесняет цифровые инструменты;
- во времени – происходит синхронизация личного расписания с формальными и неформальными ритмами среды (комендантский час, циклы обстрелов);
- в акустике – развитие слуховой внимательности (умение отличать звуки угрозы, оценивать расстояние источника опасности по интенсивности звукового сигнала, анализировать спектральные искажения);
- в социально сетевой сфере – создание и поддержание горизонтальных связей, компенсирующих дефицит инфраструктуры (соседи как источники информации, волонтеры как медиаторы). Отметим, что социально-сетевой способ играет особую роль, он не только помогает ориентироваться в пространственных, временных и акустических ограничениях, но и создаёт альтернативную инфраструктуру поддержки, компенсируя дефицит формальных институтов.

Полученные результаты позволяют сформулировать ряд практических рекомендаций для организаций, работающих с населением прифронтовых городов, которое от пассивной адаптации могло бы переходить к активной. Во-первых, психосоциальная поддержка должна учитывать акустический аспект тревоги. Программы помощи эффективнее, если они включают работу с конкретными триггерами (звук БПЛА, артиллерийские удары), а не ограничиваются общими техниками снижения стресса. Во-вторых, инфраструктурные меры (ремонт дорог, восстановление коммуникаций) сами по себе недостаточны для снижения тревожности, если они не сопровождаются мерами безопасности и информированием населения о рисках. Здесь особую роль играют и могли бы ещё больше играть волонтерские организации и привлечение самого населения к оповещению, созданию соответствующей коммуникации и снятия напряжения от замалчивания отдельных тем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор ; пер. с англ. А. Апполонова и М. Дондуковского ; ред. А. Смирнов, В. Софронов. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с. ISBN 978-5-93255-417-3.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. Л. Б. Гофмана. М. : Наука, 1991. 572 с. ISBN 5-02-013399-X.
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. С. Н. Зенкин. М. : Новое издательство, 2007. 348 с. ISBN 978-5-98379-088-9. EDN **QXSOF**.
4. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / М. Хальбвакс ; пер. с фр. А. Т. Бикбова, Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетея, 2000. 509 с. ISBN 5-89329-193-X.
5. Лоу С. Пространственное воплощение культуры: этнография пространства и места. М. : Новое литературное обозрение, 2024. 400 с. ISBN 978-5-4448-2200-5.

6. Филиппов А. Ф. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. В 2 т. Т. 1 / А. Ф. Филиппов ; под общ. ред. С. П. Баньковской. СПб. : Владимир Даль, 2014. 550 с. ISBN 978-5-93615-169-4.
7. De Certeau M. The Practice of Everyday Life. Berkeley : University of California Press, 1984. 229 p. ISBN 978-0-520-23699-8.
8. Graham S. Cities Under Siege: The New Military Urbanism. London : Verso, 2010. 432 p. ISBN 978-1-84467-315-5.
9. Лабелль Б. Акустические территории / Б. Лабелль ; пер. с англ. Д. Шалагинов. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 296 с. ISBN 978-5-4448-1978-4.
10. Daughtry J. M. Listening to War: Sound, Music, Trauma, and Survival in Wartime Iraq. Oxford : Oxford University Press, 2015. 344 p. ISBN 978-0-19-936149-6. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199361496.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199361496.001.0001).
11. Румянцев С. Книга тишины. Звуковой образ города. М. : Бослен, 2021. 304 с. ISBN 978-5-91922-111-1.
12. Фуко М. Рождение тюрьмы / М. Фуко ; пер. с франц. В. Наумов. М. : «Ад Маргинем Пресс» и Музей современного искусства «Гараж», 2020. 416 с. ISBN 978-5-91103-430-6.
13. Левин К. Динамическая психология: избранные труды / К. Левин ; пер. с англ. Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Патяева. М. : Смысл, 2001. 572 с. ISBN 5-89357-092-8.
14. Лефевр А. Производство пространства / А. Лефевр ; пер. с фр. И. К. Стаф. М. : Streike Press, 2015. 432 с. ISBN 978-5-906264-41-1. EDN [TRPTCL](https://edn.trptcl.ru).
15. Балаклеец Н. А. Город как место войны: топологические модели военного города // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23, № 80. С. 40–50. DOI [10.37313/2413-9645-2021-23-80-40-50](https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-80-40-50). EDN [YFOWGM](https://edn.yfowgm.ru).
16. Стрельникова А. В. «Места памяти» в городском пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2 (82). С. 231–238. EDN [OUJWER](https://edn.oujwer.ru).
17. Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное / Дж. Агамбен ; пер. с итал. Б. Скуратов. М. : Ad Marginem Press, 2019. 160 с. ISBN 978-5-908038-07-2.
18. Михайловский А. В. Маятник модерна: дискуссии о технике в Германии. М. : Академический проект, 2024. 272 с. ISBN 978-5-8291-4299-5.

Сведения об авторе

М. А. Подлесная

кандидат социологических наук

ведущий научный сотрудник

SPIN-код: [3556-0353](https://elibrary.ru/spin.php?id=3556-0353)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Характеристики информантов

№№ п/п	Пол	Возраст	Статус
1.	жен	67 лет	местный житель, пенсионерка
2.	жен	54 года	местный житель, безработная
3.	муж	44 года	местный житель, инвалид
4.	жен	52 года	волонтер, куратор смены
5.	жен	54 года	волонтер, куратор волонтерского направления в Северодонецке

Окончание табл. «Приложение»

№№ п/п	Пол	Возраст	Статус
6.	жен	32 года	волонтёр, медработник, куратор смены в Донецке
7.	жен	45 лет	местный житель, парикмахер
8.	муж	65 лет	волонтёр, научный сотрудник
9.	жен	25 лет	волонтёр, инженер
10.	жен	30 лет	волонтёр, переводчик в международной компании
11.	муж	34 года	волонтёр, водитель
12.	жен	39 лет	местный житель, жена священника
13.	муж	41 год	местный житель, строитель
14.	муж	27 лет	военный
15.	жен	72 года	местный житель, пенсионерка
16.	муж	47 лет	местный житель, военный священник
17.	муж	61 год	волонтёр, строитель АЭС
18.	жен	54 года	волонтёр, медработник
19.	муж	32 года	волонтёр, ИТ-специалист
20.	муж	61 год	местный житель, сотрудник местной администрации
21.	муж	74 года	местный житель, пенсионер

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 22.07.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.3.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.8)

MORPHOLOGY OF A FRONTLINE CITY: SPACE, TIME, (RE)MOVEMENT, NOISE

Mariia Alexandrovna Podlesnaia

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia

yamap@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-2159-4958](https://orcid.org/0000-0002-2159-4958)

For citation: Podlesnaia M. A. Morphology of a frontline city: space, time, (re)movement, noise. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):155–177. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.3.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.8).

Abstract. The author's research analyzes the morphology of a frontline city not as a sum of destruction and limitations, but as a dynamic system in which spatial, temporal, and acoustic factors are mutually constitutive. Based on participant field observation, with elements of an ethnographic approach, conducted in Severodonetsk (October 2025), the article develops the methodological concept of a "presence regime". The methodology includes participant observation, field diary keeping, photo and video documentation, informal interviews with residents and volunteers (n = 21), and acoustic monitoring. The theoretical framework is built at the intersection of social morphology (M. Halbwachs, E. Durkheim), the concept of spatial production (A. Lefebvre), and the "new military urbanism"

(S. Graham). The presence regime differs from Foucault's heterotopia in its dynamism, the multiplicity of sources of constraints (military commandant's office, the topography of destruction, the acoustic field of threats), and the absence of a single center of power. It correlates with de Certeau's (M. de Certeau) distinction between strategies and tactics, concretizes B. Labelle's concept of acoustic territories, and opens up opportunities for a comparative analysis of other crisis spaces (emergency zones, quarantine territories, etc.). Within the presence regime, residents develop a mechanism for comprehensive adaptation through four interconnected methods (spatial, temporal, acoustic, and social-network). These methods are viewed as passive survival tactics. Based on these, the author of the article has formulated practical recommendations for organizations working with the population of frontline cities, aimed at a gradual transition to active forms of adaptation (acoustic reconnaissance training, the creation of joint maps of safe routes, the development of local warning systems).

Keywords: frontline city, Severodonetsk, social morphology, "presence regime", military conflict, urban space, time regimes, acoustic field, population adaptation, ethnographic method, heterotopia, quality of life in frontline territories

REFERENCES

1. Kaldor M. New and old wars: organized violence in the global age. Translated from English by A. Appolonov and M. Dondukovsky. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2015. 416 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93255-417-3.
2. Durkheim E. On the division of social labor: The method of sociology [O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii]. Translated from french by L. B. Hoffmann. Moscow: Nauka; 1990. 572 p. (In Russ.). ISBN 5-02-013399-X.
3. Halbwachs M. Social framework of memory [Sotsial'nye ramki pamyati]. Translated from French and introduced by S. N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2007. (In Russ.). ISBN 978-5-98379-088-9.
4. Halbwachs M. Social classes and morphology [Sotsial'nye klassy i morfologiya]. Translated from French by A. T. Bikbova, N. A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; St. Petersburg: Aleteiya; 2000. 506 p. (In Russ.). ISBN 5-89329-193-X.
5. Lowe S. Spatial embodiment of culture: ethnography of space and place. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2024. 400 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-2200-5.
6. Filippov A. F. Sociologia: observations, experiences, prospects. Volume 1. Under the general editorship of S. P. Bankovskaya. St. Petersburg: Vladimir Dal'; 2014. 550 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93615-169-4.
7. De Certeau M. The practice of everyday life. Berkeley: University of California Press; 1984. 229 p. ISBN 978-0-520-23699-8.
8. Graham S. Cities under siege: the new military urbanism. London: Verso; 2010. 432 p. ISBN 978-1-84467-315-5.
9. Labelle B. Acoustic territories. Translated from English by D. Shalaginov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2023. 296 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-1978-4.
10. Daughtry J. M. Listening to war: sound, music, trauma, and survival in wartime Iraq. Oxford: Oxford University Press; 2015. 360 p. ISBN 978-0-19-936149-6. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199361496.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199361496.001.0001).
11. Rumyantsev S. The book of silence. Sound image of the city. Moscow: Boslen; 2021. 304 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00087-189-8.

12. Foucault M. The birth of prison. Translated from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh»; 2020. 416 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91103-430-6.
13. Levin K. Dynamic psychology: selected works [Dinamicheskaya psikhologiya: izbrannye trudy]. Translated from German and English and scientific edition by D. A. Leontiev, E. Yu. Patyaeva. Moscow: Smysl; 2001. 572 p. (In Russ.). ISBN 5-89357-092-8.
14. Lefebvre A. Production of space. Translated from French by I. K. Staff. Moscow: Streike Press; 2015. 432 p. (In Russ.). ISBN 978-5-906264-41-1.
15. Balakleets N. A. The city as a place of war: topological models of a military city. *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanities, medical and biological sciences*=*Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 2021;23(80):40–50. (In Russ.). DOI [10.37313/2413-9645-2021-23-80-40-50](https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-80-40-50).
16. Strelnikova A. V. “Places of memory” in urban space. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Philosophy. Sociology. Art Criticism”*=*Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»*. 2012;(2):231–238. (In Russ.).
17. Agamben G. The open. Man and animal. Translated from Italian and German by B. Skuratov. Moscow: Ad Marginem Press; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-908038-07-2.
18. Mikhailovsky A. V. The pendulum of modernity: discussions on technology in Germany. Moscow: Akademicheskij proekt; 2024. 272 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8291-4299-5.

Information about the Author

M. A. Podlesnaia

Candidate of Sociology

Leading Researcher

ResearcherID: [R-8140-2019](https://orcid.org/0000-0002-1234-5678)

Scopus AuthorID: [56528484500](https://orcid.org/0000-0002-1234-5678)

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 22.07.2026.

УДК 316.74:008

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.3.9

EDN: DIACNQ

Научная статья

ФАКТОРЫ НЕРАВЕНСТВА В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ РЕСУРСОВ КУЛЬТУРЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ

Ксения Евгеньевна Косыгина¹

Александра Николаевна Гордиевская²

^{1,2} Вологодский научный центр РАН,

Вологда, Россия

¹ sene4ka.87@mail.ru,

ORCID 0000-0001-5875-8912

² alessu85@mail.ru,

ORCID 0000-0001-7777-3456

Для цитирования: Косыгина К. Е., Гордиевская А. Н. Факторы неравенства в использовании цифровых ресурсов культуры в региональном сообществе // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 3. С. 178–201. DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.9. EDN DIACNQ.

Аннотация. Цифровая трансформация сферы культуры поддерживается государством и рассматривается как один из инструментов обеспечения равного доступа к культурным благам. Однако процесс цифровизации не всегда приводит к запланированным результатам: отдельные социальные группы остаются исключёнными. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление социально-демографических и ресурсных факторов, определяющих использование населением цифровых ресурсов культуры. Эмпирической базой выступают данные социологического опроса населения Вологодской области ($n = 1\,500$), проведённого в 2025 году. Анализ опирается на концепции цифрового неравенства и теорию культурного капитала П. Бурдьё. Применялись кросс-табуляционный анализ с расчётом коэффициента V Крамера для оценки силы и значимости связей между переменными, а также бинарная логистическая регрессия для выявления совместного влияния факторов. Определён портрет потребителя цифровых ресурсов культуры, которым является житель крупного города, имеющий высшее образование, среднего возраста, женщина, имеющая несовершеннолетних детей в семье. Выявлено, что цифровые ресурсы культуры в регионе не выполняют функцию автоматического выравнивания доступа населения к культурным благам. Определены социальные статусы (образовательный, территориальный, доходный) и факторы (возраст, пол), влияющие на использование цифровых ресурсов культуры. Наиболее значимыми из них являются возраст и образование. Территориальный статус сохраняет самостоятельное значение даже после учёта уровня образования, возраста и покупательной способности дохода: жители районов имеют значительно меньше шансов на использование цифровых ресурсов культуры по сравнению с жителями крупных городов. Доминирующим ограничивающим фактором выступает мотивационный барьер:

© Косыгина К. Е., 2026

© Гордиевская А. Н., 2026

отсутствие интереса у населения к цифровым ресурсам, сопротивление онлайн-форматам в сфере культуры. На примере государственной программы «Пушкинская карта» показано, что даже целевые меры поддержки могут действовать по логике кумулятивного преимущества, охватывая прежде всего ресурсообеспеченные группы, которые являются потребителями товаров и услуг сферы культуры.

Ключевые слова: культура, интернет, цифровое неравенство, культурный капитал, доступ к культуре, региональное сообщество, факторы неравенства, «Пушкинская карта»

Введение

Цифровая трансформация меняет современное общество, проникнув во все области социальной жизни, включая культуру. В России процесс цифровизации сферы получил новый импульс развития в рамках национального проекта «Культура» (2019–2024 гг.), который включал федеральный проект «Цифровая культура», направленный на увеличение доступа населения к цифровым ресурсам культуры – независимо от места проживания граждан. Статистические данные подтверждают позитивную динамику: в целом по России число обращений к цифровым ресурсам культуры среди населения выросло с 3,6 млн в 2019 году до 28,6 млн в 2023 году. Доля музеев, имеющих веб-сайты, увеличилась с 84% в 2018 году до 90% в 2023 году. Доля театров, представленных в сети интернет, достигла 98%. При этом региональные различия с общероссийскими незначительны. Например, в Вологодской области собственные сайты имеют 89% музеев и 90% театров¹.

В научной литературе выделяются основные этапы и направления цифровой трансформации сферы культуры [1]. Процесс начался в 1990-е гг. с внедрения компьютеров и продолжается по настоящее время уже в совершенно ином качестве – как переход от локальной автоматизации отдельных процессов к созданию полноценной цифровой экосистемы, интеграции мультимедийных и иммерсивных технологий и персонализированного взаимодействия с пользователем [2]. В. Ю. Музычук предлагает различать пять ключевых направлений цифровизации: изучение культурных ценностей, создание культурных благ, распространение и потребление культурных ценностей и культурных благ, организационно-экономические аспекты деятельности организаций культуры, а также функционирование информационных систем для государственного учёта объектов культуры и культурных ценностей [3]. В современной российской практике данные направления реализуются посредством комплекса инструментов, ключевыми из которых выступают цифровизация контента, онлайн-мероприятия, развитие специализированных цифровых платформ и внедрение цифровых маркетинговых решений.

Кроме того, согласимся с мнением В. Ю. Музычук, которая отмечает, что необходимо различать «цифровизацию сферы культуры» как процесс внедрения

¹ Показатели социально-экономического развития Российской Федерации, скорректированных национальных проектов (программ) // ЕМИСС : сайт. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations> (дата обращения: 15.02.2026).

цифровых технологий и «цифровую культуру» как культурно-цивилизационный феномен, связанный с новыми возможностями во всех сферах жизни общества, в том числе в части культурного выражения и потребления [3]. За рамками технологического дискурса остаётся предмет социологического анализа: дифференциация доступа к новым цифровым благам и механизмы культурного исключения различных социальных групп. Более того, внедрение цифровых инструментов может не смягчать, а, напротив, воспроизводить и даже усиливать существующие социальные неравенства, транслируя их в новую цифровую среду [4].

Так, в условиях повышенного государственного внимания к цифровизации сферы культуры мы сталкиваемся с ключевой проблемой исследования: противоречием между провозглашённым в официальных документах инклюзивным потенциалом передовых цифровых технологий для сферы культуры и существующими социальными неравенствами. Сегодня доступ к цифровым культурным благам, формы, характер их использования и, что немаловажно, способность трансформировать цифровое культурное потребление в реальный культурный капитал остаются социально дифференцированными. Ввиду этого цифровые ресурсы культуры рискуют стать не инструментом преодоления, а новым полем воспроизводства социального неравенства, если политика будет проводиться без учёта интересов различных социальных групп.

Особую значимость приобретает анализ этих процессов на региональном уровне. Отсутствие прямых исследований цифрового неравенства в сфере культуры в регионах констатируется авторами как исследовательский пробел [5]. Имеющиеся работы, посвящённые культурной сфере, фиксируют региональную дифференциацию цифровой активности учреждений культуры и связывают её с неравномерностью цифровой зрелости регионов, различиями в компетенциях работников и с неготовностью к деятельности в новых условиях [6; 7]. Игнорирование региональной специфики с точки зрения социологической диагностики ведёт к формированию иллюзии всеобщей цифровой инклюзии, тогда как на периферии могут сохраняться или даже углубляться разрывы в доступе к цифровой культуре и в характере её потребления.

В связи с этим цель данного исследования – выявить и проанализировать социально-демографические и ресурсные факторы, определяющие социальное неравенство в использовании цифровых ресурсов культуры населением региона (на примере Вологодской области).

Теоретическая рамка исследования

В социологической науке широко применяется подход П. Бурдьё, объясняющий связь между культурным потреблением и социальным положением. В работе «Различение: социальная критика суждения о вкусе» он показал, как культурные предпочтения становятся маркерами социального класса и инструментами социальной дифференциации [8]. Согласно концепции П. Бурдьё, различия в культурных практиках и вкусах воспроизводят классовую структуру общества, но делают это

не напрямую, а через символическую ценность самих объектов или явлений культуры. Следствием этого является деление культуры потребления на легитимную (высокую, элитарную), среднюю (популяризированные формы высокой культуры, обывательскую) и массовую (народную, «низкую»). Каждый из этих типов включает не только систему вкусовых предпочтений, но и компетенций, а также практик [8]. Высший класс приобщается к высокой культуре, участвуя в элитных практиках: его представители посещают оперу, балет, театры, музеи и концерты классической музыки. Такой стиль жизни требует значительных денежных и временных затрат, высокой культурной компетенции, образования и особого социального воспитания. Массовый продукт, напротив, доступен по цене и не требует специальных знаний, его потребление характерно для низшего класса. Средний класс стремится подражать легитимному репертуару, но выбирает его популяризированные формы [9].

Одним из понятий, введённых П. Бурдьё, является габитус, который предполагает систему устойчивых диспозиций (предрасположенностей), усвоенных индивидом в процессе первичной и вторичной социализации в конкретных социальных условиях, соответствующих его классовой позиции. Габитус направляет восприятие, оценивание и действие, но действует на досознательном уровне: социальный агент склонен придерживаться определённых практик в определённых условиях, но он не рефлексивирует причину этого выбора.

Кроме того, П. Бурдьё вводит понятие «культурный капитал», который подразумевает под собой знания, навыки, ценности, манеры поведения и эстетические предпочтения, которые опосредуются социальным происхождением, образованием, стилем жизни. Культурный капитал существует в трёх формах: инкорпорированной, т. е. воплощённый во внутренних качествах индивида, или «длительные диспозиции ума и тела» (знания, умения, навыки, личные вкусы); объективированной, т. е. составляющий материальные объекты культуры (картины, книги, музыкальные инструменты и пр.); институционализированной (профессиональные квалификации, наличие дипломов) [10]. Далее в исследовании внимание будет уделено инкорпорированной форме, когда будем обращаться к целям использования цифровых ресурсов культуры в регионе.

Также необходимо остановиться на разграничении понятий культурного потребления и культурных практик, которые не являются синонимами. Культурные практики формируют и воспроизводят культурный капитал через активное участие и высокую вовлечённость, когда человек выступает как субъект действия. Например, участие в театральной студии, посещение мастер-класса в музее, обсуждение фильма после просмотра. В то время как культурное потребление – это пассивное восприятие готовых культурных продуктов и услуг (просмотр фильма, осмотр экспозиции в музее). Культурное потребление служит индикатором вкусов и предпочтений, которые также коррелируют с социальным статусом. Например, выбор между посещением оперы и концерта поп-музыки может отражать различия в культурном капитале.

Исследования последующих десятилетий показали, что концепция культурного капитала и его связи с социальным положением требует корректировки

при переносе в национальные контексты, и особенно в цифровую среду [11]. Появляется понятие цифрового габитуса, которое используется для объяснения влияния цифровых технологий на формирование устойчивых диспозиций пользователей, воспроизводя неравенства даже при формальном доступе к ресурсам [12; 13]. Также в формировании представлений о влиянии цифровизации на жизнь человека заслуживает внимания концепция цифрового капитала, которая описывает совокупность ресурсов, навыков и возможностей, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий для достижения социальных, профессиональных и личных целей [14]. Цифровой капитал рассматривается как гибридная форма капитала, которая включает в себя как технические навыки, так и способность конвертировать эти навыки и онлайн-активность в социальные, культурные или экономические блага в офлайн-мире [15]. Как отмечают Е. Л. Вартанова, А. А. Гладкова, Д. Дунас, цифровой капитал – это «совокупный ресурс, которым обладает человек, и владение, которым наделяет социальных агентов полномочиями в определённых областях» [14, с. 9]. При этом одной из ключевых проблем является цифровое неравенство, выражающееся в дифференцированном распределении и использовании цифрового капитала, которое может приводить к социальным и экономическим диспаритетам.

В связи с этим при анализе проблемы цифровизации потребления услуг культуры нельзя обойти стороной концепции цифрового неравенства, эволюционировавшие от понимания «первого разрыва» (физический доступ к технологиям) ко «второму» (дифференцирует пользователей в зависимости от того, что они умеют и как могут применять цифровые навыки) и «третьему» (неравномерное распределение возможностей для получения ощутимых результатов в реальной жизни за счёт использования современных технологий) [16; 17]. Применительно к сфере культуры эта логика позволяет предположить, что даже при наличии доступа к интернету и цифровым платформам социальные группы различаются по своим практикам использования цифровых ресурсов, целям обращения к ним и по способности превращать цифровое культурное потребление в культурный капитал. Однако важно подчеркнуть, что конвертация цифровой вовлечённости в культурный капитал не происходит автоматически. Культурный капитал (особенно его инкорпорированная форма) накапливается через целенаправленное приобретение знаний и навыков, а не только через простое потребление цифрового контента.

В исследовании П. де ла Веги и его коллег сравниваются профили потребителей исполнительских искусств (театр, опера, балет) в офлайн- и онлайн-форматах на основе данных по Испании [18]. Делается вывод, что возраст, уровень дохода, образование и профессиональный статус являются значимыми факторами посещаемости театров и оперных залов. Однако при переходе к онлайн-потреблению выявлены изменения: эти же переменные менее релевантны для характеристики онлайн-потребителей. Скорее онлайн-формат ослабляет барьеры доступа, связанные с географией, стоимостью билетов и физической мобильностью, но не отменяет влияния культурного капитала. Авторы отмечают, что

онлайн расширяет аудиторию количественно, но не качественно – к ней присоединяются те же социальные группы, которые и так были склонны к потреблению высокой культуры, а не новые слои населения. Исследователи выделяют четыре типа потребителей: «всеядные» (потребляют оффлайн, и онлайн), «традиционалисты» (только оффлайн), «технари» (только онлайн) и «неучаствующие» [18]. В. Атеса-Аместой и Х. Прието-Родригес анализировали факторы, определяющие спрос на участие в культурной жизни как через физические посещения культурных учреждений и мероприятий, так и через цифровой доступ [19]. Отдельное внимание они уделяют цифровому разрыву и показывают, что доступ к культуре в онлайн-форме неравномерен и связан с социальным положением, варьируется в зависимости от социально-экономических характеристик групп, в частности – от уровня образования и национальности.

Таким образом, теоретическая рамка настоящего исследования определяется двумя взаимосвязанными концепциями. С одной стороны, мы опираемся на классический подход к анализу культурного капитала и неравенства П. Бурдьё. Однако данный подход нуждается в дополнении с учётом стремительно развивающейся цифровой среды. С другой стороны, в фокусе исследования концепция трёх уровней цифрового неравенства. При этом первый уровень (физический доступ) в региональных условиях сохраняет актуальность лишь для части сельских территорий, тогда как ключевое значение приобретают второй и третий уровень цифрового неравенства в потреблении ресурсов культуры в цифровом пространстве.

Данные и методы

Эмпирической базой исследования являются данные социологического опроса населения Вологодской области, проведённого в 2025 году. Объём выборочной совокупности составил 1 500 респондентов в возрасте 18 лет и старше. Репрезентативность полученной информации обеспечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения.

На первой ступени для обеспечения однородности выборочной совокупности было произведено выделение типичных экономических районов в составе Вологодской области. В структуру районирования вошли 2 города (Вологда и Череповец), а также 8 муниципальных округов с различным уровнем социально-экономического развития¹ (Шекснинский, Грязовецкий, Великоустюгский, Тарногский, Кирилловский, Бабаевский, Никольский и Вожегодский). Кроме того, при выборе округов учитывались и другие факторы: их удалённость от областного центра (Вологодский и Череповецкий районы не рассматривались как потенциальные объекты для проведения опроса в силу их близости к областному

¹ Методика оценки уровня социально-экономического развития территорий включает 12 показателей, описанных в сборниках службы государственной статистики по Вологодской области, сгруппированных в 2 блока – показатели развития социальной сферы и показатели развития и эффективности экономики.

центру и крупному промышленному городу соответственно), географическое положение (равнопредставленность районов в разрезе север-юг, запад-восток).

На следующем этапе осуществлялось количественное распределение выборочной совокупности с соблюдением квот для городской и сельской местности в каждом из округов (кроме Тарногского, т. к. административный центр района – Тарногский Городок – является селом). Для городов Вологда и Череповец дополнительно осуществлялось районирование по городским (избирательным) округам.

Далее объём выборочной совокупности квотировался по половозрастному критерию состава населения. На последнем этапе для уменьшения систематических смещений в выборку вносились элементы случайного отбора – отбор респондентов осуществлялся случайным методом. Опрос проводился по месту жительства респондентов методом анкетирования. Ошибка выборки не превышает 3%. Техническая обработка информации произведена в программах SPSS и Excel.

В эмпирической части исследования используется понятие «цифровые ресурсы культуры» – любые онлайн-сервисы, платформы, сайты, приложения, страницы в социальных сетях учреждений культуры, а также виртуальные туры, онлайн-трансляции, образовательные курсы, оцифрованные коллекции, предоставляющие доступ к культурному контенту. Использование цифровых ресурсов культуры операционализировано посредством выделения целевых установок обращения к ним на основе вопроса: «Пользовались ли Вы цифровыми ресурсами в сфере культуры за последние 12 месяцев, если да, то с какой целью?». Цели использования цифровых ресурсов культуры измерялись множественным выбором. Респондент классифицировался как «пользователь» при условии выбора хотя бы одной из предложенных целей либо варианта «другое». В случае выбора варианта ответа «не пользуюсь» респондент относился к категории «непользователь».

На этапе анализа применялся комплекс статистических методов. Первичная обработка включала дескриптивный анализ и построение таблиц сопряжённости (кросс-табуляции). Для оценки силы связи между категориальными переменными использовался коэффициент V Крамера. Статистическая значимость оценивалась на уровне $p < 0,05$. Для выявления совместного влияния факторов была построена модель бинарной логистической регрессии, где зависимой переменной являлся факт использования цифровых ресурсов культуры (1 – пользователь, 0 – непользователь). В качестве независимых переменных в модель включены: тип поселения, возраст, уровень образования, гендер, субъективная оценка покупательной способности доходов.

Результаты исследования

Прежде чем приступить к анализу использования цифровых ресурсов культуры, необходимо определить, кто именно пользуется интернетом в целом. В среднем по области сетью пользуются 83% населения. Однако наблюдаются различия между крупными городами региона (Вологда и Череповец) и районами области: в городах пользуются 88% населения, в районах меньше – 77%.

Также следует отметить дифференциацию по возрасту. Среди молодёжи интернетом пользуются все, среди респондентов 30–55 лет этот показатель составляет 95%, а среди лиц старше 55 лет он снижается до 62%. Образовательная дифференциация также прослеживается: среди людей с высшим образованием интернетом пользуются 94% опрошенных, а среди тех, кто имеет среднее образование, – 73%. Что касается влияния материального положения, то среди наименее обеспеченных слоёв населения пользуются интернетом 76% респондентов, среди наиболее обеспеченных – 95%.

Цифровыми ресурсами культуры в целом по области не пользуются 67% респондентов, тогда как пользуются ими 33%. Социально-демографический профиль пользователя цифровых ресурсов культуры представлен жителями крупных городов, с высшим образованием, в возрасте 30–55 лет (реже – до 30 лет), женщинами, с несовершеннолетними детьми в семье, покупательная способность доходов может варьироваться. В группе с высокой покупательной способностью доля непользователей превышает долю пользователей. Напротив, среди респондентов с низкой покупательной способностью пользователей больше, чем непользователей. Непользователь, напротив, чаще проживает в районе, имеет более низкий образовательный уровень, старше 55 лет, чаще мужчина и не имеет детей.

Установлено, что наиболее сильными факторами использования цифровых ресурсов культуры выступают: возраст (V Крамера = 0,259), наличие несовершеннолетних детей в семье (V Крамера = 0,237) и уровень образования (V Крамера = 0,198; $p < 0,001$) (см. табл. 1).

Таблица 1
Социально-демографические профили пользователей и непользователей цифровых ресурсов культуры, 2025 г., в % по столбцу

Социально-демографические характеристики		Пользуются цифровыми ресурсами культуры n = 500 (33,3%)	Не пользуются цифровыми ресурсами культуры n = 1 000 (66,7%)
Место проживания	Крупные города (Вологда и Череповец)	66,0	48,6
	Районы	34,0	51,4
	V Крамера	0,165 ($p < 0,001$)	
Уровень образования	Высшее и послевузовское	41,2	22,4
	Среднее профессиональное	33,5	41,2
	Среднее общее и основное	25,3	36,4
	V Крамера	0,198 ($p < 0,001$)	
Возраст	До 30 лет	20,6	10,7
	30–55 лет	57,8	41,5
	Старше 55 лет	21,6	47,8
	V Крамера	0,259 ($p < 0,001$)	

Окончание табл. 1

Социально-демографические характеристики		Пользуются цифровыми ресурсами культуры n = 500 (33,3%)	Не пользуются цифровыми ресурсами культуры n = 1 000 (66,7%)
Пол	Мужчины	36,6	48,3
	Женщины	63,4	51,7
	<i>V Крамера</i>	<i>0,111 (p < 0,001)</i>	
Покупательная способность дохода	Высокая	23,2	33,1
	Средняя	56,0	53,1
	Низкая	20,8	13,8
	<i>V Крамера</i>	<i>0,119 (p < 0,001)</i>	
Наличие несовершеннолетних детей в составе семьи	Нет	44,0	68,6
	Есть	56,0	31,4
	<i>V Крамера</i>	<i>0,237 (p < 0,001)</i>	

Примечание: формулировка вопроса: «Пользовались ли Вы цифровыми ресурсами в сфере культуры за последние 12 месяцев?»

Для выявления независимого вклада социально-демографических факторов в вероятность использования цифровых ресурсов культуры была построена модель бинарной логистической регрессии (см. табл. 2), где в качестве зависимой переменной выступал факт использования или неиспользования цифровых сервисов культуры, а в качестве независимых были взяты рассмотренные в таблице 1 социально-демографические показатели.

Таблица 2

Результаты бинарной логистической регрессии
(зависимая переменная: использование цифровых ресурсов культуры)

Предикторы	Exp(B)	95% ДИ для Exp(B)	Значимость
<i>Место проживания</i>			
Вологда и Череповец	1		
Районы	0,594	0,464–0,760	< 0,001
<i>Возрастная группа</i>			
До 30 лет (реф.)	1		
30–55 лет	0,662	0,474–0,924	0,015
Старше 55 лет	0,211	0,146–0,305	< 0,001
<i>Пол</i>			
Мужчины	1		
Женщины	1,940	1,514–2,487	< 0,001
<i>Уровень образования</i>			
Среднее общее и ниже (реф.)	1		
Среднее профессиональное	1,015	0,755–1,364	0,922
Высшее	1,968	1,445–2,679	< 0,001
<i>Покупательная способность доходов</i>			

Окончание табл. 2

Предикторы	Exp(B)	95% ДИ для Exp(B)	Значимость
Высокая (реф.)	1		
Средняя	0,823	0,598–1,133	0,232
Низкая	0,529	0,368–0,761	0,001
Константа	0,913		0,684

Примечание: $n = 1\,500$; R^2 Нэйджелкерка = 0,188; модель верно предсказывает 71,6% общего числа анализируемых случаев. Жирным шрифтом выделены значимые эффекты ($p < 0,05$).

Градация R^2 Нэйджелкерка: 0,2 и меньше – слабая связь между факторами и результатом, 0,2–0,4 – умеренная связь, 0,4 и выше – сильная связь.

Перед построением модели была проведена проверка мультиколлинеарности. Обнаружена относительно сильная взаимосвязь между возрастом и наличием несовершеннолетних детей (V Крамера = 0,561, $p < 0,001$). Поскольку возраст оказался более сильным фактором использования цифровых ресурсов культуры, фактор «наличие несовершеннолетних детей» был исключён из итоговой модели во избежание искажения оценок.

Среди социально-демографических характеристик населения **возраст**¹ остаётся наиболее сильным барьером, препятствующим цифровому участию в культурной жизни. Особенно высокий разрыв наблюдается у старшей возрастной когорты (шансы использования онлайн-сервисов культуры в 4,7 раза ниже, чем у молодёжи до 30 лет). Лица с высшим и послевузовским образованием имеют шансы на использование цифровых ресурсов культуры в 2 раза выше по сравнению с лицами со средним общим образованием или ниже. При этом группа со средним профессиональным образованием статистически не отличается от группы с низким уровнем образования. Следовательно, «образовательный порог» пролегает именно между высшим и всеми остальными уровнями образования. Интерпретируя полученные данные, можно заключить, что высшее образование выступает не только как индикатор культурного капитала (в концепции П. Бурдьё), но и как показатель когнитивной готовности к освоению цифровых культурных сервисов. Респонденты с высшим образованием, вероятно, обладают более высокими информационными потребностями, более развитыми навыками поиска и критического отбора контента, а также более высокими культурными запросами. Фиксируется *гендерный* разрыв в пользу женщин: их шансы на использование цифровых ресурсов культуры почти в 2 раза выше, чем мужчин. Данный разрыв, с одной стороны, может отражать реальные гендерные различия в культурных предпочтениях: например, женщины чаще интересуются искусством, литературой, театром. Исследования гендерного аспекта культурного капитала подтверждают, что женщины в целом демонстрируют более высокий

¹ Последовательность анализа социально-демографических факторов определяется степенью их влияния на вероятность обращения населения региона к цифровым культурным ресурсам (от наиболее значимых к наименее значимым).

уровень вовлечённости в практики «высокой» культуры [20], что переносится и на цифровую среду. С другой стороны, нельзя исключать влияние гендерных стереотипов досуга. Также возможно, что женщины активнее вовлечены в цифровое родительство (поиск образовательного и развивающего контента для детей) [21], хотя этот фактор частично контролируется исключением переменной «наличие детей» из модели. В отношении уровня доходов и их *покупательной способности* фиксируется, что у лиц с низкой покупательной способностью шансы использования цифровых сервисов культуры в 1,9 раза ниже, чем среди людей с высокой покупательной способностью. Группа со средними доходами статистически не отличается от группы с высокими доходами. «Эффект бедности» проявляется отчётливо, тогда как различия между среднедоходными и низкодоходными группами незначимы. Что касается территориального фактора, то жители крупных городов региона имеют шансы на использование цифровых ресурсов культуры в 1,7 раза выше, чем жители районов. При этом место проживания сохраняет свою значимость даже после контроля образования, дохода и возраста. Вероятная причина – наличие инфраструктурных барьеров на малых территориях. Так, исследования показывают, что в крупных городах выше доступ и качество интернет-соединения, больше доступных цифровых сервисов, активнее информационная среда, способствующая распространению цифровых культурных практик, чем в районах региона [22; 23].

Исходя из того, что в качестве ключевых детерминант использования цифровых услуг в сфере культуры определены возраст и уровень образования населения, последующий анализ будет сфокусирован на этих двух переменных.

После анализа факторов, влияющих на сам факт использования цифровых ресурсов культуры, мы переходим к анализу различий внутри группы потребителей онлайн-культуры по целям обращения (см. табл. 3).

Таблица 3

Цели использования цифровых ресурсов культуры в зависимости от уровня образования и возраста, 2025 г., % от количества респондентов по столбцу

Цели использования	В целом по массиву	Образование			Возраст		
		Высшее (n = 206)	Среднее профессиональное (n = 167)	Среднее общее и ниже (n = 126)	До 30 лет (n = 103)	30–55 лет (n = 289)	Старше 55 лет (n = 108)
Планирование визита (покупка билетов, уточнение расписания)	71,0	75,2	70,1	65,1	72,8	72,7	64,8
Получение новой информации и знаний (образовательный контент)	32,4	40,8	21,0	34,1	33,0	34,9	25,0

Окончание табл. 3

Цели использования	В целом по массиву	Образование			Возраст		
		Высшее (n = 206)	Среднее профессиональное (n = 167)	Среднее общее и ниже (n = 126)	До 30 лет (n = 103)	30–55 лет (n = 289)	Старше 55 лет (n = 108)
Развлечение, досуг (просмотр трансляций, виртуальных туров)	38,4	44,7	36,5	31,0	42,7	39,4	31,5
Поддержание связи с учреждениями / деятелями искусства	18,8	20,4	19,8	15,1	14,6	20,1	19,4
Исследовательская или профессиональная деятельность	8,2	10,7	6,0	7,1	11,7	9,0	2,8
Другое	1,6	1,9	1,8	0,8	1,0	2,1	0,9

Примечание: предусматривался множественный выбор целей. Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия между группами ($p < 0,05$).

Среди пользователей с высшим образованием доля тех, кто обращается к ресурсам для «получения новой информации и знаний», составляет 41%, тогда как среди лиц со средним общим образованием – 34% ($p < 0,001$); также фиксируется разрыв в использовании с целью «исследовательской или профессиональной деятельности»: 11% против 7% соответственно. К цифровым сервисам культуры с целью развлечения и досуга также обращаются чаще респонденты с высшим образованием (V Крамера = 0,115, $p < 0,05$). В то же время по прагматичной цели «планирование визита, покупка билетов» разрыв между группами меньше, хотя и здесь лидируют респонденты с высшим образованием (75% против 65% среди пользователей со средним и более низким уровнем образования). В целом если посмотреть на количество выбираемых респондентами вариантов ответа, то люди с высшим образованием находят больше способов применения цифровых сервисов культуры. Наблюдается и возрастная стратификация: молодые люди до 30 лет демонстрируют самый высокий уровень использования цифровых ресурсов в исследовательских или профессиональных целях, в то время как у респондентов старше 55 лет данный показатель снижается. Показатели образовательной мотивации также снижаются в старшей возрастной группе (см. табл. 3).

Результаты показывают, что цифровые культурные ресурсы не устраняют, а, наоборот, закрепляют и даже усиливают уже существующее социальное неравенство. Высокий уровень образования и молодой возраст выступают факторами накопления культурного капитала через образовательные, профессиональные

и исследовательские практики в цифровой среде культуры, тогда как низкий уровень образования и пожилой возраст связаны либо с исключением из цифрового культурного потребления, либо с потреблением преимущественно развлекательно-го контента. Выявленные особенности подтверждают цифровое неравенство второго уровня и, частично, третьего. Последний уровень сложно оценить, поскольку он предполагает получение полезного результата от тех действий, с которыми заходят в интернет, и признаётся исследователями трудным для операционализации.

Неравенство в сфере культуры проявляется и в качественной структуре потребления. Высшее образование формирует установки на целенаправленный, институционально ориентированный поиск культурного контента через официальные каналы. Сайтами учреждений культуры (музеев, театров и иных институций) чаще пользуются люди с высшим образованием, по сравнению с респондентами, имеющими среднее общее образование и ниже (61% против 40%, V Крамера = 0,203, $p < 0,001$). Одновременно с этим страницы учреждений культуры в социальных сетях являются самым популярным ресурсом у всех категорий респондентов по уровню образования, что вполне оправдано более пассивным, «ленточным» способом потребления контента, опосредованного алгоритмами социальных медиа. Однако именно их можно рассматривать как способ сгладить неравенство в доступе к цифровым сервисам сферы культуры. Кроме того, они являются и самым распространённым ресурсом среди населения старше 55 лет. В целом возрастные различия менее выражены, однако фиксируются различия в каналах доступа к ресурсам культуры. Молодые люди активнее используют образовательные онлайн-форматы, средняя возрастная когорта больше, чем остальные, смотрит онлайн-трансляции в сети, а пожилые пользователи (безусловно, при сохранении высокой доли непользователей) чаще обращаются к отдельным типам цифровых ресурсов учреждений культуры, например – к оцифрованным коллекциям (см. табл. 4).

Таблица 4

Типы используемых цифровых ресурсов учреждений культуры, в зависимости от уровня образования и возраста респондентов, 2025 г., в % от числа пользующихся

Типы	В целом по массиву	Образование			Возраст		
		Высшее (n = 206)	Среднее профессиональное (n = 167)	Среднее общее и ниже (n = 126)	До 30 лет (n = 103)	30–55 лет (n = 289)	Старше 55 лет (n = 108)
Сайты музеев/театров и т. д.	49,0	61,2	41,3	39,7	50,5	50,2	44,4
Приложения учреждений культуры	32,2	35,4	31,1	28,6	28,2	33,2	33,3
Страницы в социальных сетях (группы «ВКонтакте»)	68,4	67,0	71,9	65,9	71,8	70,2	60,2

Окончание табл. 4

Типы	В целом по массиву	Образование			Возраст		
		Высшее (n = 206)	Среднее профессиональное (n = 167)	Среднее общее и ниже (n = 126)	До 30 лет (n = 103)	30–55 лет (n = 289)	Старше 55 лет (n = 108)
Онлайн-трансляции мероприятий (спектакли, концерты, лекции)	21,8	24,8	19,8	19,8	15,5	25,6	17,6
Виртуальные туры и онлайн-выставки	7,8	9,2	9,0	4,0	7,8	8,3	6,5
Просмотр оцифрованных коллекций (картин, архивов)	5,2	5,8	5,4	4,0	1,0	5,9	7,4
Образовательные онлайн-курсы/вебинары от учреждений культуры	11,4	12,1	8,4	14,3	16,5	10,4	9,3

Примечание: предусматривался множественный выбор. Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия между группами ($p < 0,05$).

Обратимся к структуре барьеров, которые препятствуют использованию цифровых ресурсов культуры в регионе. Наиболее распространёнными причинами неиспользования цифровых ресурсов культуры являются отсутствие интереса (мотивационный барьер) и предпочтение очного формата посещений. Однако наряду с этим статистически значим информационный барьер (незнание о существовании ресурсов), который выше среди лиц с высшим образованием (V Крамера = 0,107, $p < 0,05$). Вероятно, что данная группа более критично оценивает собственную информированность, тогда как респонденты с более низким уровнем образования реже рефлексируют по поводу отсутствия знания как такового. Компетентностные причины (сложность использования) чаще упоминаются лицами с низким образованием и пожилого возраста (см. табл. 5).

Таблица 5

Барьеры, препятствующие использованию цифровых ресурсов культуры, в зависимости от уровня образования и возраста, 2025 г., в % от числа не пользующихся

Причины неиспользования цифровых ресурсов культуры	В целом по массиву	Образование			Возраст		
		Высшее (n = 223)	Среднее профессиональное (n = 410)	Среднее общее и ниже (n = 361)	До 30 лет (n = 107)	30–55 лет (n = 415)	Старше 55 лет (n = 478)
Нет необходимости и желания	50,7	53,8	51,0	49,3	49,5	51,1	50,6

Окончание табл. 5

Причины неиспользования цифровых ресурсов культуры	В целом по массиву	Образование			Возраст		
		Высшее (n = 223)	Среднее профессиональное (n = 410)	Среднее общее и ниже (n = 361)	До 30 лет (n = 107)	30–55 лет (n = 415)	Старше 55 лет (n = 478)
Предпочитают очный формат посещений	36,9	34,1	34,6	40,4	34,6	36,9	37,4
Не знают о существовании	16,9	23,8	16,6	13,0	11,2	16,1	18,8
Сложно и неудобно в использовании	15,9	13,5	14,9	18,8	15,0	13,5	18,2
Низкое качество контента (звук, изображение)	4,8	7,2	4,9	3,3	6,5	5,8	3,6
Другое	0,1	0,0	0,0	0,3	0,0	0,0	0,2

Примечание: предусматривался множественный выбор. Жирным шрифтом выделены значения, существенно отличающиеся от среднеобластных ($p < 0,05$).

Несмотря на то, что в исходной логике исследования основное внимание уделялось образовательным и возрастным различиям, полученные данные по типам поселения (крупные города/районы) выявляют статистически значимую дифференциацию барьеров, которая не может быть проигнорирована. В районах основным препятствием является предпочтение очного традиционного формата культурного потребления, при этом инфраструктура сферы культуры развита слабее, чем в городах [24]. Вместе с тем в районах реже отмечают информационный барьер (10% против 24% респондентов в крупных городах) (см. табл. 6). Территориальное измерение вносит важное дополнение в модель цифрового неравенства: жители малых территорий сталкиваются не столько с информационной недоступностью, сколько с мотивационным барьером и фактором преобладания традиционных установок на неприятие «онлайн-культуры».

Таблица 6

Барьеры, препятствующие использованию цифровых ресурсов культуры, в зависимости от места проживания, 2025 г., в % от числа не пользующихся

Причины неиспользования цифровых ресурсов культуры	Крупные города (Вологда и Череповец) (n = 486)	Муниципальные округа (n = 514)	В целом по массиву
Нет необходимости и желания	48,6	52,7	50,7
Предпочитают очный формат посещений	28,2	45,1	36,9

Окончание табл. 6

Причины неиспользования цифровых ресурсов культуры	Крупные города (Вологда и Череповец) (n = 486)	Муниципальные округа (n = 514)	В целом по массиву
Не знают о существовании	24,3	9,9	16,9
Сложно и неудобно в использовании	15,2	16,5	15,9
Низкое качество контента (звук, изображение)	6,6	3,1	4,8
Другое	0,2	0,0	0,1

Примечание: предусматривался множественный выбор. Жирным шрифтом выделены значения, существенно отличающиеся от данных по всему массиву респондентов ($p < 0,05$).

Экономические препятствия в потреблении цифровых ресурсов реконструируются через готовность оплаты контента и услуг культуры. Значимых различий в распределении ответов респондентов на вопрос о готовности платить за онлайн-услуги в зависимости от их образования и возраста не обнаружено. В целом среди тех, кто пользуется цифровыми услугами культуры, 68% считают, что они должны быть бесплатными. Требование бесплатности сильнее выражено среди респондентов с низкой покупательной способностью и среди жителей крупных городов – доля ответов «должны быть бесплатными» составляет 76 и 74% соответственно. Жители сельской местности и районных центров выражают большую готовность платить за доступ к цифровым ресурсам культуры (см. табл. 7).

Таблица 7

Готовность респондентов с различной покупательной способностью, проживающих в крупных городах и муниципальных округах, оплачивать цифровые услуги культуры, 2025 г., в % от числа пользующихся

Готовность оплачивать цифровые услуги культуры	В целом по массиву (n = 500)	Место проживания		Покупательная способность		
		Крупные города (Вологда и Череповец) (n = 330)	Муниципальные округа (n = 170)	Высокая (n = 104)	Средняя (n = 279)	Низкая (n = 116)
Готовы	10,5	8,0	15,7	18,4	8,8	8,0
Готовы, если не будет возможности офлайн (очного) посещения	22,0	17,8	30,1	24,3	23,6	15,9
Не готовы, т. к. считают, что цифровые услуги должны быть бесплатными	67,5	74,2	54,2	57,3	67,6	76,1
V Крамера		0,146 ($p < 0,001$)		0,115 ($p = 0,012$)		

В российской практике для преодоления барьеров доступа к культуре применяется государственный инструмент – программа «Пушкинская карта». С одной стороны, это элемент культурной политики, направленный на расширение возможностей молодёжи. Программа реализуется через целевое финансирование: в 2026 году лимит средств на карте составляет 5 000 руб. С другой стороны, это современный цифровой продукт. Оформление происходит через портал «Госуслуги», а билеты приобретаются онлайн. Сам процесс выбора мероприятий требует от пользователя активного взаимодействия с цифровыми ресурсами: сайтами театров и музеев, специализированными приложениями и культурными агрегаторами. «Пушкинская карта» становится точкой пересечения государственного регулирования и цифровой сервисной среды. Участие в программе не только снимает экономический барьер (билеты молодёжи оплачиваются государством), но и стимулирует развитие цифровых компетенций, поскольку для получения выгоды необходимо быть активным цифровым пользователем.

Результаты опроса показывают, что участники программы демонстрируют более высокую цифровую активность. В среднем по области доля пользующихся цифровыми ресурсами культуры составляет 33% при 67% непользующихся. Однако среди тех, кто участвует в программе сам, доля пользующихся цифровыми ресурсами культуры достигает 76%, что значительно выше среднего показателя. В группе, где дети или внуки респондента являются участниками программы, доля пользующихся также выше среднего. Напротив, среди тех, кто не является участником программы (не знает о ней или не подходит по условиям), доля пользующихся цифровыми ресурсами культуры существенно ниже (см. табл. 8).

Таблица 8

Вовлечённость в программу «Пушкинская карта» и использование цифровых ресурсов культуры, 2025 г., в % от числа ответивших¹

Группы по участию в программе	В целом по массиву (n = 1500)	Из них пользуются цифровыми ресурсами культуры (n = 500)	Из них НЕ пользуются цифровыми ресурсами культуры (n = 1000)
Участвуют сами или дети/внуки:	23,2	62,2	37,8
в том числе: участники программы (сам респондент)	6,0	76,4	23,6
в том числе: дети/внуки респондента	17,2	57,3	42,7
Не являются участниками (не знают о программе)	15,4	28,4	71,6
Не являются участниками (не подходят по условиям)	61,4	23,7	76,3
В целом по массиву	100	33,3	66,7

Примечание: различия между группами статистически значимы (V Крамера = 0,35, $p < 0,001$).

¹ Формировка вопроса: «Являетесь ли Вы (или Ваши дети, внуки) участником программы «Пушкинская карта»».

Однако следует отметить и менее очевидную сторону функционирования программы «Пушкинская карта». Существуют основания полагать, что её основными пользователями выступают индивиды и группы, уже обладающие относительно высоким уровнем культурного капитала. В этом контексте программа с некоторой долей вероятности может способствовать не столько нивелированию, сколько воспроизводству существующих социальных и цифровых неравенств, действуя в логике кумулятивного преимущества («эффект Матфея»), при котором ресурсы распределяются в пользу уже более ресурсобеспеченных групп. Следовательно, было бы преждевременно утверждать, что «Пушкинская карта» в её текущем виде решает проблему неравенства в полном объёме. Скорее она функционирует как механизм инклюзии для тех категорий населения, которые уже в значительной степени интегрированы в цифровую среду и обладают сформированными культурными привычками, тогда как для групп, находящихся на периферии цифрового и культурного поля, её инклюзивный потенциал остаётся ограниченным.

Заключение

В исследовании выявлен портрет пользователей и непользователей цифровых ресурсов культуры. Типичный пользователь – это житель крупного города, с высшим образованием, среднего возраста, женщина, имеющая несовершеннолетних детей в семье. Кроме того, анализ результатов исследования позволяет установить, что лица старшего поколения, люди с низким уровнем образования, жители районов проявляют меньшую активность в потреблении услуг культуры в цифровой среде.

С использованием бинарной логистической регрессии выявлены определяющие факторы, влияющие на вовлечённость населения в использование цифровых ресурсов культуры. Из пяти рассмотренных факторов (пол, возраст, образование, территория проживания, покупательная способность доходов) наиболее сильным барьером выступает возраст, что подтверждает исключение лиц старшего возраста из потребления онлайн-культуры. Вторым по значимости фактором является образование: обладатели высшего и послевузовского образования имеют шансы на использование цифровых ресурсов культуры в 2 раза выше, чем лица со средним общим образованием и ниже. Также исследование показало, что территориальный фактор сохраняет самостоятельное значение даже после учёта уровня образования, возраста и дохода. Жители районов имеют значительно меньше шансов на использование цифровых ресурсов культуры по сравнению с жителями крупных городов. Итоги исследования свидетельствуют о том, что цифровые ресурсы культуры в регионе не выполняют функцию автоматического выравнивания доступа к культурным благам, а скорее закрепляют и воспроизводят уже существующие социальные разрывы.

Техническая доступность (наличие сайтов, приложений, трансляций и др.) не тождественна реальному использованию этих ресурсов в качестве инструмента

приращения культурного капитала. Согласно теории капитала П. Бурдьё, полученные данные позволяют с некоторой долей условности утверждать, что использование цифровых ресурсов культуры способствует накоплению инкорпорированной формы культурного капитала – через освоение новых знаний, развитие эстетических предпочтений и формирование культурных компетенций. Однако этот процесс происходит неравномерно: высокообразованные респонденты чаще обращаются к цифровым ресурсам с целями получения новой информации и знаний, а также для исследовательской и профессиональной деятельности, что непосредственно работает на приращение их инкорпорированного культурного капитала. В то же время для представителей групп с низким уровнем образования и старшего возраста цифровые ресурсы культуры остаются преимущественно инструментом развлечения и досуга, либо вовсе не используются.

По результатам исследования выявлено, что среди барьеров, препятствующих использованию цифровых ресурсов культуры, преобладающим выступает мотивационный (отсутствие интереса к цифровым форматам культуры), независимо от социально-демографической принадлежности групп. Видится, что причиной может быть сопротивление новым технологиям со стороны значительной части населения региона, особенно в сельских территориях и среди старших возрастных групп. При этом преодолеть мотивационный барьер расширением доступа к интернету, повышением цифровых навыков невозможно, поскольку он укоренён в системе устойчивых привычек, сформированных предшествующим социальным опытом. Территориальный срез уточняет этот вывод: жители округов и районов чаще ссылаются на предпочтение очного формата. Следовательно, политика цифровизации культуры сталкивается не только с технологическими или компетентностными ограничениями, но и с глубинными культурными установками. В связи с этим концепция трёхуровневого цифрового неравенства в применении к сфере культуры требует дополнения мотивационным измерением, которое фиксирует легитимность цифровых форматов культуры в глазах различных социальных групп.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сагитов С. Т. Цифровизация сферы культуры России: этапы и проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 1. С. 80–93. DOI [10.19181/snsp.2024.12.1.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.4). EDN [AZGCRYX](https://www.edn.ru/azgcyx).
2. Коваленко Т. В., Саркисова Е. Г. Цифровая инфраструктура учреждений культуры и задачи культурной политики в современной России: этапы и специфика формирования // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30, № 4. С. 151–163. DOI [10.15826/izv1.2024.30.4.071](https://doi.org/10.15826/izv1.2024.30.4.071). EDN [LSVYJA](https://www.edn.ru/lsvyja).
3. Музычук В. Ю. Основные направления цифровизации в сфере культуры: зарубежный опыт и российские реалии // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5. С. 49–63. DOI [10.24411/2073-6487-2020-10056](https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10056). EDN [IVDLYN](https://www.edn.ru/ivdlyn).

4. Юдина М. А. Влияние цифровизации на социальное неравенство // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 1. С. 97–108. DOI [10.19181/lspr.2020.16.1.10](#). EDN [OQKAIZ](#).
5. Андрианова Е. В., Ромашина Г. Ф., Худякова М. В. Цифровой офис или маркетплейс? Как жители регионов России используют Интернет // Социологические исследования. 2025. № 11. С. 77–92. DOI [10.7868/S3034577X25110075](#). EDN [TTKMRQ](#).
6. Горлова И. И., Зиновьева Н. Б. Анализ информационной активности учреждений культуры юга России // Обсерватория культуры. 2025. Т. 22, № 5. С. 452–463. DOI [10.25281/2072-3156-2025-22-5-452-463](#). EDN [ZPWTBS](#).
7. Кондакова Н. А., Груздева М. А. Оценка уровня цифровой зрелости сферы культуры: классификация регионов России // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 4. С. 160–177. DOI [10.14258/SSI\(2023\)4-10](#). EDN [SYHDPY](#).
8. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, MA : Harvard University press, 1984. 613 p.
9. Корсунова В. И. Культурное потребление в социологических исследованиях: обзор подходов к измерению понятия // Экономическая социология. 2019. Т. 20, № 1. С. 148–173. DOI [10.17323/1726-3247-2019-1-148-173](#). EDN [VJWHYX](#).
10. Бурдьё П. Формы капитала / П. Бурдьё ; пер. с фр. М. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. EDN [OYUVRD](#).
11. Корсунова В. И., Волченко О. В. Использование интернета и культурное потребление в странах Европы: сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4 (152). С. 106–129. DOI [10.14515/monitoring.2019.4.06](#). EDN [DXXYSY](#).
12. Шнак А. А., Курко В. И. Социальное неравенство в цифровую эпоху: концепция Йорга // Социология искусственного интеллекта. 2024. Т. 5, № 4. С. 21–48. EDN [LPBTJR](#).
13. Romele A. Digital Habitus: A Critique of the Imaginaries of Artificial Intelligence. Routledge, 2023. 184 p. DOI [10.4324/9781003400479](#).
14. Вартанова Е. Л., Гладкова А. А., Дунас Д. В. Цифровой капитал как гибридный нематериальный капитал: теоретические подходы и практические решения в российском контексте // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 1. С. 6–26. DOI [10.17150/2308-6203.2022.11\(1\).6-26](#). EDN [BPPSJC](#).
15. Ragnedda M. Conceptualizing Digital Capital // Telematics and Informatics. 2018. Vol. 35, № 8. P. 2366–2375. DOI [10.1016/j.tele.2018.10.006](#).
16. Van Deursen A. J., Van Dijk J. A. The First-Level Digital Divide Shifts from Inequalities in Physical Access to Inequalities in Material Access // New Media & Society. 2019. Vol. 21, № 2. P. 354–375. DOI [10.1177/1461444818797082](#).
17. Conceptualizing and Testing a Social Cognitive Model of the Digital Divide / K. K. Wei, H. H. Teo, H. C. Chan, B. C. Tan // Information Systems Research. 2011. Vol. 22, № 1. P. 170–187. DOI [10.1287/isre.1090.0273](#).
18. Playing a Play: Online and Live Performing Arts Consumers Profiles and the Role of Supply Constraints / P. De la Vega, S. Suarez-Fernández, D. Boto-García, J. Prieto-Rodríguez // Journal of Cultural Economics. 2019. Vol. 44, № 3. P. 425–450. DOI [10.1007/s10824-019-09367-y](#).
19. Ateca-Amestoy V., Prieto-Rodríguez J. Cultural Omnivorousness of Heritage Institutions: When most People are Already Digital Literate, but Proficiency is Also Needed // New Perspectives in the Public and Cultural Sectors: Festschrift in Honor of Ilde Rizzo. Cham : Springer Nature Switzerland, 2025. P. 69–88.

20. Lagaert S., Van Houtte M., Roose H. Engendering Culture: the Relationship of Gender Identity and Pressure for Gender Conformity with Adolescents' Interests in the Arts and literature // Sex Roles. 2019. Vol. 77, № 7. С. 482–495. DOI [10.1007/s11199-017-0738-y](https://doi.org/10.1007/s11199-017-0738-y). EDN [BKUPAT](#).
21. Швецова А. В. Виртуальная песочница: цифровые практики современных матерей // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 23–33. DOI [10.21064/WinRS.2025.1.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2025.1.2). EDN [ZEKGCJ](#).
22. Шабунова А. А., Груздева М. А., Калачикова О. Н. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 7–19. DOI [10.15838/ptd.2020.4.108.1](https://doi.org/10.15838/ptd.2020.4.108.1). EDN [CCLUGC](#).
23. Груздева М. А., Гордиевская А. Н. Критерии цифрового благополучия населения: состояние и проблемы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18, № 5. С. 187–199. DOI [10.15838/esc.2025.5.101.10](https://doi.org/10.15838/esc.2025.5.101.10). EDN [PGVHHI](#).
24. Косыгина К. Е. Культурный потенциал современного российского региона: инфраструктура и потребление услуг населением (на примере Вологодской области) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 55–77. DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.3). EDN [LVAZRL](#).

Сведения об авторах

К. Е. Косыгина

кандидат экономических наук

ведущий научный сотрудник

SPIN-код: [5799-0295](#)

А. Н. Гордиевская

научный сотрудник

SPIN-код: [6830-1230](#)

Вклад авторов:

К. Е. Косыгина – концепция и дизайн исследования; анализ полученных данных, написание текста (60%);

А. Н. Гордиевская – подготовка и обработка социологических данных (40%).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.04.2026; одобрена после рецензирования 06.06.2026; принята к публикации 23.07.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.3.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.9)

FACTORS OF INEQUALITY IN THE USE OF DIGITAL CULTURAL RESOURCES IN A REGIONAL COMMUNITY

Ksenia Evgenievna Kosygina¹

Alexandra Nikolaevna Gordievskaya²

^{1, 2} Vologda Research Center RAS,
Vologda, Russia

¹sene4ka.87@mail.ru,
ORCID 0000-0001-5875-8912
²alessu85@mail.ru,
ORCID 0000-0001-7777-3456

For citation: Kosygina K. E., Gordievskaya A. N. Factors of inequality in the use of digital cultural resources in a regional community. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):xx–xx. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.3.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.9).

Abstract. Digital transformation of the cultural sector is supported by the state and is seen as one of the tools for ensuring equal access to cultural benefits. However, the digitalisation process does not always lead to the intended results: certain social groups remain excluded. This article presents the results of an empirical study aimed at identifying the socio-demographic and resource-related factors that determine the population's use of digital cultural resources. The empirical basis comprises data from a sociological survey of the population of Vologda Oblast (N=1 500), conducted in 2025. The analysis draws on concepts of digital inequality and Pierre Bourdieu's theory of cultural capital. Cross-tabulation analysis with Cramér's V coefficient was used to assess the strength and significance of associations between variables, as well as binary logistic regression to identify the combined influence of factors. A profile of the digital cultural resource user is identified: a resident of a large city, with higher education, middle-aged, female, and having minor children in the family. It is revealed that digital cultural resources in the region do not fulfil the function of automatically equalising access to cultural benefits. Factors influencing the use of digital cultural resources in the regional community are identified, such as age, education, territory of residence, gender, and income level based on purchasing power. The most significant among these are age and education. The territorial factor retains independent significance even after accounting for education level, age, and purchasing power of income: residents of rural districts have significantly lower chances of using digital cultural resources compared to residents of large cities. The dominant limiting factor is the motivational barrier: a lack of public interest in digital resources and resistance to digital formats in the cultural sphere. Using the example of the 'Pushkin Card' programme, it is shown that even targeted support measures can operate according to the logic of cumulative advantage, primarily reaching already resource-advantaged groups.

Keywords: culture, internet, digital inequality, cultural capital, access to culture, regional community, factors of inequality, Pushkin Card

REFERENCES

1. Sagitov S. T. Digitalization of the cultural sphere in Russia: stages and problems. *Sociological science and social practice=Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2024;12(1):80–93. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.1.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.4).
2. Kovalenko T. V., Sarkisova E. G. Digital infrastructure of cultural institutions and tasks of cultural policy in modern Russia: stages and specifics of formation. *Izvestia of the Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture=Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2024;30(4):151–163. (In Russ.). DOI [10.15826/izv1.2024.30.4.071](https://doi.org/10.15826/izv1.2024.30.4.071).
3. Muzychuk V. Yu. Main directions of digitalization in the cultural sphere: foreign experience and Russian realities. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences=Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. 2020;(5):49–63. (In Russ.). DOI [10.24411/2073-6487-2020-10056](https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10056).

4. Yudina M. A. The impact of digitalization on social inequality. *Living Standards of the Population in Russian Regions=Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2020;16(1):97–108. (In Russ.). DOI [10.19181/lsprr.2020.16.1.10](https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.1.10).
5. Andrianova E. V., Romashkina G. F., Khudyakova M. V. Digital office or marketplace? How residents of Russian regions use the Internet. *Sociological Studies=Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2025;(11):77–92. (In Russ.). DOI [10.7868/S3034577X25110075](https://doi.org/10.7868/S3034577X25110075).
6. Gorlova I. I., Zinovyeva N. B. Analysis of information activity of cultural institutions in the south of Russia. *Observatory of Culture=Observatoriya kul'tury*. 2025;22(5):452–463. (In Russ.). DOI [10.25281/2072-3156-2025-22-5-452-463](https://doi.org/10.25281/2072-3156-2025-22-5-452-463).
7. Kondakova N. A., Gruzdeva M. A. Assessing the level of digital maturity of the cultural sphere: classification of Russian regions. *Society and Security Insights*. 2023;6(4):160–177. (In Russ.). DOI [10.14258/SSI\(2023\)4-10](https://doi.org/10.14258/SSI(2023)4-10).
8. Bourdieu P. *Distinction: a social critique of the judgement of taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1984. 613 p.
9. Korsunova V. I. Cultural consumption in sociological research: a review of approaches to measuring the concept. *Journal of Economic Sociology=Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2019;20(1):148–173. (In Russ.). DOI [10.17323/1726-3247-2019-1-148-173](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-1-148-173).
10. Bourdieu P. Forms of capital. *Journal of Economic Sociology=Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002;3(5):60–74. (In Russ.).
11. Korsunova V. I., Volchenko O. V. Internet use and cultural consumption in European countries: a comparative analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2019;(4):106–129. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2019.4.06](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.06).
12. Shpak A. A., Kirko V. I. Social inequality in the digital age: the Jorge concept. *Sociology of Artificial Intelligence=Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta*. 2024;5(4):21–48. (In Russ.).
13. Romele A. Digital habitus: a critique of the imaginaries of artificial intelligence. Routledge; 2023. 184 p. DOI [10.4324/9781003400479](https://doi.org/10.4324/9781003400479).
14. Vartanova E. L., Gladkova A. A., Dunas D. V. Digital capital as hybrid intangible capital: theoretical approaches and practical solutions in the Russian context. *Theoretical and Practical Issues of Journalism=Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2022;11(1):6–26. (In Russ.). DOI [10.17150/2308-6203.2022.11\(1\).6-26](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(1).6-26).
15. Ragnedda M. Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*. 2018;35(8):2366–2375. DOI [10.1016/j.tele.2018.10.006](https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006).
16. Van Deursen A. J., Van Dijk J. A. The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access. *New Media & Society*. 2019;21(2):354–375. DOI [10.1177/1461444818797082](https://doi.org/10.1177/1461444818797082).
17. Wei K. K., Teo H. H., Chan H. C., Tan B. C. Conceptualizing and testing a social cognitive model of the digital divide. *Information Systems Research*. 2011;22(1):170–187. DOI [10.1287/isre.1090.0273](https://doi.org/10.1287/isre.1090.0273).
18. De la Vega P., Suarez-Fernández S., Boto-García D., Prieto-Rodríguez J. Playing a play: online and live performing arts consumers profiles and the role of supply constraints. *Journal of Cultural Economics*. 2019;44(3):425–450.
19. Ateca-Amestoy V., Prieto-Rodríguez J. Cultural omnivorousness of heritage institutions: when most people are already digital literate, but proficiency is also needed. In: *New perspectives in the public and cultural sectors: festschrift in honor of Ilde Rizzo*. Cham: Springer Nature Switzerland; 2025. P. 69–88.
20. Lagaert S., Van Houtte M., Roose H. Engendering culture: the relationship of gender identity and pressure for gender conformity with adolescents' interests in the arts and literature. *Sex Roles*. 2019;77(7):482–495. DOI [10.1007/s11199-017-0738-y](https://doi.org/10.1007/s11199-017-0738-y).

21. Shvetsova A. V. Virtual sandbox: digital practices of modern mothers. *Woman in Russian Society=Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 2025;(1):23–33. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2025.1.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2025.1.2).
22. Shabunova A. A., Gruzdeva M. A., Kalachikova O. N. Settlement aspect of digital inequality in modern Russia. *Problems of Territory's Development=Problemy razvitiya territorii*. 2020;4(108):7–19. (In Russ.). DOI [10.15838/ptd.2020.4.108.1](https://doi.org/10.15838/ptd.2020.4.108.1).
23. Gruzdeva M. A., Gordiyevskaya A. N. Criteria of digital well-being of the population: state and problems. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast=Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2025;18(5):187–199. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2025.5.101.10](https://doi.org/10.15838/esc.2025.5.101.10).
24. Kosygina K. E. Cultural potential of a modern Russian region: infrastructure and consumption of services by the population (on the example of the Vologda region). *Sociological science and social practice=Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2024;12(2):55–77. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.3).

Information about the Authors

K. E. Kosygina

Candidate of Economics

Leading Researcher

ResearcherID: [K-7910-2018](https://orcid.org/0009-0001-7910-2018)

A. N. Gordievskaya

Researcher

ResearcherID: [I-9439-2016](https://orcid.org/0009-0001-9439-2016)

Contribution of the authors:

K. E. Kosygina – concept and design research; data analysis, writing (60%);

A. N. Gordievskaya – preparation and processing of sociological data (40%).

The authors declare no conflicts of interest.

The article was submitted 13.04.2026; approved after reviewing 06.06.2026; accepted for publication 23.07.2026.

ПОКОЛЕНЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В ВУЗЕ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Гарольд Ефимович Зборовский¹

Полина Анатольевна Амбарова²

^{1,2}Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

¹garoldzborovsky@gmail.com,

ORCID 0000-0001-8153-0561

²borges75@mail.ru,

ORCID 0000-0003-3613-4003

Для цитирования: Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Поколенческое неравенство в вузе как социологическая проблема // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 3. С. 202–226. DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.10. EDN KUWAVK.

Аннотация. В контексте проблемы социального неравенства в высшем образовании рассматривается вопрос о проявлениях поколенческого неравенства в вузовских образовательных общностях. Предпосылками этого вида неравенства может выступать усиление поколенческих различий и поколенческой неоднородности внутри студенчества, научно-педагогического и административно-управленческого сообществ вуза, а триггерами – изменение институциональных требований к поколенческо-возрастным параметрам. В качестве теоретической основы анализа поколенческих отношений образовательных общностей предлагается система взаимосвязанных понятий – поколенческих различий, поколенческой неоднородности и поколенческого неравенства. Важное значение для исследования социального неравенства в университетском сообществе имеет его этическое измерение, оно определяет восприятие поколенческого неравенства вузовскими общностями как справедливого или несправедливого. На основе результатов авторских исследований высшего образования, реализованных в рамках поколенческого подхода в 2020 и 2025–2026 годах, рассматриваются различия и неоднородность поколенческих общностей студенчества, научно-педагогических и административно-управленческих работников. Установлено, что поколенческое многообразие, имеющее горизонтальный характер, отражает основное состояние «поколенческого уклада» современных вузов, однако в научно-педагогическом и административно-управленческом сообществах стали проявляться признаки поколенческого неравенства. На основе эмпирических данных показано восприятие представителями университетского сообщества неравного доступа разных поколений к организационным и институциональным ресурсам, необходимым для профессиональной деятельности. В качестве маркера неравенства также выступает управленческая оценка разной значимости поколений, неадекватная их вкладу в общие результаты деятельности вуза. В качестве особого проявления поколенческого неравенства аргументируется

© Зборовский Г. Е., 2026

© Амбарова П. А., 2026

эйджизм и его разновидность – янгизм. Большинство проявлений поколенческого неравенства в вузе оцениваются представителями университетского сообщества как несправедливые и обусловленные институциональной политикой в высшем образовании. Результаты исследования подтверждают латентный характер поколенческого неравенства в образовательных общностях. Установлено, что, в отличие от зарубежных университетов, для которых проблема поколенческого неравенства также актуальна, поколенческое неравенство не характерно для российского студенчества, поколения которого разведены по разным сегментам высшего образования. В «Заключении» обосновывается, что поколенческое неравенство образовательных общностей представляет собой новую, мало разработанную предметную зону социологии высшего образования и вносит вклад в поколенческие исследования российской высшей школы.

Ключевые слова: высшее образование, студенты, научно-педагогические работники, административно-управленческие работники вузов, поколенческие общности, поколенческие различия, поколенческая неоднородность, поколенческое неравенство в вузе, эйджизм, янгизм

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00206 (URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>). Авторы также благодарят коллег, участвовавших в обсуждении идей этой статьи.

Введение

В одной из ранних своих работ П. А. Сорокин подчеркнул, что неравенство – неотъемлемая черта любого общества [1]. Он сделал вывод о том, что никакого социального равенства достичь не удастся в исторически обозримом будущем, поскольку его обеспечение требует уничтожения всех видов социального расслоения, а это невозможно. По-видимому, этот тезис П. А. Сорокина справедлив и в отношении образования.

Социальное неравенство в образовании признаётся социологами проблемой универсальной для разных стран, уровней образования и сквозной для всех исторических этапов развития общества [2; 3; 4; 5; 6]. Снижение уровня неравенства в образовании признано одной из ключевых задач образовательной политики государства [7; 8]. Тем не менее разные виды социального неравенства (гендерное, территориальное, поселенческое и др.) характеризуют современное высшее образование, в том числе и в России [9; 10; 11; 12].

В контексте дискуссии о непрерывном образовании и образовании для взрослых актуализируется вопрос о возрастных и поколенческих различиях в высшей школе, проявляющихся в моделях образовательного выбора [13], вовлечённости различных поколенческих и возрастных групп в формальное высшее образование [14], доступности высшего образования для молодых (до 30 лет) и зрелых (старше 30 лет) людей [11; 15]. В научной и общественной дискуссии ставится также вопрос о признаках эйджизма в российских вузах [16]¹.

¹ Назайкинская О. Эйджизм в университетах: традиция или атавизм? // Сколково : сайт. 11.03.2026. URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/ejdzhizm-v-universitetah-tradiciya-ili-atavizm/> (дата обращения: 04.04.2026).

На пересечении внимания к проблеме социального неравенства в высшей школе и интереса к поколенческой проблематике в ней, по всей видимости, сегодня формируется исследовательский фокус на вопросах поколенческого неравенства в вузах. В этом проявляется тенденция отражения высшей школой всех противоречий современного общества, в том числе связанных с феноменом поколенческого неравенства [17; 18; 19].

Социальную структуру современного вуза можно рассматривать в двух взаимопересекающихся измерениях – общностном и поколенческом. С одной стороны, её ключевыми элементами являются три образовательных общности – студенты, научно-педагогические и административно-управленческие работники (НПР и АУР). С другой стороны, все вузовские общности имеют три поколения – молодое, среднее и старшее, которые в своей совокупности образуют поколенческую структуру вуза. Сложное поколенческое «устройство» современного вуза¹ отражает межпоколенческие противоречия, различия и расколы, характерные для общества в целом, что может служить предпосылкой возникновения поколенческого неравенства в вузе. В то же время высшая школа представляет собой относительно автономную подсистему общества, и целесообразно предположить, что в ней поколенческие противоречия могут приобретать специфический характер, в том числе усиливаться или сглаживаться.

В связи с выдвинутыми предположениями в статье предлагается обсудить феномен поколенческого неравенства в вузе. Объектом нашего исследования являются поколения вузовских образовательных общностей (студентов, НПР и АУР). Предметом выступает поколенческое неравенство вузовских общностей. Цель состоит в обосновании признаков и причин поколенческого неравенства вузовских образовательных общностей.

Эмпирическая база

Статья основана на результатах нескольких авторских исследований, реализованных в рамках поколенческого подхода в 2020 и 2025–2026 годах. Основной массив эмпирических данных был получен в рамках проекта РНФ «Межпоколенческие и внутривпоколенческие взаимодействия в российском университетском сообществе XXI в.: от кризиса к консенсусу»². Исследование было реализовано в два этапа. На первом этапе (в мае – сентябре 2025 г.) были проведены полуструктурированные интервью, сфокусированные на взаимодействии поколений в университетском сообществе. Информантами выступили

¹ Вопреки сложившемуся стереотипу, что студенчество представляет собой исключительно молодое поколение, сегодня можно говорить о трёхпоколенческой структуре студенчества. Молодое поколение (до 24 лет включительно) российского студенчества составляет около 72%, среднее (от 25 до 34 лет включительно) – около 20%, старшее (от 35 лет) – примерно 8%.

² Проект выполняется научным коллективом в составе: Г. Е. Зборовский (рук.), П. А. Амбарова, Н. Б. Костина, Д. Ю. Нархов, Н. В. Шаброва, А. А. Дроздова, Е. В. Кеммет, С. А. Егорова, В. Р. Нопина, П. Э. Новосёлова.

НПР и АУР вузов Уральского федерального округа ($n = 41$). Критериями отбора НПР ($n = 20$) выступали: работа в вузе, расположенном в регионе УрФО¹, тип вуза², научная специальность³. Отбор АУР ($n = 21$) был осуществлён по тем же критериям: работа в вузе, расположенном в макрорегионе⁴, тип вуза⁵, позиция в системе управления (уровень управления)⁶. Количественные параметры выборки определялись моментом получения повторяющейся информации. Гайд включал в себя блоки вопросов, нацеленные на выявление проблем межпоколенческих взаимодействий в общностях НПР и АУР, а также возможностей регулирования межпоколенческих взаимодействий в вузах.

На втором этапе проекта (февраль – апрель 2026 г.) в вузах УрФО были проведены массовые опросы студентов и НПР, а также структурированные интервью с АУР. Опрос студентов был проведён с использованием онлайн-сервиса Яндекс-формы ($n = 3\,049$), предельная ошибка не превышала 2%. Реализован квотный отбор по двум независимым критериям: обучение в вузе, расположенном в регионе УрФО, и возраст (поколение). Квоты рассчитаны на основе данных статистики о численности студентов вузов.

Опрос НПР был проведён с использованием онлайн-сервиса Яндекс-формы ($n = 1\,513$), предельная ошибка не превышала 2,5%. Реализован квотный отбор по двум независимым критериям: работа в вузе, расположенном в регионе

¹ Количество опрошенных НПР по региону определялось количеством вузов в регионе и численностью студентов в них. Распределение информантов по регионам: Свердловская область – 9 чел., Челябинская область – 6 чел., Тюменская область – 2 чел., ХМАО – 2 чел., Курганская область – 1 чел. НПР из ЯНАО не вошли в выборку, поскольку в регионе отсутствуют самостоятельные вузы.

² Был применён стихийный гнездовой отбор вузов разных типов (с особым статусом – федеральный, национальный исследовательский, опорный университет, университет – участник программы «Приоритет-2030»; без особого статуса – остальные). Распределение информантов по типу вуза: НПР из вузов с особым статусом – 10 чел., НПР из вузов без особого статуса – 10 чел.

³ Был использован укрупнённый подход к научной специальности (дисциплинарному профилю) НПР (социально-гуманитарный и естественно-технический). Распределение информантов по дисциплинарному профилю: социально-гуманитарный профиль – 11 чел., естественно-технический профиль – 9 чел.

⁴ Количество опрошенных АУР по региону определялось количеством вузов в регионе и численностью студентов в них. Распределение информантов по регионам: Свердловская область – 9 чел., Челябинская область – 6 чел., Тюменская область – 2 чел., ХМАО – 2 чел., Курганская область – 2 чел. АУР из ЯНАО не вошли в выборку, поскольку в регионе отсутствуют самостоятельные вузы.

⁵ Был применён стихийный гнездовой отбор вузов разных типов (с особым статусом – федеральный, национальный исследовательский, опорный университет, университет – участник программы «Приоритет-2030»; без особого статуса – остальные). Распределение информантов по типу вуза: АУР из вузов с особым статусом – 10 чел., АУР из вузов без особого статуса – 11 чел.

⁶ Были выделены три уровня университетского управления: высший уровень (ректор, проректор), средний (декан, директор института), низший (заведующий кафедрой). Распределение информантов по уровню управления: высший – 9 чел., средний – 6 чел., низший – 6 чел.

УрФО, и возраст (поколение). Квоты рассчитаны на основе данных статистики о численности научно-педагогических работников вузов.

Отбор представителей АУР ($n = 57$ чел.) осуществлялся по трём критериям: работа в вузе, расположенном в регионе УрФО, тип вуза, уровень управления. Количество опрошенных АУР по региону определялось количеством вузов в регионе и численностью студентов в них. Количественные параметры выборки определялись моментом получения повторяющейся информации. Интервью проводились в очной форме и онлайн. Большинство вопросов были закрытыми, что позволило осуществить количественный анализ данных.

Дополнительным источником эмпирических данных о поколенческих различиях в общности студентов выступили данные проекта «Образование как ресурс сохранения и развития людей “третьего возраста”» (РФФИ № 19-011-00096). В 2020 году в его рамках методом полуструктурированного интервью был проведён опрос студентов вузов г. Екатеринбурга ($n = 25$), в том числе представителей социальной общности людей «третьего возраста», включённых в практики высшего образования ($n = 10$). Интервью были нацелены на выявление возможностей, условий и перспектив получения высшего образования «серебряными» студентами. Кроме того, методом кейс-стади был проведён социологический анализ успешных образовательных стратегий «серебряных» студентов (6 кейсов), позволивший выявить особенности целеполагания и мотивации «серебряной» студенческой общности.

О ключевых понятиях исследования

Основываясь на принципах общностного подхода и предложенном ранее понимании образовательной общности [20], мы трактуем *поколение образовательной общности в вузе* как *поколенческую общность* – относительно единое и автономное объединение близких по возрасту представителей образовательной общности, обладающих схожими социокультурными характеристиками (ценностями, интересами, потребностями, идентичностью) и общими функциями в системе поколенческих отношений вуза [21]. В этом определении интегрируется понимание поколения и как возрастного, и как социокультурного феномена.

Жизнедеятельность представителей поколенческой общности в вузе развивается синхронно с жизнедеятельностью других поколений. При этом границы поколений каждой образовательной общности могут устанавливаться и переопределяться: в исследовании – в зависимости от научного подхода, в реальной вузовской практике – либо конвенционально (в результате стереотипизации возраста), либо административно (в зависимости от институциональных установок). В нашем исследовании мы придерживаемся следующих представлений о границах поколений НПП и АУР: молодое поколение – до 35 лет, среднее поколение – от 35 до 55 лет, старшее поколение – от 55 лет. Что касается студенчества, то границы его поколений специфичны и могут быть определены

для молодого поколения – до 25 лет, для среднего – от 25 до 35 лет, для старшего – от 35 лет [21].

Предваряя анализ поколенческих различий, поколенческой неоднородности и поколенческого неравенства в вузе, хотелось бы раскрыть исходное понимание перечисленных терминов в контексте вуза, без привязки к феномену поколения.

Несмотря на то, что общностно-образующим признаком студенчества, НПР и АУР является схожесть целей, задач, образа жизни, социокультурных характеристик, вузовские образовательные общности различаются не только между собой. В силу своей массовости они подвержены внутренним процессам социальной дифференциации. Социальные различия в вузе складываются именно как результат этих процессов, происходящих между и внутри образовательных общностей. В основе социальных различий может быть функциональный характер тех видов академической деятельности, в которые вовлечены НПР, АУР или студенты. Другими основаниями социальной дифференциации выступают социокультурные, темпоральные, ресурсные, этнические, демографические особенности образовательных общностей и их групп.

В итоге социальные различия в вузе отражают многообразие (разнообразие) социальных свойств, признаков вузовских образовательных общностей и их групп, свидетельствующих об их несовпадении (различении), уникальности, автономности друг от друга.

Социальные различия образовательных общностей порождают социальную неоднородность университетского сообщества, в границах которого разворачивается их жизнедеятельность. Социальная неоднородность рассматривается уже не как признак отдельной образовательной общности, а как характеристика всего университетского сообщества в качестве социальной общности более высокого порядка. То есть *социальная неоднородность указывает на системные свойства университетского сообщества, отражающие условно отрицательный модус его целостности и связанности.*

Если социальные различия вузовских образовательных общностей, свидетельствующие лишь об их несхожести, формируют своеобразный горизонтальный порядок университетского сообщества, то социальная неоднородность может указывать на *предпосылки* формирования его вертикального (иерархического) порядка. По сути, появление и усиление социальной неоднородности могут спровоцировать тенденцию к стратификации университетского сообщества и возникновению в нём социального неравенства в разных его проявлениях и масштабах.

Соответственно, исходя из общесоциологической трактовки неравенства, *социальное неравенство в вузе означает неравный доступ образовательных общностей (отдельных их групп) к значимым благам, неравные возможности их использования для удовлетворения своих потребностей, неравное положение в системе социальной стратификации вуза.*

Для нас важна взаимосвязь рассмотренных понятий (социальных различий, социальной неоднородности и социального неравенства в вузе), которая

отражает и взаимосвязанность феноменов, стоящих за ними. Мы полагаем, что социальное неравенство в вузе является следствием возникновения и усиления социальных различий и социальной неоднородности на индивидуальном и общностно-групповом уровнях. Анализируя все три феномена (социальные различия, социальную неоднородность и социальное неравенство) на общностно-групповом уровне, следует рассматривать их существование как внутри образовательных общностей, так и между ними. При этом социальные различия и социальная неоднородность характеризуют все три вузовские общности (студентов, НПР и АУР), сказываясь на их внутри- и межобщностном взаимодействии. Вопрос заключается в том, при каких условиях эти различия и неоднородность становятся фактором, способствующим появлению социального неравенства в межпоколенческих отношениях в каждой образовательной общности.

На наш взгляд, в исследовании социального неравенства в вузе важно понимание его этических оснований, которые позволяют говорить о возможности существования справедливого и несправедливого неравенства. Справедливость как этический принцип означает соразмерность вознаграждения вкладу, который вносит индивид или социальная общность в общее дело, а также признание ценности каждого социального субъекта и объективности его оценивания [22; 23]. Соответственно, справедливое неравенство будет означать признание возможности вузовских образовательных общностей получать разный набор и объём благ, иметь более высокий или более низкий социальный статус – в зависимости от их вклада и объективной ценности [24; 25]. Несправедливое неравенство будет означать ситуацию, противоречащую обозначенному принципу социальной справедливости.

Подчеркнём, что такое разделение социального неравенства на справедливое и несправедливое имеет существенное значение для исследования феномена поколенческого неравенства в вузе (как и для любых иных видов социального неравенства в нём), поскольку вузовская среда до сих пор базируется на ценностях и этических представлениях о справедливости, связанных с традиционной академической культурой. Поэтому понимание идеи справедливости/несправедливости, заданное академическим контекстом, может сказываться на восприятии справедливого/несправедливого неравенства, вызывать определённые эмоции, влиять на уровень доверия, конфликтности и нестабильности в университетском сообществе.

Результаты

Поколенческие различия и поколенческая неоднородность как предпосылки поколенческого неравенства в высшей школе. В силу объективно существующих социальных различий между студентами, НПР и АУР рассматривать поколенческие различия и поколенческую неоднородность в вузе следует в разрезе трёх вузовских общностей.

Начнём с поколенческих различий в студенчестве, выступающих маркерами многообразия несовпадающих социальных качеств молодого, среднего и старшего поколений этой ключевой образовательной общности. К таким социальным качествам поколений традиционно относят ценности (ценностные ориентации), интересы, потребности, мотивы, убеждения, модели поведения. Перечень таких качеств определяется целями сравнения: исследователями – в зависимости от целей сравнительного поколенческого анализа, в реальной практике – в зависимости от целей социального сравнения [26]. Согласно закону социального сравнения, межпоколенческие сравнения могут способствовать как лучшему пониманию представителей других поколений, так и непониманию, негативной стереотипизации и конфликтам между разными поколениями.

Что касается различий между молодым, средним и старшим поколениями студентов, то возможности реального социального сравнения в студенческой общности ограничены тем обстоятельством, что разные поколения студентов мало взаимодействуют между собой. Молодое поколение представлено в основном студентами-очниками, среднее и старшее поколения – заочниками. В реальном учебном процессе молодое поколение мало пересекается со средним и старшим и редко взаимодействует с ними «лицом к лицу». Что касается старшего поколения студентов, то в силу его чрезвычайной малочисленности (8% от числа студентов вузов), его отличия «растворяются», нивелируются в обыденном сознании.

Тем не менее наше исследование, посвящённое «серебряным» студентам российских вузов (2018 г.), показало наличие значимых особенностей среднего и старшего поколений студентов. Так, приоритетная цель студентов «серебряного» поколения (55 лет и больше) при получении высшего образования – повышение качества жизни, самореализация. Образование как ресурс трудовой и профессиональной деятельности имеет для них второстепенное значение. Несколько больший вес ему в таком качестве придают люди предпенсионного возраста и «молодые» пенсионеры, но в целом иерархия целей «серебряного» образования не меняется от одной возрастной группы «серебряных» студентов к другой. Такая ситуация объясняется слабой включённостью россиян старшего возраста в рынок труда, предъявляющий высокие и постоянно обновляющиеся требования к профессии и квалификации [27, с. 118–119]. Обучение в университете как стратегию продолжения трудовой и профессиональной жизни выбирают представители среднего поколения студентов, сознательно планирующие в дальнейшем вести активную трудовую и профессиональную деятельность [27, с. 120].

Молодое, среднее и старшее поколения студентов, конечно, различаются по финансовому обеспечению получения высшего образования. Старшее поколение имеет существенные ограничения (не случайно его доля в структуре студенчества столь мала). В отличие от молодого поколения оно не получает в таком же объёме государственных гарантий и субсидий на образование. На денежные инвестиции со стороны родных «серебряные» студенты

не рассчитывают. В то же время подавляющее большинство из них не может самостоятельно финансировать своё образование. Напротив, молодое поколение студентов имеет среди инвесторов родителей (не случайно последних иронично называют «кошельки на ножках») [28] и организации, оплачивающие целевое обучение [29]. Наиболее состоятельным в плане самостоятельного финансирования высшего образования является среднее поколение студентов. Это подтверждается их спросом на заочные программы, которые в большинстве российских вузов реализуются на внебюджетной основе [30; 31; 32].

Важно отметить, что поколения студентов различаются по функциональным ролям в поколенческой структуре вуза. Молодое поколение выступает носителем новых идей-вызовов университету и участвует в кадровом воспроизводстве вуза. Среднее поколение студентов транслирует вузам требования рынка труда, нередко выступает партнёром вуза в его социальных проектах. В силу дифференцированности своего образовательного, профессионального, трудового опыта это поколение расширяет социально-профессиональную базу высшего образования. Старшее поколение помогает вузу реализовывать его «третью» (социальную) миссию.

Наличие поколенческих различий в общности студентов свидетельствует о её поколенческой неоднородности. Ещё одно доказательство этой неоднородности – сама возможность выделить в студенчестве разные поколения, а внутри поколений – разные возрастные группы. При этом, как мы отмечали выше, молодое поколение студентов мало взаимодействует со средним и старшим. Исключение составляют те академические группы студентов-заочников, которые включают в себя представителей либо двух (молодого и среднего), либо всех трёх поколений. Между тем такая поколенческая неоднородность студенчества вовсе не служит предпосылкой поколенческого неравенства. Об этом свидетельствуют данные упомянутого исследования «серебряного» высшего образования.

В этом исследовании мы установили, что смешанная (гетерогенная) «поколенческая» модель обучения способствует межпоколенческой интеграции студентов [33]. Благодаря ей «нормализуется» взаимодействие между различными возрастными и поколенческими группами: старшее поколение, например, выводится из социальной изоляции. Так, одно из интервью с молодыми студентами УрФУ показало, что студенческая молодёжь не только не возражает против присутствия в их группах возрастных студентов, но и признаёт их высокий статус: *«Это даже интересно – учиться с опытными людьми, знающими жизнь не по книжкам и учебникам, как мы. Они даже могли бы быть старостами в наших группах»*.

Особого рассмотрения заслуживают поколенческие различия в общности НПР. Они могут быть выявлены в сравнительном анализе молодого, среднего и старшего поколений НПР по таким характеристикам, как ресурсность, ценности (в том числе отношение к ценностям академической культуры и академического труда), восприятие институциональных трансформаций высшей школы, функциональные роли в поколенческой структуре вуза и др.

Так, зависимость от поколенческого фактора восприятия НПР новых институциональных «правил игры» в высшей школе убедительно показало исследование И. Г. Дежиной и Г. З. Ефимовой на примере оценки рисков Проекта «5-100» [34]. С одной стороны, очевидно, что молодое поколение НПР, по сравнению со средним и старшим, быстрее и легче адаптируется к новым показателям эффективности и более нейтрально воспринимает перекосы и несправедливости новой системы академической продуктивности. С другой стороны, в этом исследовании были выявлены и зоны поколенческой солидарности (в отношении принципов использования государственного финансирования и адекватности показателей эффективности). Отметим, что названное исследование показало такое отличие старшего поколения НПР от молодого, как присутствие в нём большого числа инбридов и высокий уровень лояльности вузу.

Интервью с НПР, проведённые в 2025 году, показали функциональные различия между их поколениями. По мнению информантов, молодое поколение НПР выполняет, помимо функции кадрового резерва, роль создателей и проводников вузовских инноваций, которые к тому же способны адаптировать эти инновации к особенностям вузовской среды и конкретной ситуации. Среднее поколение НПР несёт на себе основную нагрузку по выполнению ключевых задач вуза (что соответствует роли «рабочих лошадок» академического труда). Его представители наиболее активно участвуют в кадровом воспроизводстве, а во взаимодействии с молодым поколением производят селекцию инноваций. Особые функции выполняет старшее поколение НПР, выступающее хранителем академических традиций, опыта, морали, носителем символического академического капитала. Важнейшей функцией старшего поколения является наставничество (в педагогической и научной сферах).

Практически неизученными до последнего времени были межпоколенческие различия в административно-управленческом сообществе вузов. В нашем исследовании 2026 года (метод стандартизированного интервью), посвящённом межпоколенческим отношениям в университетском сообществе, они были зафиксированы по ряду параметров. Одним из них выступало поколенческое самосознание и такой его элемент, как образ поколения. Методом самоописания были сконструированы образы трёх поколений АУР и выделены доминирующие их черты (табл. 1).

Таблица 1
Доминирующие черты трёх поколений АУР, доля от числа ответивших, 2026 г., %

Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение
Креативность (54,4)	Ответственность (59,6)	Забота о своей академической репутации (61,4)
Активность, инициативность (47,4)	Высокая работоспособность (57,9)	Чувство гордости за университет (50,9)
Адаптивность (45,6)	Забота о своей академической репутации (50,9)	Ответственность (47,4)

Примечательно, что у среднего поколения АУР креативность стоит на 11-м месте, у старшего поколения – только на 17-м (из 20 позиций). Активность, инициативность стоит у среднего поколения АУР на 6-м месте, у старшего поколения – на 11-м. Адаптивность занимает у среднего поколения 4-е место, у старшего – 12-е. Таким образом, мы видим, что среднее и старшее поколения АУР в целом сильно отличаются от молодого по доминирующим характеристикам.

Что же касается молодого поколения, то черты, доминирующие у среднего и старшего поколений, занимают у молодёжи средние позиции (ответственность – на 6-м месте, высокая работоспособность – на 7-м, забота об академической репутации – на 8-м). Однако существенное отличие молодого поколения от старшего связано с чувством гордости за университет: у молодого поколения оно стоит только на 19-м месте (из 20).

Так же, как и в общности НПР, у представителей АУР наблюдаются и зоны поколенческой солидарности. Так, все три поколения АУР демонстрируют высокую степень согласованности представлений о принципах, на которых строится взаимодействие с представителями разных поколений (табл. 2). Единственное (и весьма незначительное) отличие молодого поколения в том, что в ответах его представителей толерантность стоит на 4-м месте, уступая 3-е место информационной открытости.

Таблица 2

Принципы, на которых строятся межпоколенческие взаимодействия в общности АУР, доля от числа ответивших, 2026 г., %

Взаимодействие с молодым поколением	Взаимодействие со средним поколением	Взаимодействие со старшим поколением
Взаимопонимание, взаимопомощь, взаимоуважение (68,4)	Взаимопонимание, взаимопомощь, взаимоуважение (75,4)	Взаимопонимание, взаимопомощь, взаимоуважение (66,7)
Доверие, партнёрские отношения (64,9)	Доверие, партнёрские отношения (68,4)	Доверие, партнёрские отношения (49,1)
Информационная открытость (61,4)	Информационная открытость (56,1)	Толерантность (47,4)

Мы не можем уверенно говорить о том, насколько декларативны или реальны эти принципы. Однако даже простое артикулирование и согласованность этих принципов свидетельствуют о том, что в управленческом сообществе существуют чёткие нормативные представления о характере межпоколенческого взаимодействия.

Рассмотренные аспекты межпоколенческих различий в разрезе трёх вузовских общностей (студентов, НПР и АУР), безусловно, не отражают всей сложной картины поколенческого многообразия (и на уровне самосознания, и на уровне поведения поколенческих общностей). Мы только в самых общих чертах показали наличие и характер некоторых наиболее заметных различий. Однако, следуя логике, заданной теоретико-методологической рамкой статьи,

мы можем теперь перейти к анализу проблемы поколенческого неравенства в университетском сообществе.

Признаки поколенческого неравенства в университетском сообществе. В отличие от межпоколенческих различий вопрос поколенческого неравенства в вузе можно отнести к сензитивной тематике, поскольку он напрямую выводит исследование в область межпоколенческих конфликтов и поколенческой дискриминации. В целом в России не сложилась традиция системного исследования поколенческого неравенства и связанной с ним возрастной или поколенческой дискриминации. Соответственно, на сегодняшний день отсутствуют основания и для масштабной публичной дискуссии вокруг этой проблематики, тем более в сфере высшего образования.

Тем не менее некоторые российские исследователи высшего образования обращают внимание на проявления эйджизма [16]¹, в том числе янгизма², в академической среде. Зарубежные исследователи уделяют этой проблематике больше внимания [35; 36; 37], чем отечественные. Но они также отмечают стремление обойти её стороной в публичном обсуждении и завуалировать в вузовской практике, вместо того чтобы использовать потенциал разных поколений преподавателей, администраторов [38], вспомогательного персонала [39]. Так, по мнению Дж. Монтепаре, эйджизм пронизывает академическую среду как на системном, так и на неявном уровне, препятствуя расширению внимания к проблемам старения в высшем образовании [40]. Особое направление составляют исследования стереотипов и дискриминации студентов старшего возраста (т. н. «нетрадиционных» студентов) [41].

Отличительной чертой зарубежных исследований поколенческого неравенства можно назвать включение в их орбиту всех образовательных общностей, в том числе студентов. В силу специфичности поколенческой структуры российского студенчества, о которой мы писали выше, разные поколения вузовской молодёжи практически разведены по разным сегментам высшего образования, что создаёт «естественный» барьер для возникновения отношений неравенства между их поколениями. В связи с этим в нашем исследовании мы уделили внимание признакам поколенческого неравенства в двух вузовских общностях – НПР и АУР.

Неявный характер поколенческого неравенства затрудняет не только его публичное обсуждение, но и эмпирическое исследование, которое в этом случае требует сложной методической стратегии. В качестве признаков поколенческого неравенства в образовательных общностях могут выступать следующие показатели:

¹ «Целому поколению учёных перекрывают кислород» // Indicator : сайт. 24.08.2020. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/celomu-pokoleniyu-uchenykh-perekryvayut-kislorod.htm> (дата обращения: 27.04.2026); Назайкинская О. Указ. соч.

² Назайкинская О. Бесконечный экзамен: как выглядит янгизм в университетской среде и чем он опасен // Forbes : сайт. 06.03.2026. URL: <https://www.forbes.ru/young/556664-beskonechnyj-ekzamen-kak-vygladit-angizm-v-universitetskoj-srede-i-chem-on-opasen> (дата обращения: 27.04.2026).

- неравный доступ к организационным и институциональным ресурсам, необходимым для профессиональной деятельности;
- оценка значимости поколения, неадекватная его вкладу в общее дело;
- поколенческая (возрастная) дискриминация (эйджизм, янгизм).

В соответствии с этими признаками в инструментарий опроса НПР и АУР были включены такие индикаторы, как: 1) несправедливое распределение профессиональных задач между разными поколениями; 2) недооценка вклада разных поколенческих групп в достижение общей цели; 3) переоценка роли того или иного поколения (молодого, среднего, старшего); 4) наличие и частота фактов дискриминации по возрасту.

Среди различных проблем, с которыми столкнулись за последний год НПР и АУР, были обозначены те, которые указывали на поколенческое неравенство (п. 3–5 в табл. 3). Обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое: среди НПР, по сравнению с АУР, оказалось в 2,5 раза меньше тех, кто сталкивался в целом с какими-либо проблемами. Второе: проблемы поколенческого неравенства у НПР отнюдь не доминируют среди других, а в равной степени проявляются наряду с разными поколенческими противоречиями (не связанными с неравенством).

Таблица 3

*Проблемные ситуации, с которыми приходилось сталкиваться НПР, АУР
за последний год, 2026 г., в % от числа ответивших¹*

№№ п/п	Проблемы	НПР	АУР
1	Таких ситуаций не возникало	46,7	17,5
2	Нежелание сотрудничать	20,4	45,6
3	Несправедливое распределение профессиональных задач между разными поколениями	18,8	15,8
4	Недооценка вклада разных поколенческих групп в достижение общей цели	17,1	42,1
5	Переоценка роли того или иного поколения (молодого, среднего, старшего)	16,8	40,4
6	Отсутствие уважительного отношения представителей разных поколенческих групп друг к другу	16,1	26,3
7	Недоверие между представителями разных поколений	12,4	17,5
8	Неконструктивная критика старшего поколения	12,3	12,3
9	Неконструктивная критика молодого поколения	11,8	29,8
10	Пассивное сопротивление межпоколенческому сотрудничеству	10,0	21,1
11	Неконструктивная критика среднего поколения	6,2	15,8
12	Конфронтация межпоколенческих групп в открытой форме	2,7	8,8
Итого		191,3	293,0

¹ Сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

С ситуацией в среде НПР контрастирует оценка АУР. Среди них оказалось примерно в 2,5 раза больше респондентов, отметивших несправедливость оценки вклада разных поколений в общее дело (п. 4 и 5 в табл. 3). Несправедливое распределение профессиональных задач между поколениями среди АУР отметило примерно такое же число опрошенных, что и среди НПР. В целом административно-управленческое сообщество в вузах более критично оценивает поколенческую ситуацию. Возможно, это служит фоновым фактором, усиливающим восприятие поколенческих отношений в вузе (в общности АУР) как ситуацию неравенства.

Для определения фактов и масштабов поколенческой дискриминации как проявления поколенческого неравенства в вузе мы апеллировали к личному опыту НПР и АУР (через прямой вопрос «Приходилось ли Вам лично сталкиваться в вузе с дискриминацией по возрасту?»). Сравнительный анализ показал, что опять же меньшее число НПР сталкивались с дискриминацией по возрасту, хотя с той или иной частотой эти ситуации известны 30% НПР и 40% АУР (табл. 4). Последнее обстоятельство можно трактовать как тревожный симптом, даже если бо́льшая часть случаев дискриминации наблюдалась не так часто (раз в год и раз в полгода).

Таблица 4
Частота случаев дискриминации по возрасту в общности НПР и АУР,
2026 г., в % от числа опрошенных

Частота случаев	НПР	АУР
Отсутствие дискриминирующих ситуаций	70,0	59,6
Несколько раз в год	17,1	15,8
Несколько раз в полгода	8,0	12,3
Несколько раз в месяц	3,1	7,0
Несколько раз в неделю	1,8	5,3
Итого	100,0	100,0

В силу познавательной ограниченности количественной методики при изучении такой сензитивной проблемы, как поколенческое неравенство в академической среде, данные опроса мы дополнили результатами полуструктурированных интервью с НПР и АУР, проведённых в 2025 году (на первом этапе исследования). Эти данные подтвердили, прежде всего, существование изучаемой проблемы на латентном (неявном) уровне (о чём писала Дж. Монтепаре). Приведём типичное высказывание одного из наших информантов: «...с межпоколенческими конфликтами я столкнулась сразу, как только меня... назначили деканом факультета... Было предвзятое отношение, исключительно в силу возраста. Мне никто никогда не говорил о том, что сомневаются в моих профессиональных качествах, но очень часто мне говорят: «ты нам в дочери годишься, да что ты можешь понимать?» Мне пришлось несколько лет доказывать, что

даже в силу своего возраста я могу профессионально выполнять свои функции...» (жен., канд. наук, представитель молодого поколения АУР).

Неравенство поколений в общности НПР проявляется в условиях ресурсных дефицитов вуза. Так, оптимизация кадрового состава НПР (по численности и возрастной структуре), вызванная требованиями макрорегулятора¹, особенно к вузам – участникам программы «Приоритет-2030», происходит за счёт представителей старшего поколения. Ставки, необходимые для молодых НПР, высвобождаются за счёт увольнения работников старшего поколения: *«В некоторых институтах... вообще принимают [на работу] только молодёжь. То есть они, получается, выдавливают старое поколение. Ну, не старое, а вообще следующие поколения, даже тех, кому за 50–60»* (жен., канд. наук, представитель среднего поколения НПР).

Примечательно, что данная ситуация воспринимается старшим поколением амбивалентно – одновременно и как допустимая, и как несправедливая: *«Меня заведующий пригласил на разговор о том, что он вынужден принимать на кафедру молодёжь, а ставок нет. Ну, и предложил «поделиться»... Я же понимаю, что на него давят, он вынужден это делать. Да и молодёжи, конечно, нужно давать дорогу. Я это тоже понимаю. Приходится уходить, я согласен, но какое-то чувство несправедливости всё равно остаётся...»* (муж., канд. наук, представитель старшего поколения НПР).

Приведённый скрипт, с одной стороны, отражает то, как видится ситуация поколенческого неравенства изнутри академического сообщества. Позиция информанта свидетельствует о готовности идти на компромисс, заключая своеобразный межпоколенческий контракт, когда дефицитные ресурсы (в данном случае – ставки) передаются в пользу молодого поколения, потому что заведующий кафедрой апеллирует к общей пользе и необходимости быть лояльным вузу, учитывать его актуальные потребности. С другой стороны, чувство несправедливости такого ресурсного неравенства связывается в сознании информанта с действиями руководства вуза и требованиями макрорегулятора (Министерства науки и высшего образования РФ). Таким образом, предпосылки и источники поколенческого неравенства видятся не в самой общности НПР, а во внешних институциональных преобразованиях высшего образования и их агентах.

Особый аспект ресурсного неравенства – перераспределение возможностей финансовой поддержки профессиональной активности в пользу молодого поколения НПР. Не сомневаясь в необходимости мер поддержки академической

¹ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 08.07.2024 № 441 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений» (Зарегистрирован 08.08.2024 № 79057) // Официальное опубликование правовых актов : сайт. 08.08.2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080151?ysclid=mkwgn3bbb28612077> (дата обращения: 28.04.2026).

молодёжи, представители иных поколений отмечают несправедливость реализации этих мер за счёт среднего и старшего поколения: *«Вот, например, на кафедре и в ПФУ стали говорить, что молодёжи будем доплачивать больше. Раз она у нас не держится, давайте мы ей зарплату добавим, будем платить в полтора раза больше, чем, например, у доцента. После этого все доценты стали возмущаться: а чем они лучше и почему за наш счёт?»* (муж., канд. наук, представитель среднего поколения НПР).

Представители среднего поколения особенно остро воспринимают как факт несправедливого поколенческого неравенства перераспределение трудовой нагрузки. В массовом опросе эта проблема была отмечена одной из первых (см. табл. 3), а в интервью получила более развёрнутое обоснование: *«У нас сейчас много молодёжи привлекли на кафедру, в связи с требованиями увеличить число молодёжи. Но это создало одни проблемы. У них нет не только нужного уровня педагогических компетенций, но и некоторых профессиональных компетенций нет вообще... И теперь получается, что мы своей нагрузкой и всеми наработками должны поделиться с молодым ассистентом, а сами взять себе, как опытные, новые курсы. Мы ещё должны научить этого молодого коллегу, а где-то и за него поработать, если он «не тянет». Вот у меня и вопрос: это почему? на каком основании? за какие коврижки? Я понимаю, что молодых надо привлекать, им надо помогать, но ведь не за наш счёт»* (жен., д-р наук, представитель среднего поколения НПР).

Проведённое исследование выявило такую особенность вузовского поколенческого «уклада», как его неравномерность. Наряду с рассмотренными выше проявлениями поколенческого неравенства, характеризующими положение прежде всего старшего и – отчасти – среднего поколений, в некоторых случаях в вузах наблюдается так называемое традиционное неравенство между молодым и старшим поколениями НПР, поддерживаемое традиционной статусной иерархией академического сообщества. Приведём отрывок из интервью с НПР: *«Старшему поколению все всегда должны, особенно молодые. Если ты ассистент, молодой преподаватель, значит, ты помоги мне завести электронный курс, оценки в журналы, оформить что-то, создать форму и пятое-десятое, чуть ли не «помоги мне такси вызвать». Это какое-то такое потребительское отношение в плане вот этой традиционной иерархии, которая выстраивается. Мол, я – выдающийся учёный, а ты – молодой ещё такой... Вот, и давай...»* (муж., ст. преп., представитель молодого поколения НПР).

По сути, информант описывает феномен «академической дедовщины», который является «привычной» аномалией традиционной вузовской культуры, основанной на неформальной профессиональной иерархии. Однако современное молодое поколение НПР воспринимает такой вид поколенческого неравенства негативно и активно сопротивляется ему: *«Буду уходить из вуза, потому что не нравится отношение ко мне как [к] молодому сотруднику. Более старшие коллеги критикуют, не стесняясь, за любые ошибки. На кафедре нагружают всякими обязанностями, за которые больше никто не берётся»* (жен., без степени, представитель молодого поколения НПР).

Результаты нашего исследования поколенческого неравенства в образовательных общностях, безусловно, не охватывают всех признаков и проявлений этого феномена. Особого исследовательского внимания и экспертизы требуют, например, практики конкурсного отбора НПР и прохождения на должность АУР, включающие, помимо нормативно закреплённых критериев академической и управленческой продуктивности, возрастной критерий. В перспективе возможен и необходим их социологический анализ в контексте общей картины поколенческого неравенства вузовских общностей. В то же время наша попытка очертить хотя бы в первом приближении границы этой проблемы и верифицировать её эмпирические признаки в университетском сообществе состоялась. Она позволила сделать некоторые заключения и наметить перспективы дальнейшего развития тематики.

Заключение

Современные российские социологи, занимающиеся проблемами неравенства в сфере высшего образования, постоянно показывают, что тенденции, раскрывающие развитие этого феномена, носят противоречивый характер. С одной стороны, наблюдаются позитивные сдвиги, например – вызванные функциональностью института ЕГЭ или развитием образовательной инклюзии. С другой стороны, усиливаются другие виды неравенства или возникают новые, проявляющиеся в усилении сословности высшего образования, цифровом разрыве между образовательными общностями и группами.

Наше исследование, проведённое в русле поколенческого подхода к изучению высшей школы, показало наличие в ней признаков ещё одного вида неравенства – поколенческого. Несмотря на то, что оно не имеет глобального характера и зачастую принимает латентные формы, тем не менее оно способствует сохранению остроты проблемы образовательного неравенства. В этом смысле сохраняет свою актуальность высказывание П. Сорокина о неизбежности и неизбежности этого социального феномена.

Поколенческая ситуация в российском высшем образовании в общих своих контурах отражает основные проблемы межпоколенческих отношений в российском обществе в целом. Среди них – усиление межпоколенческих различий, изменение социальных ролей поколенческих общностей, понижение статуса старшего поколения, стремление институтов управления оказать усиленную поддержку молодому поколению, искусственноотрегулировать поколенческую структуру и поколенческие отношения. В то же время университетское сообщество в силу своей относительной автономности по-особому преломляет и решает возникающие поколенческие проблемы.

Проведённое нами исследование показало, что для вузовских образовательных общностей – основных субъектов высшего образования – характерна ситуация многочисленных поколенческих различий, порождающих поколенческое разнообразие и поколенческую неоднородность. В то же время эти различия свидетельствуют не только о поколенческом многообразии, но и о предпосылках

поколенческого неравенства. При этом триггер перерастания первого (различий и неоднородности) во второе (неравенство) кроется не внутри вузовских общностей, а в системе внешнего регулирования их жизнедеятельности.

Мы видим, что традиционное поколенческое неравенство (так называемый янгизм), выступающее производным от традиционной профессиональной академической иерархии, не является доминирующей практикой выстраивания неравных поколенческих отношений в вузе. Тем более, молодое поколение не склонно нормализовать янгизм и сопротивляется ему. Между тем представители НПР и АУР рассматривают неравный доступ разных поколений к различным ресурсам, необходимым для их профессиональной деятельности, как несправедливое и аномальное проявление неравенства. Особенно остро университетское сообщество реагирует на разную оценку значимости разных поколений образовательных общностей (тем более что она закрепляется в усилении институциональной поддержки молодёжи) и на несправедливое распределение трудовой нагрузки между поколениями.

Можно предположить, что сегодня внешние (институциональные и организационные) источники поколенческого неравенства в вузах доминируют над внутренними (общностными), порождая новые признаки и формы поколенческого неравенства и усиливая чувство несправедливости и социальной ущемлённости.

Как нам кажется, российское студенчество счастливо избегает ситуации поколенческого неравенства, но опять же – в силу институциональных обстоятельств, сегментирующих разные поколения по разным формам высшего образования. Однако если выйти за границы вузовской среды, в которой действительно пока наблюдаются только поколенческое многообразие и неоднородность студенчества, мы вполне можем обнаружить признаки поколенческого неравенства. Среди них – ограниченный доступ к высшему образованию студентов среднего и – особенно – старшего поколений, отсутствие для них бюджетных мест (которые рассчитываются исходя из численности молодёжи до 30 лет) и иных мер государственной поддержки.

В итоге мы можем заключить, что в обозначенной предметной зоне поколенческих исследований высшего образования формируется много научных и практических вопросов, ответы на которые пока могут быть сформулированы в виде гипотез. Однако эти ответы необходимы для прояснения перспектив преодоления в высшем образовании одной из самых острых и вечных социальных и нравственных проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин П. А. Проблема социального равенства. Петроград : Революционная мысль, 1917. 64 с. URL: <https://archive.org/details/problemasotsialnogoravenstva39> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Бурдье П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М. : Просвещение, 2007. 267 с. ISBN 5-09-014104-5. EDN **TZRPN**.

3. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х.). М. : ЦСО, 2008. 551 с. ISBN 978-5-98201-029-2. EDN [QOIYTX](#).
4. Константиновский Д. Л. Неравенство в российском образовании: XX – начало XXI вв. // Образование и социальная дифференциация / Отв. ред. М. Карной, И. Д. Фруммин, Н. Н. Кармаева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 203–225. ISBN 978-5-7598-1734-5. EDN [MHFRBR](#).
5. Langthaler M., Malik J. Inequalities in Education from a Global Perspective. Theoretical Approaches, Dimensions and Policy Discussions (Briefing Paper, February 2023). Austrian Foundation for Development Research – ÖFSE. DOI [10.60637/2023-bp34](#).
6. Routledge Handbook of the Sociology of Higher Education / Ed. by J. E. Cote, A. Furlong. London, New York : Taylor and Francis Group, 2016. 396 p.
7. Матвеев В. В., Большаков А. Ю. Воспроизводство неравенства в российском образовании: состояние и перспективы исследований // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 1. С. 215–235. DOI [10.19181/vis.2024.15.1.11](#). EDN [ZFTZUH](#).
8. Equity Policies in Global Higher Education: Reducing Inequality and Increasing Participation and Attainment / Ed. by O. Tavares, C. Sá C. Sin, A. Amaral. Cham : Palgrave Macmillan, 2023. 245 p. ISBN 978-3-030-69691-7. DOI [10.1007/978-3-030-69691-7](#).
9. Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 78 с. (Современная аналитика образования. № 7 (67)).
10. Чередниченко Г. А. Переход «школа-вуз»: человеческий капитал vs социальное неравенство // Власть. 2022. Т. 30, № 5. С. 133–144. DOI [10.31171/vlast.v30i5.9253](#). EDN [ZWAOGA](#).
11. Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. Региональная дифференциация доступности высшего образования в России. М. : НИУ ВШЭ, 2020. 68 с. (Современная аналитика образования. № 13 (43)).
12. Лукина А. А. Образовательные траектории студентов первого поколения как кейс неравенства в высшем образовании // Вопросы образования. 2023. № 2. С. 133–160. DOI [10.17323/1814-9545-2023-2-133-160](#). EDN [CUUPQW](#).
13. Попова О. И., Тимохина Г. С., Изакова Н. Б. Ценностные установки представителей разных поколений в процессе принятия решений о выборе вуза и образовательной программы // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14, № 4. С. 636–653. DOI [10.18184/2079-4665.2023.14.4.636-653](#). EDN [ECXOUG](#).
14. Попов Д. С., Шестакова Д. А. Высшее образование в зрелом возрасте в России: барьеры и модели // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 34–44. DOI [10.31857/S013216250016092-4](#). EDN [HUEFPO](#).
15. Университеты на перепутье: Высшее образование в России / Д. П. Платонова, Е. С. Абалмасова, С. К. Бекова [и др.]. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 318 с. ISBN 978-5-7598-2139-7.
16. Литвинюк А. А. Эйджизм и его последствия для российского высшего образования и науки // Лидерство и менеджмент. 2023. Т. 10, № 4. С. 1465–1484. DOI [10.18334/lim.10.4.118901](#). EDN [MXFUWA](#).
17. Оценка масштабов неравенства пожилых людей в России / Е. А. Фролова, В. А. Маланина, Е. И. Клемашева [и др.] // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 11 (109). С. 268–275. DOI [10.26726/1812-7096-2019-11-268-275](#). EDN [FYDCZI](#).
18. Лебедева Л. Г. К проблеме рисков цифрового неравенства в поколенческом аспекте // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия:

- Социальные науки. 2023. № 1 (69). С. 165–173. DOI [10.52452/18115942_2023_1_165](https://doi.org/10.52452/18115942_2023_1_165). EDN [PPLQIL](#).
19. *Расторгуев С. В.* Стратегия преодоления межпоколенческих разрывов в современной России // *Власть*. 2021. Т. 29, № 6. С. 146–150. DOI [10.31171/vlast.v29i6.8707](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8707). EDN [QYMWGI](#).
 20. *Зборовский Г. Е.* Теория социальной общности. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. 304 с. ISBN 5-7741-0119-1. EDN [QOKBWV](#).
 21. *Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.* Функции поколений образовательных общностей в вузе // *Высшее образование в России*. 2025. Т. 34, № 7. С. 9–26. DOI [10.31992/0869-3617-2025-34-7-9-26](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-7-9-26). EDN [ILILAI](#).
 22. *Канарш Г. Ю.* Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. 236 с. ISBN 978-5-98079-689-1. EDN [QOMPVL](#).
 23. *Lerner M.* The Belief in a Just World: Fundamental Delusion. N. Y. : Plenum Press, 1980. 210 p. ISBN 978-0-306-40495-5. DOI [10.1007/978-1-4899-0448-5](https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0448-5).
 24. *Ефимова Г. З.* Восприятие справедливости оплаты труда научно-педагогическими работниками // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2021. Т. 14, № 4. С. 297–317. DOI [10.21638/spbu12.2021.401](https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.401). EDN [CDATCO](#).
 25. *Каргаполова Е. В., Давыдова Ю. А.* Справедливость в системе высшего образования: исследовательские дискурсы // *Социологический альманах*. 2020. № 11. С. 36–46. EDN [WLHNAG](#).
 26. *Зборовский Г. Е.* Социальное сравнение как повседневное явление и социологическая проблема // *Социологические исследования*. 2005. № 12. С. 13–22. EDN [OPCWFB](#).
 27. *Образование как ресурс сохранения и развития людей «третьего возраста» / П. А. Амбарова, Г. Е. Зборовский [и др.].* Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2021. 226 с. ISBN 978-5-7741-0413-0. EDN [HDKDKM](#).
 28. *Шаброва Н. В.* Взаимодействие студентов и их родителей как фактор минимизации образовательных рисков // *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31, № 4. С. 29–41. DOI [10.31992/0869-3617-2022-31-4-29-41](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-4-29-41). EDN [WAYALZ](#).
 29. *Заляев А. Р., Шаммазова Е. Ю.* Целевое обучение в оценках студентов-медиков: опыт эмпирического исследования // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2021. № 1. С. 97–102. DOI [10.52452/18115942_2021_1_97](https://doi.org/10.52452/18115942_2021_1_97). EDN [LBJQXQ](#).
 30. *Чередниченко Г. А.* «Заочник» высшей школы: учёба и после выпуска // *Социологическая наука и социальная практика* 2019. Т. 7, № 2 (26). С. 46–64. DOI [10.19181/snsp.2019.7.2.6409](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6409). EDN [SXYVLU](#).
 31. *Чередниченко Г. А.* Пути к заочному обучению в вузе и его использование // *Социологическая наука и социальная практика*. 2021. Т. 9, № 4 (36). С. 112–126. DOI [10.19181/snsp.2021.9.4.8610](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8610). EDN [JLXZJA](#).
 32. *Рожкова К. В., Роцин С. Ю., Травкин П. В.* Судьба заочника: выпускники российских вузов заочной формы обучения на рынке труда // *Вопросы образования*. 2025. № 1. С. 233–268. DOI [10.17323/vo-2025-19898](https://doi.org/10.17323/vo-2025-19898). EDN [EMJWSK](#).
 33. *Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.* «Взросление» студенчества как феномен меняющегося высшего образования // *Высшее образование в России*. 2017. № 4 (211). С. 38–49. EDN [YKOSXF](#).
 34. *Дежина И. Г., Ефимова Г. З.* Риски Проекта 5-100: оценки научно-педагогических работников различных поколений // *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31, № 3. С. 28–39. DOI [10.31992/0869-3617-2022-31-3-28-39](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-3-28-39). EDN [NLEMEK](#).

35. *Schroots J. J. F.* Ageisme in Science: Fair-Play between Generations // *Science and Engineering Ethics*. 2003. Vol. 9. P. 445–451. DOI [10.1007/s11948-003-0043-8](https://doi.org/10.1007/s11948-003-0043-8).
36. *Simi D., Matusitz J.* Ageism Against Older U.S. College Students: A View from Social Closure Theory // *Interchange*. 2016. Vol. 47. P. 391–408. DOI [10.1007/s10780-016-9286-6](https://doi.org/10.1007/s10780-016-9286-6).
37. *Allgood S.* Age Discrimination and Academic Labor Markets // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2020. Vol. 169. P. 70–78. DOI [10.1016/j.jebo.2019.10.024](https://doi.org/10.1016/j.jebo.2019.10.024). EDN [ULXIRR](https://www.edn.ru/ULXIRR).
38. *Chun E., Evans A.* Leveraging Multigenerational Workforce Strategies in Higher Education. N. Y. : Routledge, 2021. 176 p. ISBN 978-1-003-15038-1. DOI [10.4324/9781003150381](https://doi.org/10.4324/9781003150381).
39. *Chu M.* Ageism in Academic Librarianship // *Electronic Journal of Academic and Special Librarianship*. 2009. Vol. 10, № 2. P. 1–4. URL: https://southernlibrarianship.icaap.org/content/v10n02/chu_m01.html (дата обращения: 30.04.2026).
40. *Montepare J.* Ageism in Higher Education: Historical Reasons and Contemporary Age-Friendly Solutions // *Innovation in Aging*. 2020. Т. 4, № S1. P. 533–534. DOI [10.1093/geroni/igaa057.1725](https://doi.org/10.1093/geroni/igaa057.1725).
41. *Kinyon L. L. K.* Ageism in Higher Education: Age-Based Stereotyping and Attitudes Toward Nontraditional Students at Fort Hays State University. Master's Theses or Doctor of Nursing Practice. 1994. DOI [10.58809/LWHT7791](https://doi.org/10.58809/LWHT7791).

Сведения об авторах

Г. Е. Зборовский

доктор философских наук
профессор-исследователь
SPIN-код: [9068-9732](https://www.elibrary.ru/90689732)

П. А. Амбарова

доктор социологических наук
профессор
SPIN-код: [1351-6671](https://www.elibrary.ru/13516671)

Вклад авторов:

Г. Е. Зборовский – разработка концепции исследования, анализ эмпирических данных, научное редактирование.

П. А. Амбарова – теоретический анализ проблемы, анализ эмпирических данных, оформление текста и библиографического аппарата.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 10.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.3.10](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.10)

GENERATIONAL INEQUALITY IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS AS A SOCIOLOGICAL PROBLEM

Garold Efimovich Zborovsky¹
Polina Anatolyevna Ambarova²

^{1, 2} Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

¹ garoldzborovsky@gmail.com,
ORCID 0000-0001-8153-0561
² borges75@mail.ru,
ORCID 0000-0003-3613-4003

For citation: Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Generational inequality in higher education institutions as a sociological problem. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):202–226. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.3.10](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.3.10).

Abstract. In the context of the problem of social inequality in higher education, the issue of generational inequality in university educational communities is considered. The prerequisites for this type of inequality may be increased generational differences and generational heterogeneity within the students, academic and administrative staff in the university, and triggers may be changes in institutional requirements for generational and age parameters. As a theoretical basis for the analysis of generational relations of educational communities, a system of interrelated concepts is proposed – generational differences, generational heterogeneity and generational inequality. Its ethical dimension is important for the study of social inequality in the university community; it determines the perception of generational inequality by university communities as fair or unfair. Based on the results of the author's research on higher education, implemented within the framework of the generational approach in 2019 and 2025–2026, the differences and heterogeneity of the generational communities of students, scientific, pedagogical and administrative staff are considered. It has been established that generational diversity, which has a horizontal character, reflects the basic state of the generational structure of modern universities, however, signs of generational inequality began to appear in academic and administrative staff. Based on empirical data, it is shown that representatives of the university community perceive unequal access of different generations to organizational and institutional resources necessary for professional activity. The management assessment of the different significance of generations, inadequate to their contribution to the overall performance of the university, also acts as a marker of inequality. Ageism and its variant youngism are argued as a special manifestation of generational inequality. Most manifestations of generational inequality in higher education institutions are assessed by representatives of the university community as unfair and conditioned by institutional policies in higher education. The results of the study confirm the latent nature of generational inequality in educational communities. It has been established that, unlike foreign universities, for which the problem of generational inequality is also relevant, generational inequality is not typical for Russian students, whose generations are divided into different segments of higher education. In conclusion, it is proved that the generational inequality of educational communities represents a new, poorly developed subject area of the sociology of higher education and contributes to the generational research of Russian higher education.

Keywords: higher education, students, academic staff, administrative staff of universities, generational communities, generational differences, generational heterogeneity, generational inequality in higher education, ageism, youngism

Acknowledgement. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 25-18-00206, URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>. The authors also thank their colleagues who participated in the discussion of the ideas of this article.

REFERENCES

1. Sorokin P. A. The problem of social equality [Problema sotsial'nogo ravenstva]. Petrograd : Revolyucionnaya mysl'; 1917. 64 p. (In Russ.). Available at: <https://archive.org/details/problemsotsialnogoravenstva39> (accessed: 20.03.2026).
2. Bourdieu P., Passron J.-K. Reproduction: elements of the theory of the education system [Vosproizvodstvo: e'lementy' teorii sistemy' obrazovaniya]. Moscow : Prosveshhenie; 2007. 265 p. (In Russ.). ISBN 5-09-014104-5.
3. Konstantinovskiy D. L. Inequality and education. The experience of sociological research on the life beginnings of Russian youth (1960s – early 2000s) [Neravenstvo i obrazovanie. Opy't sociologicheskix issledovaniy zhiznennogo starta rossijskoj molodyozhi (1960-e gody' – nachalo 2000-x.)]. Moscow: CSO; 2008. 551 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98201-029-2.
4. Konstantinovskiy D. L. Inequality in Russian education: XX – early XXI centuries. In: Karnoy M., Frumin I. D., Karmaeva N. N., eds. Education and social differentiation. Moscow: Izdatel'stvo Vysshaya shkola ekonomiki; 2018. P. 203–225. (In Russ.).
5. Langthaler M., Malik J. Inequalities in education from a global perspective. Theoretical approaches, dimensions and policy discussions (Briefing paper, February 2023). Austrian Foundation for Development Research – ÖFSE. DOI [10.60637/2023-bp34](https://doi.org/10.60637/2023-bp34).
6. Cote J. E., Furlong A., eds. Routledge handbook of the sociology of higher education. London, New York: Taylor and Francis Group; 2016. 396 p. ISBN 978-1-317-67778-9.
7. Matveev V. V., Bolshakov A. Yu. Reproduction of inequality in Russian education: state and prospects of research. *Bulletin of the institute of sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2024;15(1):215–235. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2024.15.1.11](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.1.11).
8. Tavares O., S6 C. Sin C., Amaral A., eds. Equity policies in global higher education: Reducing inequality and increasing participation and attainment. Cham: Palgrave Macmillan; 2023. 245 p. ISBN 978-3-030-69691-7. DOI [10.1007/978-3-030-69691-7](https://doi.org/10.1007/978-3-030-69691-7).
9. Malinovsky S. S., Shibanova E. Y. Accessibility of higher education in Russia: how to turn expansion into equality. Moscow: Izdatel'stvo Vysshaya shkola ekonomiki; 2022. 72 p. (In Russ.). [(Modern educational analytics;(7))].
10. Cherednichenko G. A. School-university transition: human capital vs social inequality. *The authority=Vlast'*. 2022;30(5):133–144. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v30i5.9253](https://doi.org/10.31171/vlast.v30i5.9253).
11. Malinovsky S. S., Shibanova E. Yu. Regional differentiation of higher education accessibility in Russia. Moscow: Izdatel'stvo Vysshaya shkola ekonomiki; 2020. 68 p. (In Russ.). [(Modern educational analytics;(13))].
12. Lukina A. A. Educational trajectories of first-generation students as a case of inequality in higher education. *Educational studies. Moscow=Voprosy obrazovaniya*. 2023;(2):133–160. (In Russ.). DOI [10.17323/1814-9545-2023-2-133-160](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-2-133-160).
13. Popova O. I., Timokhina G. S., Izakova N. B. Value systems of representatives of different generations in the process of decisionmaking on choosing a university and educational program. *MIR (Modernization. Innovation. Research)=MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie)*. 2023;14(4):636–653. (In Russ.). DOI [10.18184/2079-4665.2023.14.4.636-653](https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.4.636-653).
14. Popov D. S., Shestakova D. A. Higher education for adults in Russia: barriers and models. *Sociological studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(2):34–44. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250016092-4](https://doi.org/10.31857/S013216250016092-4).
15. Platonov D. P., Abalmasov E. S., Bekova S. K., [et al.] Universities at a crossroads: higher education in Russia. Moscow: Izdatel'stvo Vysshaya shkola ekonomiki; 2019. 318 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-2139-7.
16. Litvinyuk A. A. Ageism and its consequences for Russian higher education and science. *Leadership and management=Liderstvo i menedzhment*. 2023;10(4):1465–1484. (In Russ.). DOI [10.18334/lim.10.4.118901](https://doi.org/10.18334/lim.10.4.118901).

17. Frolova E. A., Malanina V. A., [et al.] Assessing the extent of inequality among older people in Russia. *Regional problems of economic transformation=Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. 2019;(11):268–275. (In Russ.). DOI [10.26726/1812-7096-2019-11-268-275](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-11-268-275).
18. Lebedeva L. G. On the problem of risks of digital inequality in the generational aspect. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: social sciences=Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: social'nye nauki*. 2023;(1):165–173. (In Russ.). DOI [10.52452/18115942_2023_1_165](https://doi.org/10.52452/18115942_2023_1_165).
19. Rastorguev S. V. Strategy for overcoming intergenerational gaps in modern Russia. *The authority=Vlast'*. 2021;29(6):146–150. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v29i6.8707](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8707).
20. Zborovsky G. E. Theory of social community [Teoriya social'noj obshhnosti]. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet; 2009. 304 p. (In Russ.). ISBN 5-7741-0119-1.
21. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. The functions of generations of educational communities at the university. *Higher education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2025;34(7):9–26. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2025-34-7-9-26](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-7-9-26).
22. Kanarsh G. Yu. Social justice: philosophical concepts and the Russian situation. Moscow: Izdatel'skii dom Moskovskogo humanitarnogo universiteta; 2011. 236 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98079-689-1.
23. Lerner M. The belief in a just world: fundamental delusion. N. Y.: Plenum Press; 1980. 210 p. DOI [10.1007/978-1-4899-0448-5](https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0448-5). ISBN 978-0-306-40495-5.
24. Efimova G. Z. Perception of fairness in pay by academic and teaching staff. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology=Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. 2021;14(4):297–317. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu12.2021.401](https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.401).
25. Kargapolova E. V., Davydova Yu. A. Justice in the higher education system: research discourses. *Sociological almanac=Sociologicheskij al'manah*. 2020;(11):36–46. (In Russ.).
26. Zborovsky G. E. Social comparison as a behavioral phenomenon and a sociological problem. *Sociological studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2005;(12):13–22. (In Russ.).
27. Ambarova P. A., Zborovsky G. E. [et al.] Education as a resource for the saving and development of people of the “third age”. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet; 2021. 226 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7741-0413-0.
28. Shabrova N. V. Interaction of university students and their parents as a factor of minimizing educational risks. *Higher education in Russia=Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2022;31(4):29–41. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2022-31-4-29-41](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-4-29-41).
29. Zalyaev A. R., Shammazova E. Yu. Targeted training in the assessments of medical students: the experience of empirical research. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: social sciences=Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: social'nye nauki*. 2021;(1):97–102. (In Russ.). DOI [10.52452/18115942_2021_1_97](https://doi.org/10.52452/18115942_2021_1_97).
30. Cherednichenko G. A. Part-time learners of higher education: Training and after graduation. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2019;7(2):46–64. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2019.7.2.6409](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6409).
31. Cherednichenko G. A. Paths to distance learning at a university and its application. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2021;9(4):112–126. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2021.9.4.8610](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8610).
32. Rozhkova K. V., Roshchin S. Yu., Travkin P. V. The fate of a part-time learner: Russian graduates of part-time higher education programmes in the labour market. *Educational studies=Voprosy obrazovaniya*. 2025;(1):233–268. (In Russ.). DOI [10.17323/vo-2025-19898](https://doi.org/10.17323/vo-2025-19898).

33. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. «Growing up» of students as a phenomenon of changing higher education. *Higher education in Russia= Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2017;4(211):38–49. (In Russ.).
34. Dezhina I. G., Efimova G. Z. Risks of 5-100 project: perceptions of academic staff of different ages. *Higher education in Russia= Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2022;31(3):28–39. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2022-31-3-28-39](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-3-28-39).
35. Schroots J. J. F. Ageisme in science: fair-play between generations. *Science and Engineering Ethics*. 2003;(9):445–451. DOI [10.1007/s11948-003-0043-8](https://doi.org/10.1007/s11948-003-0043-8).
36. Simi D., Matusitz J. Ageism against older U.S. college students: a view from social closure theory. *Interchange*. 2016;(47):391–408. DOI [10.1007/s10780-016-9286-6](https://doi.org/10.1007/s10780-016-9286-6).
37. Allgood S. Age discrimination and academic labor markets. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2020;(169):70–78. DOI [10.1016/j.jebo.2019.10.024](https://doi.org/10.1016/j.jebo.2019.10.024).
38. Chun E., Evans A. Leveraging multigenerational workforce strategies in higher education. New York: Routledge; 2021. 176 p. ISBN 978-1-003-15038-1. DOI [10.4324/9781003150381](https://doi.org/10.4324/9781003150381).
39. Chu M. Ageism in academic librarianship. *Electronic Journal of Academic and Special Librarianship*. 2009;10(2):1–4. Available at: https://southernlibrarianship.icaap.org/content/v10n02/chu_m01.html (accessed: 30.04.2026).
40. Montepare J. Ageism in higher education: historical reasons and contemporary age-friendly solutions. *Innovation in Aging*. 2020;4(S1):533–534. DOI [10.1093/geroni/igaa057.1725](https://doi.org/10.1093/geroni/igaa057.1725).
41. Kinyon L. L. K. Ageism in higher education: age-based stereotyping and attitudes toward nontraditional students at Fort Hays State University. Master's theses or doctor of nursing practice. 1994. DOI [10.58809/LWHT7791](https://doi.org/10.58809/LWHT7791).

Information about the Authors

G. E. Zborovsky

Doctor of Philosophy
Research-Professor

P. A. Ambarova

Doctor of Sociological Sciences
Professor

Contribution of the authors:

Zborovsky G. E. – development of the research conception,
analysis of empirical data, academic editing.

Ambarova P. A. – theoretical analysis of the problem, analysis of empirical data,
design of the text and bibliography.

The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 10.05.2026; accepted for publication 13.07.2026.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года
ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор – *Мозговая А. В.*

Заместитель главного редактора – *Смирнов А. И.*

Ответственный секретарь – *Зорина А. Е.*

Редакторы:

Камышан В. В., Савоськина А. П.

Технический редактор, корректор: *Ломантёрова С. И.*

Оригинал-макет; вёрстка: *Щербов М. Ю.*

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1. Белый список. Уровень 1;
индексируется в WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2026. Том 14, № 3. Дата выхода в свет 29.09.2026.

 № 3, 2026
ТОМ 14

ISSN 2413-6891

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

Москва, 117218, ул. Кржижановского,
д. 24/35, к. 5, e-mail: snsp@isras.ru
тел. 8 499 125-00-79
<http://www.socnp.ru>